

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск (846)

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МГЛУ

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

1

Issue (846)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1(846)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. БЕЛОЗЁРОВ

доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, доцент (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1 (846)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
BELOZEROV VASILY

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil), Associate Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОТ РЕДАКЦИИ	9
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН Белозёров В. К.	10
МОДЕЛИ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Брега А. В., Брега Г. В.	19
СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ДЕТЕРМИНАТЫ, СТАНДАРТЫ ДЕЙСТВИЙ, МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ (на немецком языке) Лапинс В.	29
СПОРТ КАК ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В АРСЕНАЛЕ СРЕДСТВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА Леонтьев Е. Д.	40
ОПЫТ ГЕРМАНИИ В ПОДГОТОВКЕ ГРАЖДАНСКОГО ПЕРСОНАЛА ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ В ПОЛЬЗУ МИРА Тишков С. А., Тишкова И. Л.	45
ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОТВОРЧЕСТВА ГЕРМАНИИ: ОТ ПРИНЦИПОВ ООН К УРЕГУЛИРОВАНИЮ НАТО Шамаров П. В.	51
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ТУРЦИИ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ Шангараев Р. Н.	60

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЕЛИСЕЙСКОГО ДОГОВОРА В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ ФРАНЦИИ И ФРГ Аксеничев А. О.	67
ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НАРУЖНОЙ СЛУЖБОЙ МИЛИЦИИ В СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1949) Беркутов А. С.	74
КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС И ЗАСТОЛЬЯ: ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА С ПЬЯНСТВОМ В БРЕЖНЕВСКУЮ ЭПОХУ Горлов В. Н., Артёмов С. Н.	83

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНСКОЙ ССР (1944–1945) Климов А. А.	91
ЗАКОН О ГЕРБОВОМ СБОРЕ 1765 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ Макаров Е. П.	95
ПОЧЕМУ ПРАВА НА ХОККАЙДО ИСТОРИЧЕСКИ ПРИНАДЛЕЖАТ РОССИИ, А НЕ ЯПОНИИ Плотников А. Ю.	103
ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ СИРИЙСКОМУ НАРОДУ (2015–2018): НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ВЫВОДЫ Рыбалкин А. Н.	108

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ДОВЕРИЯ К СМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ Бессонова М. О.	115
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ Передня Д. Г.	123
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ Саблуков А. В.	130
ШКОЛЬНЫЕ УЧИТЕЛЯ-ПОЛУПРЕКАРИИ: ТИПОЛОГИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЕДАГОГОВ-ЛИНГВИСТОВ Смирнова Ю. А.	136

POLITICAL SCIENCES

EDITORIAL	9
STRATEGIC CULTURE IN THE SOCIO-POLITICAL AND SCIENTIFIC DISCOURSE OF GERMAN-SPEAKING COUNTRIES Belozеров V. K.	10
MODELS OF ELITE STRUCTURING IN MODERN RUSSIA Brega A. V., Brega G. V.	19
STRATEGIC CULTURE: DETERMINANTS, STANDARDS OF ACTION, PATTERNS OF BEHAVIOR (auf Deutsch) Lapins W.	29
SPORT AS AN ELEMENT OF “SOFT POWER” IN THE ARSENAL OF MEANS OF FOREIGN POLICY ACTIVITY OF THE STATE Leontyev E. D.	40
GERMANY’S EXPERIENCE IN TRAINING OF CIVILIAN PERSONNEL FOR PEACE ACTIONS Tishkov S. A., Tishkova I. L.	45
TRANSFORMATION OF GERMAN PEACEKEEPING: FROM UN PRINCIPLES TO NATO SETTLEMENT Shamarov P. V.	51
MILITARY-TECHNICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND TURKEY IN THE CONTEXT OF US-TURKISH RELATIONS Shangaraev R. N.	60

HISTORICAL SCIENCES

THE PRACTICE OF APPLYING THE ELYSEE TREATY IN INTERGOVERNMENTAL RELATIONS BETWEEN FRANCE AND GERMANY Aksenichev A. O.	67
PROTECTION OF PUBLIC ORDER BY THE EXTERNAL POLICE SERVICE IN THE USSR IN THE FIRST POST-WAR YEARS (1945–1949) Berkutov A. S.	74
HOUSING ISSUES AND FEASTS: PROBLEMS OF SOVIET SOCIETY WITH DRUNKENNESS IN THE ERA OF STAGNATION Gorlov V. N., Artemov S. N.	83

CONTENTS

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF THE BODIES AND TROOPS OF THE NKVD
OF THE USSR IN THE FIGHT AGAINST UKRAINIAN NATIONALISTS
ON THE TERRITORY OF THE WESTERN REGIONS OF THE UKRAINIAN SSR
(1944–1945)

Klimov A. A. 91

THE STAMP ACT OF 1765 AS PERCEIVED BY THE POLITICAL NATION
OF THE NORTH AMERICAN COLONIES OF GREAT BRITAIN

Makarov E. P. 95

WHY THE RIGHTS ON HOKKAIDO BELONG
TO RUSSIA BUT NOT TO JAPAN

Plotnikov A. Y. 103

HUMANITARIAN ASSISTANCE TO THE SYRIAN PEOPLE (2015–2018):
SOME RESULTS AND CONCLUSIONS

Rybalkin A. N. 108

SOCIOLOGICAL SCIENCES

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE FEATURES OF TRUST IN THE MEDIA
IN MODERN SOCIETY

Bessonova M. O. 115

MANAGEMENT CULTURE AND CULTURE OF MANAGEMENT:
TO THE QUESTION OF DISTINCTION OF CONCEPTS

Perednya D. G. 123

MANAGERIAL CULTURE IN THE INFORMATION SOCIETY

Sablukov A. V. 130

SCHOOL TEACHERS-SEMIPRECARIAT: TYPOLOGY ON THE EXAMPLE
OF LINGUIST TEACHERS

Smirnova Y. A. 136

ОТ РЕДАКЦИИ

Во время подготовки к изданию представляемого читателям номера мировое развитие преодолело точку бифуркации, к которой международное сообщество приближалось в течение ряда лет вследствие обострения геополитического противоборства. Среди представителей политической элиты и экспертного и научного сообщества в нашей стране и за рубежом достаточно специалистов, которые полагают, что проведение Россией специальной военной операции означает начало нового периода мировой истории.

Исследования, связанные с политической проблематикой, в силу объективных причин испытывают на себе воздействие происходящих процессов. В этих условиях порой весьма непросто сохранить нейтральный стиль изложения материала. Так произошло и с рядом материалов этого номера журнала.

Другая особенность номера в том, что в ряде статей анализируется политика современной Германии, сложившиеся в ФРГ подходы к восприятию угрозы и военно-силовое реагирование на них. При этом известно, как руководство ФРГ реагирует на проведение Россией специальной военной операции, предпринимая и меры по усилению военного потенциала. Необходимо учитывать и то, что Европейский союз в конце марта 2022 года впервые в своей истории опубликовал стратегию безопасности и обороны «Стратегический компас».

В сложившихся условиях профессор Вульф Лапинс обратился к редакции, чтобы внести дополнения в свою статью, публикуемую на немецком языке и посвященную стратегической культуре. Автор ожидает, что в стратегической культуре ФРГ грядут изменения, детерминированные происходящим. Приводим на русском языке указанные дополнения:

Известный австрийский исследователь стратегии Вольфганг Пайшель предостерегал почти три года назад: «Сомнительными представляются мыслительные конструкции, которые заставляют поверить в то, что Европа с ее иллюзорной стратегической целью “Война – никогда больше” соответствовала

бы стратегической ориентации Китая». 24 февраля 2022 года долго готовившееся и ожидаемое соглашение со стратегическим позиционированием России тоже разрушилось, особенно в Германии и в Европе. В этот день Россия начала свою всеобъемлющую, масштабную по территориальному охвату, официально провозглашенную «военную операцию» на Украине. Как констатировал Федеральный канцлер Германии Олаф Шольц в своей программной речи в немецком бундестаге, обращаясь к нации, эта дата знаменует собой «поворотный момент» для ФРГ. Тем самым он заложил фундамент для сознательного культурного сдвига в политике безопасности Германии. Гражданская держава должна стать существенно более оборонительной посредством наращивания своих военных возможностей. Остается ожидать, станет эта переориентация стратегической в рамках исполнительной и законодательной власти и общественно-политических сил или же она растворится в повседневной политической суете. Будет ли политологическая теория неореализма повсеместно направлять немецкую внешнюю политику и политику безопасности, станет ясно *ab dato*¹.

Следует также отметить, что иначе, чем прежде, при сложившихся политических обстоятельствах могут восприниматься, например, статья А. А. Климова о деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской ССР в 1944–1945 годов или исследование Р. Н. Шангараевым вопросов военно-технического сотрудничества России и Турции с учетом американо-турецких отношений.

В завершение изложенного полагаем необходимым подчеркнуть, что редакция и далее при отборе представленных к публикации материалов намерена следовать принятым этическим нормам, поощрять при этом культуру дискуссий, добиваться объективности, достоверности и обоснованности авторских позиций, воздерживаться от конъюнктурных соображений.

¹С настоящего момента (лат.).

Обзорная статья

УДК 321

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_10

Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран

В. К. Белозёров*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия**vk_belozerov@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор употребления понятия «стратегическая культура» в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран. Анализ показывает, что стратегическая культура является развивающимся и эвристичным феноменом. В отличие от России, понятие используется и изучается представителями научного сообщества названных стран. В его теоретическом осмыслении сложились различные подходы. Осмысление происходящего представляется важным для нашей страны.

Ключевые слова: дискурс, стратегическая культура, политика, сила, военная сила, немецкоязычные страны, Россия

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО МГЛУ (тема № FSFU-2020-0020).

Для цитирования: Белозёров В. К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 10–18. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_10

Original article

Strategic Culture in the Socio-Political and Scientific Discourse of German-Speaking Countries

V. K. Belozerov*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia**vk_belozerov@mail.ru*

Abstract. The article provides an overview of the use of the concept of “strategic culture” in the socio-political and scientific discourse of German-speaking countries. The analysis shows that strategic culture is a developing and heuristic phenomenon. Unlike Russia, this concept is actively used and studied by representatives of the scientific community of countries listed. Various approaches have developed in its theoretical understanding. Understanding what is happening is important for our country.

Keywords: discourse, strategic culture, politics, power, military force, German-speaking countries, Russia

For citation: Belozerov, V. K. (2022). Strategic culture in the socio-political and scientific discourse of German-speaking countries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 10–18. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_10

ВВЕДЕНИЕ

В современной Германии быстрыми темпами растет число научных исследований, посвященных осмыслению феномена стратегической культуры (далее СК). Понятие всё более активно используется и в политическом лексиконе ФРГ и других немецкоязычных стран. Немецкоязычные авторы утверждают о наступлении ренессанса в использовании СК и ее изучении, прервавшего период затишья.

Между тем в России осмысление феномена СК в настоящее время практически остановилось. Возможно, это тоже лишь временная пауза. В сложившихся условиях неправомерно ожидать и операционализации понятия СК, его применимости для анализа актуальных политических феноменов. Российские исследователи не приступили и к сравнительному анализу СК ключевых игроков международных отношений. Отсутствуют и теоретические наработки, направленные на осмысление российской СК. Факт же практически полного отсутствия внимания отечественных ученых к СК Германии, равно как и к изучению СК в немецкоязычном научном пространстве, вызывает сожаление.

ЗАЧЕМ ИЗУЧАТЬ НЕМЕЦКУЮ СТРАТЕГИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

Вместе с тем ситуация, подобная изложенной, не всегда имела место в нашей стране. В предыдущие эпохи достижения немецкой военной мысли и в России, и в Советском Союзе подвергались глубокому осмыслению, что имело положительные последствия для развития теории и практики применения военной силы, обороны страны. В постсоветский же период немецкий опыт изучается несистемно и фрагментарно. Так, феномен военной культуры Германии, находящейся на стыке со СК, изучался С. Н. Климовым при проведении социально-философского анализа военной культуры Франции XX века [Климов, 2001]. По прошествии же двух десятилетий контуры исследования собственно СК Германии лишь только скромно намечаются [Боровикова, 2012; Ухорская, Кожухова, Кирилина, 2021].

Важно, что современные немецкие теоретики истоки исследования национальной СК обнаруживают в идейном наследии классической военной мысли своей страны. Так, А. Зидшлаг обращает внимание на сосредоточение военного мыслителя К. Клаузевица на моральных величинах, находившихся, как известно, в фокусе его метода познания войны [Methoden der

sicherheitspolitischen Analyse, 2014]. Примечательно также в этой связи, что концепция прусского философа войны служит основой для современных прикладных зарубежных разработок в области менеджмента и консалтинга [Стратегия управления по Клаузевицу, 2002].

Вместе с тем в современной России фактически утрачена динамика изучения сложившихся в немецкоязычном культурно-научном пространстве научных – и не в последнюю очередь политологических – подходов к подготовке и применению военной силы, не говоря уже о таком развивающемся концептуальном образовании как СК.

Такую пассивность трудно оправдать с учетом высокой динамики мировых и региональных политических процессов. Не вполне дальновидно отказываться от понимания детерминантов поведения такого крупного игрока, каким является Германия с ее богатым историческим военно-политическим опытом, активизирующегося не только в региональных, но и в глобальных рамках.

Отсюда заслуживает пристального внимания и учета уже сам факт нарастания интенсивности исследований СК и в самой Германии, и в немецкоязычном культурно-языковом пространстве в целом, что фактически выступает как самопознание и осмысление политического курса своей страны. Появление таких теоретических разработок свидетельствует о стремлении немецкого экспертного и научного сообщества выработать эффективный инструментарий для понимания детерминантов, состояния и перспектив складывающейся в мире и в Европе обстановки, для оценки и прогнозирования в условиях нарастающей в мире турбулентности стратегий поведения своей страны и других крупных игроков, которые определяются не ситуативными обстоятельствами, а долгосрочными соображениями.

Особо следует указать и на то, что в последние годы стали появляться работы немецкоязычных авторов, посвященные исследованию СК нашей страны, ее соотношению с СК других международных игроков, пониманию причин обращения России в своей политике к военной силе с учетом исторических особенностей ее государственного развития [Eitelhuber, 2015; Fischer, 2017; Riemer, 2021]. Можно констатировать, что сложился односторонний интерес зарубежных авторов, который еще не стал обоюдным.

В итоге вряд ли можно назвать нормальной ситуацию, когда СК России выступает не более чем объектом познания зарубежных исследователей.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ

Немецкие исследователи обращают внимание на то, что в начале 2000-х годов понятие СК стало входить в лексикон и в дискуссии таких институтов, как НАТО и Евросоюз, в связи с оценкой складывающейся международной обстановки, характеристикой угроз безопасности и изложением возможных вариантов реагирования на действия других акторов [Methoden der sicherheitspolitischen Analyse ... 2014]. Уже в 2018 году, обосновывая необходимость углубления интеграции европейской оборонной политики, канцлер ФРГ А. Меркель высказалась в поддержку развития совместной СК в рамках Европы [Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit, 2019].

В дальнейшем понятие СК стало всё более активно использоваться и во внутриполитическом лексиконе ФРГ, в основном в связи с обоснованием подходов к обеспечению безопасности страны. Так, цитата из Европейской стратегии безопасности 2003 года, содержащая отсылку к СК, была использована в мае 2008 года в качестве эпиграфа к Резолюции фракции ХДС / ХСС бундестага стратегии безопасности Германии¹. Авторы аналитической разработки, подготовленной научной службой немецкого бундестага и посвященной обоснованию формирования национальной стратегии безопасности ФРГ с учетом зарубежного опыта, опираются на исследования в сфере СК².

Вопрос о развитии национальной СК (фактически – призыв к ее развитию) ставят организаторы Мюнхенской конференции по безопасности, полагая, что без таковой не может состояться общая стратегия страны и реформа процессов подготовки и принятия политических решений [Bunde et al., 2020]. В сентябре 2021 года Германское общество внешней политики обнародовало план действий, в котором призвало к проведению в стране институциональных реформ в сфере безопасности на основе реанимации и формирования национальной СК в условиях наступившей опасной эпохи [Aktionsplan Sicherheits- und Verteidigungspolitik ... 2021].

Проводятся в Германии и политико-социально-психологические исследования, направленные на выявление, измерение и сравнение отношения

населения европейских стран к тем или иным военно-политическим феноменам и институтам национальной и международной безопасности и изучаемые с учетом СК социумов [Endres, 2018; Strategische Kulturen in Europa, 2011]. Проведение таких социологических опросов практикуется в Германии и в Австрии [Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit, 2019]. Изучению детерминации внешней политики страны и отношения граждан к военной службе уделяется внимание и в современной Швейцарии [Besse, 2021]. Ясно, что такие исследования способствуют повышению легитимности принятия и реализации решений в сфере политики безопасности и обороны названных государств.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие распространение и даже обыденность практики обращения к понятию СК в общественно-политическом дискурсе стран немецкоязычного пространства. В этой связи правомерно утверждать, по крайней мере, о следующем:

- во-первых, использование понятия свидетельствует о том, что представители политической элиты и экспертного сообщества ФРГ считают СК реально существующим феноменом, для обозначения которого уместно использовать наиболее подходящее объяснительное понятие;

- во-вторых, расширение практики обращения и апелляции к СК как понятию и явлению в политическом истеблишменте побуждает научное сообщество ФРГ к реагированию на происходящее посредством проработки и концептуализации понятия.

ИЗУЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК РЕАГИРОВАНИЕ НА ПРАКТИКУ

Среди оказавшихся доступными автору настоящей статьи немецкоязычных разработок в сфере СК условно можно выделить две не изолированные друг от друга группы исследований. К первой следует отнести работы, связанные преимущественно с теоретическим осмыслением самого понятия. Труды второй группы тяготеют скорее к прикладному анализу актуальных политических ситуаций и процессов, принимаемых решений и предпринимаемых действий.

Стремление обнаружить проявления национальной СК в стратегии и политике безопасности Германии – при их критичной оценке и стремлении дать им ориентацию – появилось в исследованиях немецких авторов более десяти лет назад [Daase, Junk, 2012]. Примерно в то же время началось и теоретическое осмысление СК в связи

¹Eine Sicherheitsstrategie für Deutschland: Beschluss der CDU /CSU-Bundestagsfraktion vom 6. Mai 2008, vorgestellt auf der Sicherheitskonferenz der CDU/CSU-Bundestagsfraktion am 7. Mai 2008 in Berlin. Berlin: CDU/CSU-Bundestagsfraktion (Hrsg.).

²Lehren aus dem Ausland und Argumente für die Erarbeitung einer nationalen Sicherheitsstrategie der Bundesrepublik Deutschland, 2016.

с проработкой противодействия Германии терроризму [Germann, 2009]. С начала проведения в 2016 году Венских конференций по стратегии на них постоянно обсуждались вопросы СК. Понятием СК в связи с анализом процессов в сфере безопасности оперируют и в выпускаемом с 2021 года в Швейцарии военно-научном журнале «Stratos»¹.

Существенный импульс интенсификации обсуждения вопросов национальной СК задало опубликование в ФРГ в 2016 году «Белой книги политики безопасности и будущего бундесвера» [Jacobi, Hellmann, 2019]. Отрицательная полярная позиция в оценке установок этого доктринального документа зиждется на самопонимании нации и утверждении, что Германия действующей «Белой книгой» декларирует себя как страна без свойств [там же].

Пищу для размышлений и продолжения рефлексии предоставил немецким исследователям СК похожий на бегство вывод американских войск из Афганистана в 2021 году, что стало дополнительным стимулом для выработки стратегии и программы действий ФРГ на мировой арене. Указанное выше усиление внимания к СК России следует объяснить стремлением понять детерминанты и направленность ее политики в связи с перспективами обеспечения безопасности Германии и Европы.

Практикуется в современной ФРГ и оценивание через призму СК применения бундесвера в конкретных случаях. Имеет место в этой связи и постановка вопроса – с последующим его решением – об установлении соответствия применения Германией военной силы национальной СК. Например, к небезынтересным заключениям подвигло представителя Центра военной истории и социальных наук бундесвера Т. Конопку изучение участия воинских формирований Германии в 2018 году в миротворческой операции в Мали, где было задействовано в общей сложности более тысячи немецких военнослужащих. Как выясняется, в действительности участие в указанной операции оказалось для Германии чрезвычайно важным по ряду соображений стратегического характера, прежде всего в связи с достижением долгосрочных целей и борьбой за статус самостоятельного игрока на международной арене. Проведенный анализ позволил Т. Конопке аргументировать вывод о том, что процесс принятия в ФРГ решения о направлении воинского контингента в Мали соответствовал СК Германии безотносительно к реальной политической мотивации названного

решения [Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit, 2019].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В сложившихся условиях в Германии и других немецкоязычных странах появляются и сугубо теоретические разработки, направленные на изучение СК не только как явления, но и как понятия. В результате происходит определение его содержания и объема, раскрывается его связь с другими феноменами и понятиями.

Думается, весьма показательным в связи с оценкой актуальности проблемы является уже само название сборника научных работ, подготовленного в 2019 году австрийскими и немецкими авторами по результатам проведенных изысканий и отражающего значение концепции СК для политической практики: «Стратегическая культура как недооцененный фактор стратегии и безопасности» [Strategische Kultur als unterschätzter Faktor ... 2019]. Между тем сами авторы характеризуют понятие СК как общепринятое в рамках дискуссий, посвященных стратегии и политике безопасности [там же]. Первенство во введении понятия СК в научный оборот, как признается не только в немецкоязычных странах, принадлежит американскому ученому Дж. Снайдеру. В самом общем виде посредством понятия обозначается совокупность норм, идей, способов поведения, которые детерминируют действия государств в сфере внешней политики и политики безопасности (прежде всего на основе понимания силы и восприятия угроз). Вместе с тем в настоящее время в немецкоязычном научном пространстве имеет место широкий, с тенденцией к увеличению, диапазон мнений относительно СК.

Ознакомление с изложенными позициями и подходами позволяет дать краткую характеристику содержанию и направленности научного осмысления СК в немецкоязычном пространстве. Прежде всего осознана необходимость очерчивания границ объема понятия. С этой целью немецкие исследователи обращаются к его соотношению с другими схожими по смыслу и этиологии терминами. Среди них можно назвать собственно культуру, политическую культуру, культуру безопасности, культуру политики безопасности, культуру политики обороны, военную культуру.

В связи с изучением СК идет определение методологических основ (исследовательских платформ), которые позволили бы с максимальной

¹URL: <https://www.vtg.admin.ch/de/organisation/kdo-ausb/hka/milak/mehr-zur-milak/stratos.html>

ДЕЙСТВИЯ И ЦЕННОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

		Германия	Франция	Великобритания	Австрия	Польша	Испания
когнитивный	Действия	Много-сторонность	Национализм	Атлантизм	Нейтралитет	Инстинктивный атлантизм	Фокус на внутреннюю политику
		Оборона	Наступательность (ядерная держава)	Наступательность (ядерная держава)	Оборона	Оборона	Оборона
	Опыт	Вторая мировая война («Война – никогда больше»)	Бывшая мировая держава, тяготеет к национализму	Бывшая мировая держава, крепкая связь с США, трансатлантический баланс	Нейтральная, но входит в ЕС	Игрушка в руках великих держав, ощущение угрозы	Бывшая мировая держава, в период правления Франко – государство-изгой
оценочный	Ценности	Пацифизм	Антиамериканизм	Проамериканизм	Нейтралитет	Проамериканизм	Пацифизм

точностью понять, что представляет собой СК в самых ее различных проявлениях. Для ее осмысления используются такие теоретические конструкты, как институционализм, реализм, конструктивизм, причем в большинстве исследований предпочтение отдается последнему.

Вполне объяснимо то, что для изучения различных СК и выявления их специфики часто применяется сравнительный анализ. В этой связи заслуживает внимания сравнение СК европейских государств с целью выявления их способности применить военную силу за рубежом, проведенное немецким исследователем Х. Фириг на основе обоснованных ею критериев [Viehrig, 2010].

Характерно, что в соответствии с определенным автором книги критерием сосредоточения на внутренней политике Х. Фириг указывает на ограниченность СК Испании [Viehrig, 2010, с. 169–170].

Анализ СК немецкоязычным научным сообществом перестает ограничиваться рамками западного мира. Признание многообразия и сложности картины современного мира, его полицентричности, постоянного видоизменения применения силы в политической практике побуждает исследователей к отходу от ортодоксального западоцентризма и ориентирует на изучение незападных СК.

Следует констатировать и дифференциацию понятия, связанную с выделением разных СК внутри одной страны. В итоге выделяют, например, СК

вооруженных сил, политических партий, элиты страны. Отсюда ставится и вопрос о носителях национальной СК, делается вывод о наличии внутри нее стратегических субкультур. Думается все же, что дифференциация СК имеет свой предел. В случае его исчезновения можно будет утверждать об СК отдельного (и даже каждого) индивида.

Тем не менее, оценивая сложившееся состояние теоретических изысканий в немецкоязычном культурном пространстве, можно заключить, что СК – не застывшее, а развивающееся понятие. Отсюда можно позитивно оценить и операционализацию понятия СК, поскольку тем самым повышается его познавательный потенциал для прикладного анализа реальных политических феноменов.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГЕРМАНИИ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

В проводимых германскими авторами исследованиях национальной СК проявляется стремление раскрыть и обосновать ее эволюцию в историческом контексте, особенно после Второй мировой войны. При этом показывается и отличие поведения на международной арене Боннской республики (1949–1990) от Берлинской (с 1990 по н. в.). Используемая при обосновании отличий

аргументация направлена на доказательство того, что в современных условиях какая-либо германская экспансия, стремление к гегемонии на континенте, «четвертый Рейх» и другие подобные воспроизведения прежней политики невозможны ни при каких обстоятельствах. Действительно, эволюции в политике послевоенной Германии и изменения в массовом сознании и культуре общества, в частности, в период Берлинской республики, отрицать нельзя. Причем Германия после объединения стремилась подчеркнуть свой статус на мировой арене прежде всего как части единой Европы [Мертес, 2001]. В Европе же до сих пор, как правило, в восточной части, периодически муссируются названные фобии или Германии напоминает о ее исторической вине. Обычно такой прием используется для оказания давления на нее и принуждения к конкретному политическому решению.

Для доказательства несостоятельности этих фобий немецкие исследователи при объяснении внешнеполитического поведения своей страны оперируют такими концептами, связанными с восприятием германским обществом своего исторического наследия, как:

- преодоление прошлого (Vergangenheitsbewältigung),
- культурный сдвиг (Kulturwandel),
- гражданская держава (Zivilmacht),
- комплекс вины (Schuldkomplex).

В научный и политический дискурс Германии вошло и словосочетание «культура гражданской державы» (Zivilmachtkultur). Однако существуют работы, акторы которых обнаруживают несоответствие задач бундесвера как инструмента внешней политики, его структуры и применения закрепившимся в обществе традициям гражданской державы [Krause, 2013].

Отметим также, что в обществе, а также в политической элите Германии, сложилось общее понимание прошлого страны и признание ответственности за него. В подтверждение может быть приведено выступление в бундестаге Президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера 14 ноября 2021 года в преддверии отмечаемого в стране с 1993 года Дня народной скорби. Президент ФРГ подчеркнул, что применение бундесвером парламентской армии, всегда воспринимается с пониманием отягощенного исторического опыта использования Германией военной силы. Свою речь Штайнмайер завершил эмоциональным стихотворением советской поэтессы Юлии Друниной¹.

¹URL: www.bundespraesident.de: Der Bundespräsident / Reden / Zentrale Gedenkstunde zum Volkstrauertag.

Пониманию состояния общественного сознания и СК современной Германии способствуют и исследования известного немецкого политолога Х. Мюнклера в области национальной политической мифологии [Münkler, 2009; Münkler, Hacke, 2009]. Мифы, как известно, являются неотъемлемой составной частью массового политического сознания и лежат в основе национальных стереотипов. Правда, сам Х. Мюнклер отказывается от далеко идущих претензий при определении цели своих теоретических изысканий, не претендует на установление непосредственной связи между мифом и логосом и вовсе не склонен указывать на прямую репрезентацию национальной мифологии в реальной политике [там же]. Тем не менее исследователь утверждает: «В политических мифах проявляется самосознание политического сообщества, точнее, это самосознание впитывает их. Они являются нарративной основой символического порядка социума»² [Münkler, 2009, с. 15]. Именно военное прошлое Германии, по мнению Мюнклера, произвело мифологически-нарративное насыщение сознания поколений немцев в течение XIX и в первой половине XX века. К характерным чертам национальных мифов он относит то, что они соединяют между собой прошлое и будущее и одновременно дают указания для действий в настоящем [там же]. Об опасных последствиях политики, ведущей к утрате Германией своей идентичности, предупреждает и Т. Саррацин [Саррацин, 2012].

В целом же можно считать, что утвердившиеся в Германии концепции культурного сдвига, гражданской державы означают скорее отрицание милитаризма, а не отрицание военной силы как таковой. К тому же современная международная обстановка, отношения стран западного сообщества между собой побуждают Германию на очерчивание и защиту своей идентичности. Так, недавно генеральный инспектор бундесвера Э. Цорн, обосновывая актуализацию для ФРГ задачи обороны страны и союзников в сложившихся условиях, апеллировал и к возникшей внутри западного сообщества ситуации, когда его члены не могут в полной мере положиться друг на друга. По мнению Э. Цорна, сложившая в сфере безопасности ситуация требует усиления возможностей Европы и германских вооруженных сил действовать самостоятельно [Clausewitz-Gesellschaft, 2021, с. 16]. Думается, высказанная генералом оценка вполне соответствует немецкой СК и пониманию предназначения военной силы государства.

²Перевод наш. – В. Б.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенный вниманию читателей обзор исследования СК в немецкоязычном научном пространстве в силу объективных причин не претендует на полноту и априори является фрагментарным и дискретным. Тем не менее в качестве обобщений и выводов можно отметить следующее:

во-первых, современная Россия нуждается в выработке концепции национальной СК, что представляет собой сложную теоретическую и одновременно практикоориентированную задачу. Ее решение

требует осмысления зарубежного опыта, в том числе немецкого, что может придать импульс и задать направленность научным изысканиям;

во-вторых, в немецкоязычном научном пространстве осознана необходимость изучения СК как явления и понятия. Существующие точки зрения и подходы отличаются разнообразием и свидетельствуют об эвристичности понятия СК.

Судя же по ведущимся дискуссиям, понимание современной Германией своей идентичности, а значит, и национальной СК, нельзя считать завершенным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Климов С. Н. Военная культура Франции XX века (социально-философский анализ): монография. М.: ВУ, 2001.
2. Боровикова А. А. Эволюция военной стратегии ФРГ в 1990-е годы: факторы, ценности и нормы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 7. С. 84–90.
3. Ухорская А. И., Кожухова К. Е., Кирилина Е. Ю. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология. Политология. 2021. № 1. С. 110–117.
4. Methoden der sicherheitspolitischen Analyse. Eine Einführung. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden VS: Verlag für Sozialwissenschaften, 2014.
5. Стратегия управления по Клаузевицу / под ред. и с коммент. Тиа фон Гикзи [и др.] ; пер. с англ. Б. Зуев. М.: Альпина Паблишер, 2002.
6. Eitelhuber N. Russland im 21. Jahrhundert. Reif für eine multipolare Welt? eine Analyse der strategischen Kultur Russlands und das daraus abgeleitete Erfordernis einer konfliktsensiblen Außen- und Sicherheitspolitik gegenüber Russland / Norbert Eitelhuber. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2015.
7. Fischer L. Strategische Kulturen im Vergleich. Russland und die Türkei oder die Wiederbelebung einer geokulturellen Konfrontation: Andrassy Working Papers zur Demokratieforschung Nr. 3. 2017. Budapest: Andrassy University Budapest, 2017.
8. Riemer P. Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation. Berlin: Miles-Verlag, 2021.
9. Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit. Wien: Landesverteidigungsakademie, 2019.
10. Bunde T. et al. „Zeitenwende / Wendezeiten: Sonderausgabe des Munich Security Report“ (Münchener Sicherheitskonferenz, 2020) / T.Bunde, L.Hartmann, F.Stärk, R.Carr, Chr.Erber, J.Hammelehle, J.Kabus. München: Stiftung Münchener Sicherheitskonferenz GmbH, 2020.
11. Aktionsplan Sicherheits- und Verteidigungspolitik. Was Deutschland für Sicherheit, Verteidigung und Frieden tun muss: DGAP Bericht. Berlin: Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. (Hrsg.). 2021. S. 27–37.
12. Endres F. Öffentliche Meinung und strategische Kulturen. Außenpolitische Überzeugungen in Deutschland, Frankreich und Großbritannien. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018.
13. Strategische Kulturen in Europa. Die Bürger Europas und ihre Streitkräfte: Ergebnisse der Bevölkerungsbefragungen in acht europäischen Ländern 2010 des Sozialwissenschaftlichen Instituts der Bundeswehr / Heiko Biehl [et al.]. Strausberg: Sozialwiss. Inst. der Bundeswehr, 2011.
14. Besse F. Ausser- und vordienstliche Kultur // Schweizer Soldat. Oktober 2021. S. 6–7.
15. Daase C., Junk J. Strategische Kultur und Sicherheitsstrategien in Deutschland // S+F Sicherheit und Frieden. 2012. No 3. Vol. 30. S. 152–157.
16. Germann J.-P. Terror und Anti-terror: Politische Gewalt, Sicherheitspolitik und die strategische Kultur der Terrorismusbekämpfung in Deutschland: Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie dem Fachbereich Gesellschaftswissenschaften und Philosophie der Philipps-Universität Marburg. Marburg: Philipps Universität, 2009.
17. Jacobi D., Hellmann G. (Hrsg.). Das Weißbuch 2016 und die Herausforderungen von Strategiebildung. Zwischen Notwendigkeit und Möglichkeit. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2019.
18. Viehrig H. Militärische Auslandseinsätze. Die Entscheidungen europäischer Staaten zwischen 2000 und 2006. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2010.

19. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М. : Московская школа политических исследований, 2001.
20. Krause U. von. Die Bundeswehr als Instrument deutscher Außenpolitik. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2013.
21. Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin: Rowohlt, 2009.
22. Münkler H., Hacke J. (Hg.). Wege in die neue Bundesrepublik. Politische Mythen und kollektive Selbstbilder nach 1989. Frankfurt / Main: Campus Verlag GmbH, 2009.
23. Саррацин Т. Германия: самоликвидация: пер. с нем. М. : Рид Групп, 2012.
24. Clausewitz-Gesellschaft e.V. Jahrbuch 2020. Hamburg: Clausewitz-Gesellschaft e.V. 2021.

REFERENCES

1. Klimov, S. N. (2001). Voennaya kul'tura Francii XX veka (social'no-filosofskij analiz) = Military culture of France of the twentieth century (socio-philosophical analysis): Monograph. Moscow: WU. (In Russ.)
2. Borovikova, A. A. (2012). Evolyuciya voennoj strategii FRG v 1990-e gody: faktory, cennosti i normy = The evolution of the German military strategy in the 1990s: factors, values and norms. Vestnik of Chelyabinsk State University, 7, 84–90. (In Russ.)
3. Ukhorskaya, A. I., Kirilina, E. Yu., Kozhukhova, K. E. (2021). Antinomii strategicheskikh kul'tur Zapada i Vostoka (na primere Germanii, Francii i Kitaya) = Antinomies of the strategic cultures of the West and the East (On the example of Germany, France, and China). Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology, 1, 110–117. (In Russ.)
4. Methoden der sicherheitspolitischen Analyse. (2014). Eine Einführung. 2., erweiterte Auflage. Wiesbaden VS: Verlag für Sozialwissenschaften.
5. Ghyczy Tiha v., Oetinger Bolko v., Bassford C. (2001) Clausewitz on Strategy: Inspiration and Insight from a Master Strategist. New York: Wiley.
6. Eitelhuber, N. (2015). Russland im 21. Jahrhundert. Reif für eine multipolare Welt?: eine Analyse der strategischen Kultur Russlands und das daraus abgeleitete Erfordernis einer konfliktensiblen Außen- und Sicherheitspolitik gegenüber Russland. Frankfurt am Main: Peter Lang.
7. Fischer, L. (2017). Strategische Kulturen im Vergleich. Russland und die Türkei oder die Wiederbelebung einer geokulturellen Konfrontation: Andrassy Working Papers zur Demokratieforschung Nr. 3. Budapest: Andrassy University Budapest.
8. Riemer, P. (2021). Von der russischen Kriegskunst. Eine Untersuchung der dialektischen Zusammenhänge von Staatsidee und Militärwesen am Beispiel der Sowjetunion und der Russischen Föderation. Berlin: Miles-Verlag.
9. Strategische Kultur als unterschätzter Faktor von Strategie und Sicherheit. (2019). Wien: Landesverteidigungsakademie.
10. Bunde T. et al (2020). Zeitenwende / Wendezeiten: Sonderausgabe des Munich Security Report: Münchner Sicherheitskonferenz, 2020 / T. Bunde, L. Hartmann, F. Stärk, R. Carr, Chr. Erber, J. Hammelehle, J. Kabus. München: Stiftung Münchner Sicherheitskonferenz GmbH.
11. Aktionsplan Sicherheits- und Verteidigungspolitik (2021). Was Deutschland für Sicherheit, Verteidigung und Frieden tun muss: DGAP Bericht (Ss. 27–37). Berlin: Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. (Hrsg.).
12. Endres, F. (2018). Öffentliche Meinung und strategische Kulturen. Außenpolitische Überzeugungen in Deutschland, Frankreich und Großbritannien. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH.
13. Strategische Kulturen in Europa. (2011). Die Bürger Europas und ihre Streitkräfte: Ergebnisse der Bevölkerungsbefragungen in acht europäischen Ländern 2010 des Sozialwissenschaftlichen Instituts der Bundeswehr / Heiko Biehl et al. Strausberg: Sozialwiss. Inst. der Bundeswehr.
14. Besse, F. (2021). Ausser- und vordienstliche Kultur (Ss. 6–7). Schweizer Soldat. Oktober.
15. Daase, C., Junk, J. (2012). Strategische Kultur und Sicherheitsstrategien in Deutschland. S+F Sicherheit und Frieden, 30 (3), 152–157.
16. Germann, J.-P. (2009). Terror und Anti-terror: Politische Gewalt, Sicherheitspolitik und die strategische Kultur der Terrorismusbekämpfung in Deutschland: Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie dem Fachbereich Gesellschaftswissenschaften und Philosophie der Philipps-Universität Marburg. Marburg: Philipps Universität.
17. Jacobi, D., Hellmann, G. (Hrsg.). (2019). Das Weißbuch 2016 und die Herausforderungen von Strategiebildung. Zwischen Notwendigkeit und Möglichkeit. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH.
18. Viehrig, H. (2010). Militärische Auslandseinsätze. Die Entscheidungen europäischer Staaten zwischen 2000 und 2006. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
19. Mertes, M. (2001). Nemeckie voprosy – evropejskie otvety = German questions – European answers. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russ.)

20. Krause, U. von. (2013). Die Bundeswehr als Instrument deutscher Außenpolitik. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH.
21. Münkler, H. (2009). Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin: Rowohlt.
22. Münkler, H., Hacke, J. (Hg.). (2009). Wege in die neue Bundesrepublik. Politische Mythen und kollektive Selbstbilder nach 1989. Frankfurt / Main: Campus Verlag GmbH.
23. Sarrazin, T. (2010). Deutschland schafft sich ab: wie wir unser Land aufs Spiel setzen. 10. Aufl. München: Deutsche Verlags-Anstalt.
24. Clausewitz-Gesellschaft e.V. (2021). Jahrbuch 2020. Hamburg: Clausewitz-Gesellschaft e.V.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белозёров Василий Клавдиевич

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Belozerov Vasily Klavdievich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor, Head of the Chair of Political Science, Moscow State Linguistic University, Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation, leading researcher at the research laboratory “Study of Global and Regional Socio-Political Processes” of the Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod

Статья поступила в редакцию 25.12.2021
одобрена после рецензирования 21.01.2022
принята к публикации 01.02.2022

The article was submitted 25.12.2021
approved after reviewing 21.01.2022
accepted for publication 01.02.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_19

Модели структурирования элиты в современной России

А. В. Брега¹, Г. В. Брега²

¹Институт социологии, Федеральный Научно-исследовательский центр РАН, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия

avbrega@mail.ru

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

gvbrega@mail.ru

Аннотация. Авторы анализируют практику структурирования политической элиты современной России. Рассматриваются такие подходы к анализу политической элиты России, как «новое дворянство», «политбюро 2.0», «царский двор», «патронажные пирамиды», «номенклатурные сети», «Система-РФ» и др. По мнению авторов, сегодня у отечественной элиты есть целый набор технологических возможностей для проявления гибкости и адаптированности к изменяющимся обстоятельствам.

Ключевые слова: политическая элита, рекрутирование, неопатримониализм, политический режим, власть, внутри-элитные отношения

Для цитирования: Брега А. В., Брега Г. В. Модели структурирования элиты в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(486). С. 19–28. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_19

Original article

Models of Elite Structuring in Modern Russia

A. V. Brega¹, G. V. Brega²

¹Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

avbrega@mail.ru

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

gvbrega@mail.ru

Abstract. In article the authors analyze practice of structuring political elite of modern Russia. Such approaches to the analysis of political elite of Russia as the new nobility, the Politburo 2.0, the Royal yard, patronage pyramids, nomenclature networks, a system Russian Federation and others are considered. According to authors, today the domestic elite possesses a set of technological capabilities for manifestation of high flexibility and adaptedness to the changing circumstances.

Keywords: political elite, recruitment, neopatrimonialism, political regime, power, intra-elite relations

For citation: Brega A. V., Brega, G. V. (2022). Models of elite structuring in modern Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 19–28. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_19

ВВЕДЕНИЕ

Проблема структурирования социальной действительности, к которой относится и политическая элита прежде всего требует ее определения. Не вдаваясь в рассмотрение различных подходов, возьмем за основу точку зрения одного из классиков теории политической элиты В. Парето, который считал, что элиту составляют те, «...кто прямо или косвенно играет заметную роль в управлении обществом» [Парето, 1997, с. 61]. Такое широкое толкование политической элиты позволяет относить к ней не только тех, кто непосредственно занимает высокие государственные должности, но и всех тех, кто оказывает существенное влияние на принятие стратегических решений, в том числе и оппозицию.

Соответственно под политической элитой понимается относительно узкий социальный слой, занимающий ведущие позиции в политической системе общества в государственных органах, политических партиях и иных общественных объединениях, оказывающих определяющее влияние на формирование и реализацию общественно значимых решений. Такой подход позволяет более четко выявлять и идентифицировать политическую элиту через определение формальных (административных) и неформальных (латентных) акторов, связанных с принятием политических решений.

Учитывая подвижность, закрытость, а также различные неинституциональные аспекты политической элиты, ее структурирование является непростой задачей. Производной основой процесса структурирования является понятие «структура», обозначающая, во-первых, «упорядоченную совокупность внутренних связей некоторого объекта, обеспечивающую воспроизводимость при изменяющихся условиях, основная характеристика системы, ее инвариантный аспект» [Керимов, URL]; во-вторых, взаимное расположение частей, составляющих одно целое, внутреннее устройство. Исходя из вышеизложенного, термин «структурировать» следует трактовать как наведение порядка и установление связей между различными частями целого, т. е. формирование структуры. С гносеологических позиций структурирование обозначает мыслительный процесс по упорядочиванию элементов и взаимосвязей между ними при изучении какого-либо объекта.

ОБОЗНАЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

В современной российской политической мысли по-разному структурируется политическая элита.

Вместе с тем практически все известные исследователи признают клановый характер политической российской элиты и преимущественно гильдейский способ ее рекрутирования. Между тем как показывает мировой опыт, семейственность во власти далеко не всегда бывает порочной. Кроме того, нельзя игнорировать базовый человеческий инстинкт – продолжения рода и передачи потомкам ресурсов и активов предыдущего поколения (*Элиты как неизбежное зло // Свободная пресса. 01.27.2016*). Такие явления происходили во все времена и не были исключением в советский период, правда в меньших масштабах. Достаточно вспомнить Постановление Пленума ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии» 1987 года, в котором достаточно остро поднималась проблема кумовства во власти. Сохранение властных позиций правящей элитой является одним из базовых политических инстинктов. Человек, достигший успеха, например, в бизнесе или на госслужбе, обычно стремится обеспечить своим детям (родственникам и близким) передачу активов и высокого положения в обществе или, по крайней мере, гарантировать им безопасность без необходимости участия во власти. Если есть уверенность в сохранении материального капитала, то снижается потребность в патримониализме, выводе капиталов и выезде для проживания за границу.

Российские исследователи политической элиты нарочито подчеркивают вышеизложенные особенности в следующих интерпретациях: «новое дворянство», «политбюро 2.0», «царский двор», «патронажные пирамиды», «номенклатурные сети», «Система-РФ» и др. Рассмотрим некоторые подходы к структурированию российской политической элиты.

«Новое дворянство»

Главная идея этого подхода состоит в том, что в России развивается «династический госкапитализм», при котором представители политической элиты, как некогда дворяне и цари, передают страну «по наследству» более молодым родственникам. Главным аргументом здесь выступают многочисленные факты передачи властной элитой высоких управленческих позиций в политике и экономике.

Функционирование канала формирования наследственной элиты представляется важнейшим залогом стабильности и преемственности авторитарной власти. Поэтому для авторитарных лидеров нередко вопрос ухода с политической арены стоит достаточно остро, поскольку от этого зависит будущее всего правящего класса. Другими словами,

обеспечение устойчивости властных позиций и «плавности» сохранения власти для правящей элиты является жизненно важным. В частности, название первого Указа исполняющего обязанности Президента РФ В. В. Путина от 31 декабря 1999 года «О гарантиях Президенту РФ, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» в некоторой мере представляет квинт-эссенцию базового условия существования политической элиты России.

Потенциал социально-политической конфликтности такого положения дел заключается не в том, что родственники и аффилированные с ними лица стремительно достигают властных высот, а в самих механизмах такого движения вверх – без конкуренции, по протекции, исходя из кровнородственных отношений. Тем самым дети высокопоставленных чиновников получают инструмент аристократического наследования власти. В результате усиливается nepотизм, возникает новая для современной России практика передачи властных полномочий преимущественно людям из своего круга. «То, что сложилось к сегодняшнему дню – это ресурсный авторитаризм: группа, которая торгует ресурсом, она же им владеет, она же его защищает. В этом режиме безопасность важнее свободы, поэтому мы говорим о чекистском госкапитализме то, чем владеем: государственными активами, квазичастными активами – тоже мы охраняем средствами спецслужб. Вот так устроен этот режим» (*Новый день: российское информационное агентство. 19.01.2018*)¹.

Напомним, что сущность авторитарной власти заключается в следующем лозунге: «Разрешено всё, кроме политики». Стабильность данной элиты требует социальных и административных опор, обеспечивающих выстроенную властную иерархию. Таковым слоем, как считают авторы, придерживающиеся концепции «нового дворянства», являются российские спецслужбы или даже шире – силовые структуры. Но прежде, основой «нового дворянства» выступают сотрудники Федеральной службы безопасности. «Путин дал поколению ветеранов госбезопасности шанс вернуться в высшие эшелоны власти. Они вновь проникли повсюду: на телевидение и в университеты, в банки и в министерства. Переодевшись в строгие деловые костюмы, они пришли во власть: сегодня власть использует их как агентов, завтра они сами внедряют своих людей» [Солдатов, 2011].

Таким образом, современная российская политическая элита, исходя из концепции «нового дворянства», состоит из двух основных слоев:

а) высшего управленческого слоя, где действительно немало выходцев из спецслужб и других силовых структур;

б) опорного слоя, который, с одной стороны, является гарантом стабильности власти, с другой – источником пополнения верхнего слоя властной элиты.

Несмотря на определенную правдоподобность таких выводов, отметим, что считать сотрудников спецслужб слоем, претендующим на социальные позиции, присущие дворянскому статусу, весьма сложно. Дело в том, что, во-первых, сотрудники спецслужб в социальном составе не однородны, поскольку формирование данной структуры происходит хотя и по ангажированным требованиям, но всё же из разных социальных слоев и регионов. Данное обстоятельство заметно снижает властную корпоративность. Во-вторых, правовое и политическое сознание силовиков более ориентировано на безопасность страны, чем на личную преданность элите. Если это было бы не так, то в начале 1990-х годов среди силовиков не произошло бы раскола, когда часть из них перешла на сторону оппозиции, а большинство противилось участвовать в силовых акциях против населения. В-третьих, чтобы являться опорой власти, слой, именуемый «новым дворянством», должен быть относительно широким и политически монолитным. Однако в реальности это не так.

Несколько сотен силовиков во властной структуре, пользующихся особыми условиями, составляют привилегированную группу, но не социальный слой. Тем более нельзя судить о роли власти какого-либо слоя без анализа его идентичности, внутренней трансформации, политических установок. Указание на то, что человек является выходцем из каких-либо структур, выступает важным, но не достаточным основанием для выводов о появлении самостоятельного властного слоя. Авторы концепции «новые дворяне» утверждают, что силовики, находясь во власти, зачастую теряют ранее объединяющие их свойства корпоративности и лояльности. «Путин открыл сотрудникам спецслужб доступ во все органы власти, вероятно надеясь, что они станут гарантами стабильности и порядка. Но как только они получили доступ к ресурсам и привилегиям, они тут же начали борьбу друг против друга» [Солдатов, Бороган, 2011, с. 259]. Основной вопрос состоит не в процентном отношении в 15 % или 40 % чиновничества, отнесенного к элите, а в ее влиянии на принятие важных политических решений, измерить которое чрезвычайно сложно,

¹URL: <https://newdaynews.ru/moskow/625935.html>

поскольку «ответ может быть получен лишь путем изучения кейсов на примере конкретных политических решений» [Ратленд, 2016, с. 66].

В 1990 – начале 2000-х годов была востребованность обществом силовиков в связи с высокой турбулентностью социальных изменений, высокой социальной напряженностью, а главное безопасностью. Кроме того, статус и роль служивого сословия в России исторически всегда были высоки, а лояльность и авторитарный стиль государственного управления остаются традиционными. Поэтому приход силовиков во власть в тот период вполне объясним. Однако говорить о формировании особого слоя, который является приоритетным поставщиком кадров в политическую элиту, не приходится. Данное обстоятельство вовсе не закрыло каналы политической мобильности для выходцев из других слоев.

«Политбюро 2.0»

Ныне основной целью правящей элиты выступает обеспечение своего устойчивого положения в длительной перспективе. Одним из путей этого является конвертация власти в собственность посредством использования бюджетных средств в контролируемый бизнес, а также передачи собственности и «сфер контроля» по наследству. Данная задача предполагает последующие действия – укрепление сложившейся коалиции через отсев нежелательных членов и дозированное привлечение новых. Для реализации этих задач потребовался консолидированный орган управления, базирующийся на формально-неформальных отношениях. Другими словами, основной посыл данного подхода состоит в том, что Россией руководит клановый конгломерат, который условно позиционируется по образцу советского коллегиального органа – политбюро. В результате, процесс властвования во многом связан с поддержанием межкланового баланса сил, конкурирующих друг с другом за ресурсы, и президент выступает в роли модератора и главного арбитра.

По мнению Е. Минченко, «политбюро 2.0» является неформальным органом и механизмом, который должен разрешать аппаратные противоречия. Особенность «политбюро 2.0» состоит в том, что участники данного органа имеют формальный статус его членов, и они практически не собираются на общие совещания. Вокруг же «политбюро 2.0» сформировалось несколько соперничающих элитных групп, которые условно можно обозначить следующими блоками: силовым, политическим, технологическим и предпринимательским.

Диверсификация управления в этом конгломерате происходит за счет усложнения неписанной системы «сдержек и противовесов».

На сегодняшний день для принятия стратегических решений у власти имеются площадки: мобилизационная модель, связанная с милитаризацией экономики, и новая модернизация. Как считает Е. Минченко, «внутри «политбюро 2.0» формируются две широкие коалиции – мобилизационная (ВПК + силовики, ядро – Чemezov – Золотов – Шойгу) и модернизационная (либеральный блок правительства, частный бизнес, потенциальные участники – Медведев, Ковальчуки, Собянин, Кудрин, Греф)» [Минченко, URL]. Эти коалиции составляют ядро элиты, сформированное на основе тесной личной преданности и собственного интереса, облаченных в риторику патриотизма. Однако группе, состоящей из нескольких десятков человек, чрезвычайно сложно управлять многогранной страной, охватывающей 11 часовых поясов, и населением 145 млн человек. Поэтому им приходится вступать в альянсы с другими элитными группами, в том числе региональными [Ратленд, 2016, с. 55–72].

Процесс выхода из «политбюро 2.0» и вхождения в него новых членов, по логике, должен отражать ориентиры политического курса, хотя на практике политическая стратегия Кремля, по сути, отсутствует с 2011 года, а вместо нее есть «политбюро 2.0» как группа интересов, устремленных к единому лицу, принимающему решения, которое в конечном итоге превращает их в одну равнодействующую силу.

Собственно, модель «политбюро 2.0» представляет собой пирамидальное позиционирование конкретных персонажей в зависимости от их «доступа» к Президенту РФ. Сама по себе конструкция «политбюро 2.0» красива и эффектна, но она всё же больше имеет отношение к текущему «раскладу» взаимосвязей между конкретными личностями в элите. Скорее всего, это персонифицированная структуризация или ситуационный анализ, чем выявление сущности механизмов функционирования и рекрутирования элиты. Метафора «политбюро 2.0» не совсем удачна по той причине, что советское политбюро являлось коллегиальным органом управления, формирование которого шло по строго гильдейскому принципу, и многие решения действительно принимались коллективно. Функциональность советского политбюро обеспечивалась тем, что верхушка партии была системно сращена с государственным аппаратом, где каждый член политбюро, включенный в вертикаль, имел под собой реальную власть, доходящую до низу. В случае ухода из жизни или по другим причинам генерального секретаря ЦК КПСС члены политбюро знали,

что возьмут нового руководителя страны из своего круга. В нынешней системе никто из окружения президента не может предложить ему обсудить выбор преемника. Отсутствие неинституциональных механизмов преемственности представляет серьезную слабость современной власти. Судя по содержанию серии докладов «политбюро 2.0», российский вариант корпоративной организации высшей политической элиты более похож на процесс формирования Государственного совета времен Российской империи.

Важно отметить и сам способ получения и обработки информации, лежащий в основе концепции «политбюро 2.0». Полуформализованное интервью с представителями элиты, включенное наблюдение, проективные методики и анализ открытых источников [Минченко, URL] показывают большее тяготение настоящего исследования к политической социометрии (где в основе лежат личные зависимости), чем к структурно-функциональному анализу. Впрочем, в определенных аспектах исследования автор опирается на концепцию «естественного государства» Дугласа Норта.

«Царский двор»

К. Гаазе предложил взамен метафоры «политбюро 2.0» другую метафору «царский двор». По его мнению, сегодня в России появилась новая политическая форма, которой до этого не было. Данный феномен метафорически окрестили как «двор» Президента Путина. Конечно, здесь не идет речь о дворе наподобие князей и императоров. Под двором понимается приближенный круг людей, повседневно связанных с президентом, сущность участия в управлении государством предполагает полную поддержку своего патрона.

Персональные санкции, введенные против окружения Президента РФ, нанесли существенный удар по «двору», поскольку сделали его более «видимым» для широкой общественности. В этом смысле с 2015 года нарушилась зона комфорта, связанная с латентностью решения патронажных просьб и корпоративных интересов. Однако проблема в том, что «двор» врос в госаппарат, обрастая клиентурами. В поисках нового баланса между госаппаратом и элитой президент «стал делегировать придворные фигуры в публичную политику и в госаппарат. Этот тренд сегодня принято называть “кадровой революцией”»¹.

«Царский двор» возникает как форма демонстрация прежней команды, когда важнейшим

качеством представителей государственного управления становится лояльность к патрону и формируются соответствующие критерии отбора. Во-первых, это минимум публичности, во-вторых, отказ от политических амбиций и построения собственных патронажных сетей. Особо ценится способность, помимо соблюдения формальных правил госаппарата и его ресурсов, быстро и эффективно решать задачи, не беспокоя патрона.

Трансформация «царского двора», по мнению К. Гаазе, может идти по двум сценариям. Первый, который можно условно назвать сценарием демократизации сверху, предполагает, что политика власти становится всё более публичной, а провластные партии постепенно превращаются в партии кадрового типа, отражающие интересы различных социальных групп. Данный сценарий, по мнению К. Гаазе, маловероятен, поскольку сама природа «царского двора» не приемлет публичности, а его стиль – это латентное удовлетворение своих потребностей. Подтверждением сказанного является достаточно острая негативная реакция или демонстративное игнорирование представителей власти на обнародование размеров их капиталов, сделок, отношений и т. д. Другой сценарий демократизации снизу предполагает объединение оппозиции на волне протестных настроениях и в конечном итоге принуждение власти к мирной эволюции режима. Именно сплочение и активность оппозиции является главным вызовом режима. Выборы глав дальневосточных регионов в 2018 году наглядно показали, что протестные настроения выводят на политическую сцену лидеров, которые не являются представителями «царского двора».

«Патронажные пирамиды»

Автор термина «патронажные пирамиды» Г. Хейл в своей работе «Патрональная политика: динамика режимов Евразии в сравнительной перспективе» (2015) рассматривает патрональное президентское правление как специфический политический институт, утвердившийся в ряде постсоветских странах.

Патронализм представляет собой устойчивую модель взаимодействия в социуме, где основным средством достижения экономических и политических целей выступает система персонализированных поощрений и наказаний, распределяющихся по цепочке личных знакомств, но не общие внеличностные принципы, идеологии или идентичности (*Pro et Contra. 2008. Январь – февраль. № 1*). Для патроналистских общественных отношений «характерны несоблюдение принципа верховенства закона, высокий уровень коррупции и широкое

¹URL: <http://carnegie.ru/commentary/72910>

распространение патрон-клиентских отношений» (*Контрапункт* 2018, № 12).

Главной и в то же время универсальной чертой политических отношений постсоветских государств являются патронажно-клиентелистские взаимодействия, клановые сети и изолированные механизмы взимания ренты с экономик своих стран. В сущности, речь идет о так называемом неопатримониальном режиме, который не вписывается в привычную типологию политических систем, поскольку характеризует тип организации публичной власти и отношений по ее поводу, в котором синтезированы элементы традиционного патримониального господства с современными практиками.

В неопатримониальных (по Г. Хейлу, *patronalistic – патрональных*) режимах власть сосредотачивается и осуществляется посредством выстраивания неформальных партнерских, а иногда и конкурирующих пирамидальных отношений во главе с верховными покровителями, курирующими (руководящими) крупные экономические конгломераты, региональные структуры власти и влиятельные государственные институты. При этом, властное доминирование патрона определяется в большей мере не его формальным положением, а властной позицией в этой клановой пирамиде. Сама эта пирамида, как правило, состоит из нескольких меньших пирамид во главе с субпатронами, которые «работают» с отдельными кругами клиентов. В результате устанавливается своеобразная система вассалитета при формальных демократических практиках. Г. Хейл приходит к выводу о наличии латентной политической конфигурации в постсоветских странах. Политическая конкуренция принимает латентный вид, а официальные решения и действия представляются как свершившийся факт, если это как-то вообще находит отражение в их открытой части.

Общество, где политико-властные отношения в немалой степени построены на личных отношениях, обречено на то, что политический капитал будет принадлежать патронам, которые посредством вознаграждения своей клиентелы осуществляют принуждение остального социума. Взаимодействие патрональных группировок между собой, собственно, и является основой политической жизни. Причем конкуренция между ними – это не борьба интересов широких общественных групп, а постоянный процесс согласования частных интересов властвующих групп.

В «патронажных пирамидах», как и в «политбюро 2.0», выделяют ведущих политических акторов не в смысле формальных институтов, а посредством связи между членами властвующих групп, действующих в политике и бизнесе. При

этом, важно не столько количество связей, сколько то, как они структурированы и организованы. Другими словами, не имеет значения, сколько насчитывается группировок, если все они вращаются вокруг лидера, олицетворяющего верховную власть. Если несколько группировок будут проявлять полную лояльность, а другие – понимать, что лучше не вступать с ними в конфликты, то со стороны власть будет представляться как единый автократический механизм. В итоге создается ситуация, при которой не всегда есть смысл принимать нормативные акты, блокирующие или затрудняющие деятельность оппозиции. Поскольку иначе они столкнутся с проблемами административного, информационного, финансового и иного характера, например, не получат возможность обеспечить финансирование избирательной кампании или будут чинить препятствия организации митингов, сбору подписей и т. д. Препятствовать будут группировки, так как лидеру может не понравиться ситуация возрастающей политической конкуренции.

Номенклатурные сети

Конвергенция прошлого и настоящего, выраженная в неопатримониализме, нашла свое отражение в концепции номенклатурных сетей. По мнению Н. Петрова, номенклатурная модель в российской политике отчасти является «наследием советского способа подбора и расстановки кадров, отчасти восстановлением сталинских образцов, например, горизонтальной ротации федеральных чиновников в регионах»¹. В современных условиях управленческие кадры занимают положение в системе власти более прочно, чем 1990-е годы, поскольку это положение определяется не только занимаемыми должностями, но и собственностью, которую они приобрели в результате своего властного статуса.

Нынешняя слабость институтов и публичной политики определяется тем, что механизмы рекрутирования элиты во многом носят сетевой характер. Данные сети образуют как линейные отношения – горизонтальные (например, земляческие), так и иерархические (властно-корпоративные). Кроме того, они образуют пересекающиеся комбинации. Соответственно, делается вывод о том, что российская политическая элита представляет собой конгломерат корпоративно-сетевых отношений элиты разных уровней и административно-управленческой (номенклатурной) системы, что

¹Петров Н. Российское управление между номенклатурой и элитой. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/05/11/nomenklatura_i_elita

существенно усложняет ее структуру. Основное противоречие заключается в том, что номенклатурная система иерархична и унифицирована, а сетям наиболее свойственны построенные нередко в обход формальных процедур латентные взаимодействия, что особенно проявляется в региональных структурах власти. Самым слабым местом такого гибридного неономенклатурно-сетевых образования является система принятия решений. Поскольку в одной системе принятия решений соединены разные по природе процессы отбора информации, согласования интересов и выбора, то такая система не может работать эффективно.

Данное расхождение особенно проявляется при рассмотрении взаимодействия номенклатурной и элитной моделей на федеральном и региональном уровнях. Региональные элиты, как правило, трудно мирятся с назначением губернатора-варяга и команды управленцев, проходящих с ним. Если их приход нарушает сложившуюся в регионе систему баланса «власти и собственности», то местная элита объединяется против назначенцев, а уровень политической конфликтности возрастает. Существенным минусом команд «вахтовиков» является «короткий горизонт» планирования, обусловленный психологией временщиков. Поэтому в последние годы федеральная власть, по возможности, старается назначить региональных руководителей, хоть как-то связанных с регионом и проявляющих полную лояльность к центру. В случае же достижения консенсуса назначенцев и местных элит обычно ситуация улучшается.

В настоящее время экспансия федеральной воли на территории происходит путем последовательной смены региональных элит и уже приобрела системный характер.

Вместе с тем сложившаяся элитно-номенклатурная система постепенно разрушается изнутри. Прежде всего это связано с тем, что будущая передача власти и капитала по наследству вне институциональных процедур в силу тенденций естественной демократизации постиндустриального общества весьма туманна. В целом направленность развития российской элиты зависит от следующих ее свойств:

а) способности разрешения межпоколенческих противоречий элиты, а также противоречий между силовым, гражданско-управленческим и бизнес-блоками;

б) способности системы рекрутирования политической элиты к адаптации к новым условиям;

в) способности ментально и институционально измениться относительно к первым десятилетиям постсоветского времени.

От того, как элита ответит на эти вызовы, видится два сценария:

а) инерционный сценарий, связанный с ухудшением эффективности корпоративно-сетевых механизмов рекрутирования, укреплением клановости и семейственности, где приоритетом является лояльность, а не эффективность;

б) перераспределением гражданской, управленческой и бизнес-элит федеральной власти, с последующим смещением и ее территориальных элементов. Следует отметить, что ряд исследователей считают, что гибриды номенклатуры и элиты не сможет быть устойчивым даже в среднесрочной перспективе.

«Система-РФ»

Автор данного подхода Г. Павловский рассматривает нынешнее политическое устройство с позиций неопатримониализма и бихевиоризма, с той разницей, что он дает характеристику не с точки зрения структурных элементов или идеологических концептов существования власти, а с позиции поведения как реакции на вызовы времени. В этом контексте, он определяет так называемую «Систему-РФ» как разветвленный «набор методов и технологий работы с миром, уникально простой, позволяющей мультиплицировать данное поведение на любое число людей, обучаемых и вовлеченных в ее обслуживание» [Павловский, 2015, с. 10].

Причиной появления данной системы является не просто результат разрушения советского государства, а «творчество» тех, кто не только уцелел в катастрофе, но и преуспел благодаря ей. Это существенный момент для понимания нынешней конфигурации политической элиты. Кроме того, необходимо учитывать, что начиная со второй половины 80-х и начала 90-х годов складывается постсоветская элита, которую Г. Павловский назвал группой «беглецов» (она создала ковчег спасшихся, попав во власть), составивших «ядро того политического класса, которое образовало команду власти в узком смысле слова, как мы ее знаем сегодня»¹. Данная группа приобрела колоссальные преимущества, пытаясь, насколько это было возможно, управлять процессом, а также создавать различные комбинации власти и новые элементы государственности. Другими словами, они обрели возможность творить политический процесс и регулировать им по своему усмотрению. И этой возможностью власть активно пользовалась.

¹URL: <http://pltf.ru/2015/12/23/gleb-pavlovskij-institute-vciom/>

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Собственно, вся система власти в России характеризуется отсутствием ясности в построении институциональной архитектуры, пребывая в условиях турбулентности и высокой неопределенности. Поэтому неслучайно, что она изначально строилась как пластичная, слабоструктурированная и вневременная. Властная система представляет собой эклектику множества процессов, при которой она не просто подвижна, но при необходимости легко имитирует и рефлексивует. Данная система является более рефлексивной, чем ценностной. Каждую ситуацию политическая элита рассматривает с точки зрения выживания, экзистенциальной для своей власти, но не для населения.

Так, необходимость укрепления властных позиций и обеспечения устойчивости собственности и стабильного получения ренты с продажи ресурсов, в немалой степени обусловили и увеличение срока президентства до шести лет и срока полномочий парламента – до пяти лет. Кроме того, власть достаточно рефлексивно и успешно отреагировала на протестную активность на рубеже 2011–2012 годов. Решения о восстановлении выборов губернаторов, изменение порога прохождения политических партий в Государственную Думу и радикальное упрощение порядка создания политических партий существенно снизили критику правящей элиты со стороны средних слоев. Вместе с тем произошедшие изменения правил «игры» технологически усложнили возможность оппозиции бороться за власть.

Российская политическая власть всё еще в поиске долгосрочной стратегии развития политической системы, при этом она вполне успешно способна импровизировать. Ей присущи неопатриональные черты, включающие в себя некоммунистические идеологемы, образцы традиционной легитимности с элементами антиолигархизма, а также ряд западных не критически обработанных эталонов. В определенной мере, такой треугольник помогает идеологическому маневру, поскольку с какой бы идеологической позицией не вышел оппонент, он так или иначе попадет в сферу смыслов этих трех идеологем, которые эклектичным образом обслуживают интересы системы. Получается, власть как бы предоставляет обширное поле, где хватит места различным точкам зрения в рамках, не угрожающих стабильности самой власти. В итоге, сталкиваясь со сложными ситуациями, правящая элита импровизирует, реагируя на них, поэтому управление – самый запутанный и сложный вопрос «Системы-РФ», которая слабо

институционализована и персонифицирована, и неслучайно ручное управление сейчас является столь востребованным.

Высший слой политической элиты находится в поиске оптимальных схем продления своей власти. Дальнейший процесс монополизации слишком затратен и к тому же высоко рискован, особенно в условиях сокращения экономических ресурсов и роста вызовов системе. Кроме того, нельзя забывать о всегда существующих группах контрэлиты, заинтересованных во власти. Данные факторы способны актуализировать нестабильность системы.

Современная система не только более подвижна, чем советская, но и практически не ограничена идеологическими скрепами, способна сочетать закрытость со свободной игрой на чужих активах. У «Системы-РФ» высокая устойчивость к внутренним возмущениям, которые для советской системы были бы весьма разрушительны, поскольку она всеядна и, если посчитает, что нарушить какую-либо норму целесообразно, то она это делает. «Система-РФ», в отличие от государства, представляет собой своеобразный «сетевой VIP-сервис, обслуживающий элиты. Государственность РФ – лишь зона многопрофильного и эксклюзивного обслуживания элит»¹. В итоге, элиты без опаски могут обсуждать действия власти. При этом В. В. Путин выступает «как посредник между бюрократией и элитами, не принадлежащий ни к этим, ни к тем»². Оппоненты же власти без успеха пытаются переделывать элитный сленг в оппозиционный.

В нулевые годы новый правящий класс России обрел растущую уверенность в своих силах. На верхних этажах социально-политической иерархии сложился своеобразный конгломерат чиновничества и олигархии, где первые нуждались в олигархах для личного обогащения, а олигархам близость к власти была необходима, чтобы обеспечить политическую стабильность и защиту. Поэтому неудивительно, что российская экономическая система по уровню «кумовского капитализма» (системы, где успешность бизнеса напрямую зависит от личных отношений с чиновниками и представителями власти) занимает первое место в мире. Обычно «кумовскими отраслями» в большей мере выступают банковский и игорный бизнес, нефтегазовый и оборонные секторы, недвижимость и инфраструктурные проекты. Так, «общая доля доходов российских миллиардеров от ВВП России составляет 21,5 %.

¹URL: <https://snob.ru/entry/166193>

²Там же.

При этом 18 % приходится именно на представителей «блатного бизнеса»¹.

Вместе с тем сложившиеся ранее правила входят в противоречие с действительностью в результате сокращения ресурсной базы. Различные группировки в политической элите соперничают между собой за ключевые активы и субсидируемые государственные контракты. Тогда как общество в целом слабо включено в процесс принятия решений. Кроме того, современная российская экономика, требующая модернизации и диверсификации, плохо сочетается с выстроенной в 2000-е годы централизованной вертикалью власти. Кроме того, укрепление легитимности власти, связанное с действиями на Украине и в Сирии, привело в конечном итоге к увеличению военных расходов и наложению западных санкций, что будет и дальше оказывать дополнительное давление на экономические основы нынешнего политического режима. В этом контексте механизмы консолидации власти и общества, скорее всего, связаны с «обращением внимания» на нарастание внешних угроз.

Разумеется, данные обстоятельства потребуют провести внутриэлитную перестройку. Очевидно, что один из важных аспектов сохранения

властных позиций правящей элиты связан с нахождением баланса между наследственными и не наследственными механизмами ее формирования. Элита рассчитывает прежде всего на силу и преданность, а предполагаемый претендент в элиту должен проявлять максимальную лояльность, чтобы патроны приняли его в свой узкий круг. Российскую элиту, как, впрочем, и элиту большинства стран, составляют две категории: лояльные и компетентные. Однако система не сможет эффективно работать, если она будет формироваться исключительно на принципах лояльности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня у отечественной власти имеется множество технологических возможностей для проявления чрезвычайной гибкости и адаптированности к изменяющимся обстоятельствам. Если та или иная социальная или коммуникативная технология перестает давать эффект, то ее почти сразу замещают иной. Это создает иллюзии широкой свободы для обладателей власти. Вместе с тем такая абсолютная свобода действий несет в себе риски неадекватных решений, которые могут негативно отразиться на легитимности самой элиты.

¹URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2016/05/06/n_8602031.shtml

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX века. М.: Мысль, 1997.
2. Керимов Т. Х. Структура. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий. 2002–2018. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7096>
3. Солдатов А. Новое дворянство. Очерки истории ФСБ. М.: Юнайтед Пресс, 2011. URL: https://royallib.com/book/soldatov_andrey/novoe_dvoryanstvo_ocherki_istorii_fsb.html
4. Солдатов А., Бороган И. Новое дворянство: очерки истории ФСБ: пер. с англ. О. Литвиновой. М.: Юнайтед Пресс, 2011.
5. Минченко Е. Политбюро 2.0: реновация вместо демонтажа. URL: www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Yubileynyy_doklad_22.08.17.pdf
6. Ратленд П. Постсоветские элиты России // Полис. 2016. № 3. С. 55–72.
7. Хейл Г. Э. Патронатная политика: евразийская режимная динамика в сравнительной перспективе. Проблемы международной политики / Кит Дарден и Ян Шапиро (ред.). Нью-Йорк: Кембриджский университет, 2015.
8. Павловский Г. Система РФ. Источники российского стратегического поведения. Метод George F. Kennan. М.: Европа, 2015.

REFERENCES

1. Pareto, V. (1997). *Kompandium po obschhei sociologii* = Compendium on general sociology. *Anthology of world political thought: in 5 vols. (Vol. 2. Foreign Political Thought of the twentieth century)*. Moscow: Mysl. (In Russ.)
2. Kerimov, T. Kh. (2018). *Struktura* = Structure. *Humanitarian Encyclopedia*. Center for Humanitarian Technologies. <https://gtmarket.ru/concepts/7096> (In Russ.)

3. Soldatov, A. (2011). *Novoe dvorianstvo = The New nobility. Essays on the history of the FSB*. Moscow: Publishing House United Press. https://royallib.com/book/soldatov_andrey/novoe_dvoryanstvo_ocherki_istorii_fsb.html (In Russ.)
4. Soldatov, A. Borogan, I. (2011). *Novoe dvorianstvo: ocherki istorii FSB = The New Nobility: essays on the history of the FSB*; translated from the English by O. Litvinova. Moscow: United Press. (In Russ.)
5. Minchenko, E. (2017). *Politburo 2.0: renovation instead of dismantling*. www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/2/Dokumenty/Yubileyny_doklad_22.08.17.pdf (In Russ.)
6. Ratland P. (2016). *Post-Soviet elites of Russia*. *Polis*, 3, 55–72.
7. Hale G. E. (2015). *Patronage Policy: Eurasian Regime Dynamics in a Comparative Perspective*. *Problems of International Politics* / Keith Darden and Jan Shapiro (Eds.). New York: University of Cambridge.
8. Pavlovsky, G. (2015). *Sistema RF = System of the Russian Federation. Sources of Russian strategic behavior*. Method George F. Kennan. Moscow, Europe. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Брега Александр Васильевич

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, заведующий кафедрой Московского технического университета связи и информатики

Брега Галина Викторовна

доцент, кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Brega Aleksandr Vasil'evich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor, Leading researcher of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of the Social relations, advertising and Public Relations, Moscow Technical University of Communications and Informatics

Brega Galina Viktorovna

Associate Professor, PhD (Economics), Associate Prof. at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 10.01.2022
одобрена после рецензирования 01.02.2022
принята к публикации 02.02.2022

The article was submitted 10.01.2022
approved after reviewing 01.02.2022
accepted for publication 02.02.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_29

Стратегическая культура: детерминаты, стандарты действий, модели поведения

В. Лапинс

Институт международной политики WeltTrends, Потсдам, Германия

Wulf.Lapins@gmx.de

Аннотация. Стратегическая культура включает в себя ценности, нормы, ресурсы, географические факторы, социализацию и историю государства, тем самым формируя его идентичность. В контексте исследования стратегических культур предпринимаются попытки определить и спрогнозировать поведение противостоящих международных акторов при принятии решений в области военной политики и политики безопасности. Стратегическая культура Германии руководствуется принципами «никогда больше» и «никогда одни». Стратегическая культура России исторически формировалась под влиянием острой необходимости в безопасности.

Ключевые слова: стратегическая культура, ядерное сдерживание, школа мышления, социальный конструктивизм, культурный сдвиг, Германия, Россия, география, авторитаризм, демократия

Для цитирования: Лапинс В. Стратегическая культура: детерминаты, стандарты действий, модели поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 29–39. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_29

Original article

Strategic Culture: Determinants, Standards of Action, Patterns of Behavior

W. Lapins

WeltTrends Institute for International Relations in Potsdam, Germany

Wulf.Lapins@gmx.de

Abstract. The strategic culture incorporates a state's values, norms, resources, geofactors, socialization and history, thereby shaping its identity. In the context of strategic cultural research, attempts are made to determine and forecast the military and security policy decision-making behavior of opposing international actors. Germany's strategic culture is guided by the maxims "never again" and "never alone". Russia's strategic culture has historically been shaped by a strong need for security.

Keywords: Strategic culture, Nuclear deterrence, School of thought, Social constructivism, Cultural change, Germany, Russia, Geography, Authoritarianism, Democracy

For citation: Lapins, W. (2022). Strategic culture: determinants, standards of action, patterns of behavior. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 29–39. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_29

Original article

Strategische Kultur: Determinanten, Handlungsnormen, Verhaltensmuster¹

Lapins Wulf

WeltTrends-Institut für Internationale Politik in Potsdam, Deutschland, Bonn
Wulf.Lapins@gmx.de

Zusammenfassung: Die strategische Kultur inkorporiert die Werte, Normen, Ressourcen, Geofaktoren, Sozialisation und Geschichte eines Staates und prägt somit seine Identität. Im Rahmen der strategischen Kulturforschung wird versucht, das militärische und sicherheitspolitische Entscheidungsverhalten gegnerischer internationaler Akteure zu bestimmen und zu prognostizieren. Die strategische Kultur Deutschlands orientiert sich an den Maximen „Nie wieder“ und „Nie wieder allein“. Russlands strategische Kultur ist historisch von einem starken Sicherheitsbedürfnis geprägt.

Stichworte: Strategische Kultur, Nukleare Abschreckung, Denkschule, Sozialer Konstruktivismus, Kultureller Wandel, Deutschland, Russland, Geographie, Autoritarismus, Demokratie

For citation: Lapins W. Strategische Kultur: Determinanten, Handlungsnormen, Verhaltensmuster. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 29–39.
10.52070/2500-347X_2022_1_846_29

¹Dieser Aufsatz resultiert aus einem intensiven Diskussionsprozess mit Thomas Pankratz von der österreichischen Landesverteidigungsakademie. Der Dank des Autors gilt ihm für richtungweisende Literaturhinweise und Forschungsskizzen.

GENEALOGIE DER STRATEGISCHEN KULTUR

Strategie-Kultur und Strategische Kultur bilden kein Synonym. Beide Begriffe sind jedoch miteinander verbunden. Das Erkenntnisinteresse bei der Strategie-Kultur fokussiert die gesellschaftspolitische Einbettung, historiographische Herleitung, Charakteristika, Standards und Akteursanwendung von Strategie. Bei der Strategischen Kultur liegt demgegenüber der Schwerpunkt auf der jeweiligen sozio-politischen, normativen und ökonomischen Identität eines Staates, seiner Kultur, die die außen- und sicherheitspolitische Ausrichtung und das Handeln prägen.

Die terminologische Nähe wie auch zugleich Abgrenzung von Strategie-Kultur und Strategischer Kultur kann beispielhaft mit der Differenzierung der Mehrdimensionalität des Politischen – Polity, Policy und Politics – in der angelsächsischen Politikwissenschaft veranschaulicht werden. Strategie-Kultur entspricht analog Polity (Strukturen) und Policy (Inhalte). Beide sind Teilsysteme von Politics (Politik) als Prozessdimension. Die Strategische Kultur wäre bei dieser Analogie die Politics. Die Strategische Kultur überwölbt also als Metaebene die Strategie-Kultur.

Den intellektuellen Entwurf der „Strategic Culture“ entwickelte 1977 Jack Lewis Snyder im Kontext einer „RAND-Studie“ für das Office of the Deputy Chief of Staff for Plans and Operations, Headquarters, United States Air Force zum kritischen Diskurs über die damalige US-atomare Abschreckungsdoktrin. Er lehrte zu dieser Zeit als Politikwissenschaftler an der Columbia Universität [Snyder, 1977]. 1991 konzipierte er dann die Differenzierung zwischen offensivem und defensivem Realismus in den internationalen Beziehungen [Snyder, 1991]. Seine Forschung zielte darauf „(1) providing a context for a better understanding of the intellectual, institutional, and strategic-cultural determinants that would bound the Soviet decision-making process in a crisis and, (2) speculating on the dominant behavioral propensities that would motivate – and constrain – the Soviet leaders during their efforts to cope with a situation where limited nuclear use by either side loomed as a possibility“ [ibidem].

Snyders Überlegungen hatten den Ausgangspunkt, dass die US-amerikanische Abschreckungsstrategie stark von spieltheoretischen Annahmen geprägt war, was implizierte, die UdSSR würde von ähnlichen Annahmen ausgehen. Thomas C. Schelling gilt als einer der einflussreichsten Protagonisten der spieltheoretisch fundierten Abschreckungstheorie

[Schelling, 1960]. Snyder argumentierte, das US-Abschreckungsdenken würde zu wenig die Möglichkeit in Betracht ziehen, dass die eigene Doktrin wegen den in der Sowjetunion anders gedachten Rationalitäten wirkungslos sein könnte. Eine Abschreckung funktioniere vielmehr nur dann, wenn auch die gegnerischen politischen Akteure von gleichen Prämissen ausgingen. Deshalb dürfte sich die Nuklearstrategie nicht nur auf die Analyse der gegenseitigen Machtpotentiale beschränken, sondern müsse auch die gegebenen normativen und ideellen / ideologischen Grundlagen zum Einsatz von Nuklearwaffen in Betracht ziehen. Snyder zog daraus die Konsequenz: die jeweiligen Eliten hätten eine spezifische Strategische Kultur als Produkt unterschiedlicher organisatorischer, historischer, politischer und auch technologischer Kontexte entwickelt, die sich in einem spezifischen Denken in Bezug auf militärischen Fragen manifestiert haben.

Ihmzufolge verfolgte die sowjetische militärische Führung eine Präferenz für den preemptiven und offensiven Einsatz von Nuklearwaffen, deren Ursprung in der russischen Geschichte läge, die durch Unsicherheiten, Wirren, Angriffen von ausländischen Mächten sowie dem autoritären System geprägt sei. Seine Schlussfolgerung resultierte in der Position, neue Entwicklungen müssten unter dem Aspekt der Strategischen Kultur bewertet werden. Sie wären gewissermaßen nur semi-permanent.

Frank Sauer liefert einen sehr guten Überblick zur Gesamtproblematik nukleare Abschreckung [Sauer, 2017]. Hanja Blendin und Gerald Schneider thematisieren psychologische Aspekte im Abschreckungstheorem [Blendin, Schneider, 2015].

Bis in die 1970er Jahre spielten in der US-strategischen Diskussion kulturtheoretische Überlegungen keine Rolle. Sie war vielmehr insbesondere durch das nukleare Abschreckungsdenken geprägt und dominiert. Die Gestaltung der Systeme im sogenannten politischen Westen und seine Implikationen für die politische Praxis war Gegenstand der Regierungslehre bzw. der sogenannten Sowjetologie. Im Vordergrund des sicherheitspolitischen Strategiedenkens in den USA standen spieltheoretische¹ und (neo)realistische Theorien [Herz, 1959; Morgenthau, 1962; Schelling, 1966; Waltz, 1979; Kissinger, 1994].

Eine gute Gegenüberstellung von Realismus und Neorealismus bietet Michael Zürn [Zürn, 1994].

Während der klassische Realismus (Morgenthau) eine Außenpolitiktheorie darstellte, analysiert der Neo- oder auch strukturelle Realismus als systemische Theorie die Struktur der internationalen

¹Hesse R. Spieltheoretische Betrachtungen von Abschreckung. Diplomarbeit TU-Darmstadt, 2014.

Beziehungen und versucht daraus Rückschlüsse auf das staatliche Agieren zu ziehen [Morgan, 1977]. Patrick M. Morgan hat sich kritisch mit der Logik und Praxis der atomaren Abschreckung auseinandergesetzt.

Auch Rational-Choice-Modelle [Steinbrunner, 1976] abstrahierten von kulturellen Faktoren und Besonderheiten der beiden Supermächte im Kalten Krieg. Auf dieser Grundlage resümierten US-Forscher, dass die sowjetische Führung sich in ähnlichen Situationen analog wie die USA verhalten würde.

STRATEGISCHE KULTUR – DENKSCHULEN

Ende der 1970er Jahre setzte sich jedoch die Erkenntnis durch, dass sich rational-spieltheoretische Analysen und Prognosen westlicher Analytiker als falsch erwiesen hatten. Im Zuge von empirischen Erfahrungen in den internationalen Beziehungen war das Wissen gereift: Staaten in ähnlichen Situationen verhalten sich nicht immer vergleichbar und erwartbar. Sicherheitspolitische Situationen werden vielmehr unterschiedlich analysiert und interpretiert. Konsequenz sind auch die Reaktionen der Akteure differenziert. Dieses Phänomen wurde versucht, anhand von kulturalistischen Ansätzen zu erklären. Dadurch rückten wieder Fragen der nationalen Kultur in den Vordergrund. Hieraus entstanden letztlich drei verschiedene Ansätze / Generationen der Strategischen Kultur, die sich in ihren jeweiligen Ansätzen voneinander unterscheiden.

Die erste Generation interpretierte das staatliche, sicherheitspolitische Posture als in die Strategic Culture implementiert [Gray, 1981].

Nach diesem Verständnis formt Strategische Kultur den Kontext des Verhaltens und ist zugleich aber auch Bestandteil für dieses Verhalten selbst. Es wird also eine wechselseitige Beeinflussung von Strategischer Kultur und sicherheitspolitischem Verhalten unterstellt. Eine Grundannahme ist, dass die strategische Kultur Tendenzen beeinflusst, aber nicht ausschließlich das Verhalten und politische Entscheidungen prägt. Es konnte jedoch keine explizite Konnotation zwischen tatsächlichem Verhalten und Strategischer Kultur hergestellt werden. In den 1980er und 1990er Jahren lösten sich dann die Diskussionen zur Strategischen Kultur vom bisherigen zentralen Thema Nukleare Abschreckung.

Zentral für die zweite Generation war, in der Tradition der Kritischen Theorie (kritische Dekonstruktion), die Herausarbeitung von Differenzen zwischen der formellen, deklarierten Strategischen Kultur und den in der Realität konkret verfolgten Beweggründen und Zielen der Entscheidungseliten [Klein,

1988]. Diese zweite Generation wurde kritisiert, sie habe den Zusammenhang zwischen Strategischer Kultur und strategischem Verhalten entkoppelt, indem Charakteristika der Strategischen Kultur lediglich als Scheinargumente dominanter Gruppierungen betrachtet würden, um Sicherheitspolitik zu rechtfertigen und um tatsächliche politische Beweggründe zu verschleiern.

In einem dritten Verständnis existiert die Strategic Culture als eigenständige, souveräne Entität, die die staatliche Sicherheitspolitik steuert [Johnston, 1995]. Mit den Vertretern der ersten Generation verbindet diese Denkschule wiederum die Fokussierung auf Normen, Einstellungen und Werte zum Einsatz militärischer Mittel, weil ihnen eine besondere Relevanz für das Verhalten von Staaten in Fragen der Außen- und Sicherheitspolitik beigemessen wird. Ein weiteres gemeinsames Merkmal ist auch die strikte Ablehnung ahistorischer und antikulturalistischer Paradigmen, wie sie etwa vom Neorealismus vertreten wird.

Eine der zentralen Ideen hinter dem Begriff der Strategischen Kultur war und ist also nach wie vor, Handlungsmuster und Verhalten von Staaten zu erklären, die sich nicht mit Prognosen in Bezug auf Rationalität des Staates decken. Daraus kann man schließen: Es gibt nicht die eine, universelle Rationalität, sondern diverse Vernünftigkeiten. Was ein Akteur als logisch und erstrebenswert erachtet, kann jedoch für einen anderen als irrational gelten. Des Weiteren gilt: Jeder strategische Akteur ist durch seine eigene strategische Kultur geprägt. Dazu zählen Werte, Normen, Weltbilder, Kultur, Geschichte, Erfahrungen, Ängste etc. [Fischer, 2017; Winter, 2013].

NEUANSATZ DURCH DEN KONSTRUKTIVISMUS

Mit Ende des Kalten Krieges ebnete das Interesse am Forschungsfeld Strategische Kultur ab. Jedoch Mitte der 1990er Jahre lebte die Diskussion wieder auf. Maßgeblichen Einfluss hierfür hatte der sich entwickelnde Konstruktivismus als weitere politikwissenschaftliche Metatheorie in den internationalen Beziehungen [Martinsen, 2014]. Die schnelle Bedeutungszunahme basierte auf dem Unvermögen des bis dahin vorherrschenden Neorealismus, der mit seinen Methoden nicht die Aufhebung des Ost-West-Konflikts hatte prognostizieren können. Wesentlich war dies auch durch seine Theoriekonstanz bedingt: ein Wandel des internationalen Systems mit den mächtigen Akteuren sei kaum möglich.

Die internationalen Beziehungen werden beim Konstruktivismus durch das Prisma

sozialtheoretischer Annahmen gesehen und bewertet. Als einer der Begründer gilt der deutsch-US Politikwissenschaftler Alexander Wendt [Wendt, 1999]. Der Konstruktivismus geht von der Grundannahme aus, dass menschliches Handeln seine Relevanz mittels Sprache und Interpretation der materiellen Umwelt erlangt. Geschichtliche Erfahrungen und kulturelle Konventionen / Traditionen / Rituale stiften ihm zufolge ein Repertoire von Sinnzuweisungen und Deutungsmustern für die Analyse von sozialem Handeln. Eine weitere zentrale Annahme dieses Ansatzes ist, Identitäten und Interessen werden von Akteuren nicht als gegebene Größen zu verstehen, sondern diese entstehen erst aus der Interaktion von materiellen und ideellen Faktoren [Biehl et al., 2011]. Interessen werden als Resultat von Ideen verstanden. Damit bedingt erst die soziale Konstruktion von Freundschaft / Feindschaft das entsprechende staatliche Verhalten [ibidem]. Der konstruktivistische Ansatz legt großen Wert auf die Identifizierung von Formation in Verbindung zu organisationalen Prozessen der Geschichte, Tradition und Kultur.

Diese neue politikwissenschaftliche Metatheorie unterscheidet sich von den drei Generationen, siehe oben, insbesondere in zweifacher Hinsicht: Erstens wird Strategische Kultur weder als unabhängige noch als abhängige Variable, sondern als intervenierende Variable gesehen, die im Zusammenspiel mit anderen Faktoren das Verhalten von Akteuren beeinflusst. Strategische Kultur strukturiert zudem, welche Optionen innerhalb einer Gesellschaft, etwa im Hinblick auf die Anwendung militärischer Mittel im Rahmen der Sicherheitspolitik, als legitim angesehen werden. Zweitens werden die Meinungen, Einstellungen und Präferenzen der Bevölkerung berücksichtigt.

Aus dieser kurzen Darstellung der theoretischen Entwicklungsprozesse zur Strategischen Kultur wird ersichtlich: Strategische Kultur beschreibt akteurspezifische Ideen, Werte und Normen, Meinungen, Grundhaltungen, Annahmen oder Erwartungen, die die Identität, Interpretationsmuster der Umwelt, Handlungspositionen und das Verhalten eines Akteurs in außen-, sicherheits- und verteidigungspolitischen Fragen (mit-) bestimmen. Der Staat, beziehungsweise seine politischen und militärischen Eliten, sind die zentralen Subjekte. Ihre Aufgabe ist es, einen Bezugsrahmen herzustellen und damit eine erfolgreiche Strategie zu generieren. Im Falle des Scheiterns entstehen Orientierungslosigkeit, Unberechenbarkeit, Umsetzungsprobleme, begrenzte Handlungsfähigkeit, Fremdbestimmtheit, Legitimitätsproblematik und viele andere Phänomene.

In die Strategische Kultur fließen aber auch materielle, soziale als auch ideelle Faktoren ein. Diese

Faktoren interagieren mit dem jeweiligen Akteur und beeinflussen seine Sozialisation. Geofaktoren, wie etwa topographische Merkmale, Zugang zum Meer oder Lage als Binnenstaat, demographische Aspekte, der Zugang zu wichtigen Ressourcen oder das Klima gelten als weitere Schlüsselfaktoren. In diesem Kontext wird oft die geographische Nachbarschaft zu einer Großmacht erwähnt [Lentis et al., 2013]. Weitere wichtige Faktoren und Komponenten liefern historische Erfahrungen und Narrative, das politische System sowie nationale, internationale wie auch transnationale Normen. Gleichwohl liegen bislang weder eine einheitliche Definition noch ein in sich geschlossenes Theoriegebäude vor.

Der britische Neurowissenschaftler, Nayef Al-Rodhan, führt zur Beziehung zwischen neurowissenschaftlichen Erkenntnissen und strategischen Fragestellungen in den internationalen Beziehungen aus: "The strategic culture of any given country has numerous sources and it is bound to remain an 'elastic' term given that there are various factors that influence the formation of national culture and a subsequent rationality for security policy and strategic thinking. Factors such as geopolitics, norms and customs, perceptions of regional and international roles, political systems and power sharing (including the balance between military and civilian actors or how military power and institutions are structured) are solidified in collective memory and identity through political narratives, education, artistic and popular renderings of (often carefully) selected historical episodes, interpretations of common memories" [Al-Rodhan, URL].

STRATEGISCHER KULTURWANDEL?

Beim Diskurs zur Strategischen Kultur ist die Frage sehr relevant, ob die politische Kultur eines Landes als dauerhaft zu werten ist oder ob sie auch Wandlungsprozessen unterliegt. Und wenn das angenommen wird, unter welchen Umständen vollzieht sich das?

Deutschland: Axiomatisch-normative Leitplanken der deutschen Strategischen Kultur geben die Verfassungsbestimmungen vor. Die Raison d'être des außenpolitischen Rollenverhaltens liefert den Subtext einer in historischer Verantwortung aus der nationalsozialistischen Vernichtungspolitik resultierenden festen demokratischen und moralischen Selbstbindung. Dieser Paradigmenwechsel lässt sich in den drei „essentials“ zusammenfassen: „Nie wieder“, „Politik vor Macht“ und „Niemals alleine“. In der „Bonner Republik“ hatte dieses Rollenkonzept sicherheitspolitisch die

Funktion: Sicherheit für Deutschland, Sicherheit mit Deutschland – aber zugleich auch Sicherheit vor Deutschland.

„Nie wieder“ sowie „Politik vor Macht“ zielen auf das verfassungsrechtliche Verbot (Artikel 26, Abs. 1) eines deutschen Angriffskrieges [Deutscher Bundestag, URL] sowie die entschlossene politische Ablehnung einer wiederholten deutschen diktatorischen Politik – umgekehrt vielmehr auf die konsequente demokratische-rechtsstaatliche Verfasstheit. Außenpolitisch manifestiert sich das in der Zurückhaltung von militärischen Einsätzen. Entsprechend gesellschaftlich scharf kontrovers diskutiert und rechtlich umstritten war deshalb Deutschlands Beteiligung am Kosovo-Krieg¹.

Nach der Einheit 1990 kehrte Deutschland wieder in seine geographische und zugleich prekäre historische Mittellage zurück und ist nunmehr die „dominante strukturelle Macht in Europa“ [Hanrieder, 1995]. In den Hauptstädten, einschließlich in Russland lautete deshalb die Frage, ob sich die „Berliner Republik“ außenpolitisch erneut zum regionalen Hegemonen aufschwingen werde, mithin die Wiederkehr des Goliaths ansteht? Oder würde die Nachkriegsidentität in Westdeutschland als wertorientierte Zivilmacht ihre Prägekraft sich im geeinten Deutschland fortentwickeln – zu einem friedvollen gentle giant?

Im Zuge vielfacher Spannungen und Verschlechterungen in den internationalen Beziehungen drängten in der 2000er Jahren zunehmend die Verbündeten, dass Deutschland seinen Kurs der militärischen Selbstbeschränkung aufgeben und realpolitisch mehr weltpolitische Mitverantwortung übernehmen solle. Nach langem politischem Zögern der politischen Klasse diesem Insistieren nachzukommen, forderte auf der Münchner Sicherheitskonferenz 2014 der damalige Bundespräsident Joachim Gauck, Deutschland müsse sich „früher, entschiedener und substanzieller“ einbringen [Gauck, URL]. Und Außenminister Frank Walter Steinmeier betonte sehr ähnlich: „Deutschland ist eigentlich zu groß, um Weltpolitik nur von der Außenlinie zu kommentieren“ [Steinmeier, URL]. Verteidigungsministerin Annegret Kramp-Karrenbauer bemängelte gleichwohl die fehlenden politischen Umsetzungen dieser Einsichten und Bekenntnissen sechs Jahre später auf der Münchner Sicherheitskonferenz 2020 und mahnte: „Und doch haben wir das Versprechen von 2014 noch nicht vollständig eingelöst. Ich halte es für notwendig, dass aus dem Münchner Konsens der Worte ein Münchner Konsens des Handelns wird“ [Kramp-Karrenbauer, URL].

¹Reicherter G. Rechtsgrundlagen der humanitären Intervention unter besonderer Berücksichtigung des Kosovo-Konflikts.

Die Kritik aus dem deutschen konservativen wissenschaftlichen Spektrum fokussiert zwei Defizite: das Fehlen von sicherheitspolitischem Plan, Zweck, Ziel und sowie eine Mentalität eines „Trittbrettfahrens“. Zum ersten Minus: „Kanzlerin Angela Merkel selbst hat weder eine konzeptionell schlüssige Antwort auf Deutschlands sicherheitspolitische Herausforderungen formuliert noch sich verbindlich dazu geäußert, welchen strategischen Zwecken die militärische Macht Deutschlands dienen soll“². Zur mangelnden Bündnissolidarität am Beispiel der deutschen Beteiligung an der IS Bekämpfung im Irak beklagt der Potsdamer Militärhistoriker Sönke Neitzel: „Unser militärisches Engagement fällt sogar hinter kleine Länder wie Dänemark und die Niederlande zurück. Die Holländer haben sich mit F-16-Kampffjets an Luftschlägen beteiligt, während wir unsere Tornados geschickt haben, die aber keine Kampfeinsätze geflogen sind... natürlich werden deutsche Soldaten in Krisengebiete geschickt. Doch im Dreck liegen meist andere. Das ist die strategische Kultur in unserem Land“ (Neitzel S. Berlin moralisiert gerne, *Der Spiegel* Nr. 21/2021. S. 31).

Ein Drang nach gewaltloser deutscher Außen- und Sicherheitspolitik lässt sich gleichwohl nicht daraus ableiten. Pazifismus ist zwar ein Teil in den politischen Programmen des linksdemokratischen-grünen Parteien-Spektrums. Pazifismus ist jedoch nicht Leitlinie der amtlichen, deutschen Außen- und Sicherheitspolitik.

„Niemals alleine“ fokussiert ein signifikantes Interesse an Kooperation, den Willen zu supranationalen Einbindungen, multilaterale Verflechtungen – Verfassungsartikel 24: „Der Bund kann durch Gesetze Hoheitsrechte auf zwischenstaatliche Einrichtungen übertragen“ (z.B. EU und NATO) – sowie in der außenpolitischen Praxis die Vermeidung von Isolierung in den eingegangenen Bündnissen. Die Enthaltung Deutschlands im UN-Sicherheitsrat zur Resolution 1973 (Libyen) wurde vor diesem Hintergrund deshalb vielfach als Selbstisolierung in der NATO kritisiert [Harnisch, URL].

Der Offensiv-Nationalismus der bis 1945 vorherrschenden Strategischen Kultur wurde nach 1945 strukturell ausgelöscht. Die heutige deutsche Strategische Kultur lässt Raum nur noch für einen defensiven Verfassungs-Patriotismus. Defensiv, weil er sich allein auf die Eigenwerte des Grundgesetzes bezieht.

Die Strategische Kultur der Deutschen Außenpolitik ist durch eine dialogische Konfliktbearbeitung

²Giegerich, B., Terhalle, M. (2021). Verteidigung ist Pflicht – Deutschlands außenpolitische Kultur muss strategisch werden. Teil 1. // SIRIUS – Zeitschrift für Strategische Analysen, 5(3), 203–226.

bestimmt. Der Diplomatie als Transformation von Gegnerschaft in Prozesse, Abkommen und Kontrollregimen wird hierbei ein Premiumpfad zugewiesen. In der Sicherheitspolitik gilt ein ganzheitlicher Ansatz. Das Bundesministerium der Verteidigung spricht von vernetzter Sicherheit. Teilsysteme sind hierbei „politische, diplomatische, wirtschaftliche, entwicklungspolitische und militärische Maßnahmen“¹.

Im strategischen kulturellen Selbstbild versteht sich das politische Berlin als Zivilmacht [Mauß, 2007]. Die Stabilisierung von Krisen soll vorzugsweise durch zivile Konfliktbearbeitungsstrategien erzeugt werden. Doch auf solche krisenhaften Entwicklungen reagiert man – auch wegen schwieriger Ressortabstimmungen – nicht selten zu zurückhaltend und zu spät.

In den strategischen sicherheitspolitischen Kulturen der Demokratien Frankreich, Großbritannien, USA wird – im Vergleich zu Deutschland – dem Militärischen ein weitaus höherer Stellenwert in der Politikgestaltung zugewiesen. Ihre Kontexte als historische lange Kolonialstaaten, permanente UN-Sicherheitsratsmitglieder wie auch als nukleare Abschreckungsmächte bieten dafür die Erklärung.

Russland: Russland steht exemplarisch für die Position einer langen beständigen strategischen Kulturverankerung. Die Last der Geographie fasste im 19. Jahrhundert der russische Dichter und Denker, Pjotr Jakowlewitsch Tschaadajew, in die Worte: „Es gibt einen Faktor, der wie ein roter Faden durch unsere ganze Geschichte läuft, der in sich sozusagen ihre ganze Philosophie enthält und der gleichzeitig wesentliches Element unserer politischen Größe und wahre Ursache unserer geistigen Ohnmacht ist – das ist das geographische Faktum“ [Kappeler, 2002]. Die geographische Ausdehnung des russischen Reiches mit seinen Riesenentfernungen zwischen Zentrum und Peripherie begünstigte zur politischen Kontrolle zentralistisch-autoritäre Herrschaftsstrukturen sowie Hierarchien und Dichotomien, die damit dominante Schlüsselfaktoren der Strategischen Kultur bilden. Das durchzieht wie ein Leitfadens die russische Geschichte in ihren zahlreichen Epochen seit der Christianisierung 988 bis heute.

Nach der osmanischen Eroberung von Konstantinopel 1453 wurde Russland Hort und Bewahrer der byzantinischen Orthodoxie mit einer militärischen Kulturprägung des Staatswesens bis in die Gegenwart. Die Zaren schöpften seit Mitte des 15. Jahrhunderts ihr Herrschaftsmandat aus der byzantinischen Traditionslinie analog den Gott-gleichen römischen Kaisern (Cäsaren).

¹Vernetzter Ansatz. URL: <https://www.bmvg.de/de/vernetzter-ansatz-14532>.

Die tiefgreifenden sozioökonomischen und herrschaftspolitischen Umwälzungen der Oktoberrevolution 1917 und die Errichtung der Sowjetunion konnten die Strategische Kultur nicht erschüttern. „Wirkmächtige ideologische Veränderungskräfte der Revolution wurden somit bereits nach wenigen Jahren von tief verankerten Präferenzen überlagert“ [Eitelhuber, 2015].

Das russische militärische Desaster in Afghanistan (1979–1989) konstituierte eine entscheidende Triebkraft für erstmalige tiefgreifende Entmilitarisierungs- und Entideologierungsprozesse der sowjetischen Außenpolitik unter Michail Gorbatschow. Seine Amtszeit bildete jedoch nur eine kurze liberale Episode der Strategischen Kultur. Die wirtschaftlichen und gesellschaftspolitischen Turbulenzen der darauffolgenden zwei Jelzin-Regierungen in den 1990er Jahren erschienen der Bevölkerung wie eine historische Wiederkehr der Smuta. Nach fester Auffassung der Eliten aus den Silowiki-Strukturen verantwortete die Liberalisierung der russischen Staatlichkeit die Chaos-Jahre. Sie unterstützten nach Jelzins Amtsperiode deshalb die neuen Machteliten im Kreml in ihrer Präferenz für einen revitalisierten starken staatlichen Autoritarismus, der wiederum gesellschaftlich durchaus breite Zustimmung aufweist und auf fruchtbaren Boden der Strategischen Kultur fällt. Es ist diese historische Pfadabhängigkeit, die die Außen- und Sicherheitspolitik formt.

Ihr intrinsisches Streben nach Sicherheit wird von dem Standpunkt befeuert, dass der Westen zu seinen Gunsten russische Schwächen systematisch ausnutzt (z.B. Osterweiterung der NATO). Solche Bedrohungsperzeptionen eines expansiv-aggressiven Westens erinnern und korrespondieren mit dem früheren sowjetischen Feindbild vom „imperialistischen Kapitalismus“. „Trotz umfassender politischer, personeller, institutioneller, gesellschaftlicher und ökonomischer Transformation ähnelt die russische strategische Kultur derjenigen aus der Zarenepoche in mehr oder weniger abgeschwächter Form“. Und zwar in diesen beiden Kategorien: „Das Großmachtstreben und das ausgeprägte Sicherheitsbedürfnis aus Angst vor politisch-militärischen Desavouierungen aus dem konkurrierenden Ausland“ [Fischer, 2017].

Ein kurzer Blick auf die russische Gesellschaft: Sie bleibt in Kontinuität durchweg eine etatistische Veranstaltung. Der Staat, ob zaristisch, kommunistisch oder in sogenannter gelenkter Demokratie geführt, hat immer Primat vor Wirtschaft und Sozialwesen. „Nicht die Gesellschaft <...> der Staat war und bleibt bis heute das wahre Subjekt der russischen Geschichte“ [Henke, 2003].

ZUSAMMENFASSUNG. DEUTSCHE UND RUSSISCHE STRATEGISCHE KULTUR IM VERGLEICH

Die außen- und sicherheitspolitisch Verantwortlichen in Deutschland sind strategisch-kulturell geprägt im Sinne der politischen Theorien des Institutionalismus und des Liberalismus mit ihren Prinzipien: Berechenbarkeit, Souveränität, Völkerrecht, Diplomatie, Mächtegleichgewicht, partizipatorisches Herrschaftssystem. Ihr Rollenhandeln ist dialogisch und win-win fokussiert. Deutsches Handeln folgt einer Verantwortungsethik, d.h. Motive und Handeln unterliegen sittlichen Zwecken.

Die außen- und sicherheitspolitisch Verantwortlichen in Russland sind strategisch-kulturell neo-realistisch geprägt mit seinen Prinzipien: Streben nach Sicherheit, Bildung von Gegenmacht, Strategische Rivalitäten, Machtpolitik zur Bewahrung der bedroht perzipierten eigenen Souveränität und Sicherheit. Ihr Rollendenken ist dichotomisch und Nullsummen fokussiert. Russisches Handeln folgt einer Gesinnungsethik, d.h. Handlungsabsichten und Handlungsfolgen stehen nicht in einem aufeinander bezogenen moralischen Bezug.

Für die deutsche Politik ist die Souveränitätsgarantie und -sicherung in den internationalen Beziehungen elementar. Die faktische Kraft des Normativen, die Stärke des Rechts in der internationalen Interaktion ist für das politische Berlin konstitutiv.

Die russische Politik folgt dagegen der normativen Kraft des Faktischen, in dem Sinn, dass international geschaffene Tatsachen durch Gewöhnung eigene Rechtsqualität (Recht des Stärkeren) entwickeln

sollen. Dem russischen strategischen kulturellen Denken sind regionale Machtprojektionen und Einflussphasen immanent.

NACHTRAG: 10. 3. 2022

Der renommierte österreichische Strategieforscher, Wolfgang Peischel, mahnte vor knapp drei Jahren: „Bedenklich scheinen Konstruktionen, die glauben machen wollen, dass Europa sich mit der vermeintlichen strategischen Zwecksetzung ‘Nie wieder Krieg’ im Einklang mit der strategischen Ausrichtung Chinas befände“ [Peischel 2019]. Am 24. 2. 2022 zerbrach insbesondere in Deutschland und Europa eine vergleichbare, lange bearbeitete und erhoffte Übereinstimmung auch mit Russlands strategischer Justierung. An diesem Tag startete Russland seine territoriale umfassende, behördlich verpflichtend-sprachlich genannte „Militäroperation“ in der Ukraine. Das Datum markiert für Deutschland eine „Zeitenwende“, wie der deutsche Bundeskanzler Olaf Schulz in seiner Grundsatzrede im Deutschen Bundestag an die Deutsche Nation statuierte [Scholz, 2022]. Er setzte damit zugleich den Spatenstich für einen gewollten sicherheitspolitischen Kulturwandel in Deutschland. Die Zivilmacht soll militärisch deutlich wehrhafter werden. Es bleibt abzuwarten, ob diese Neuorientierung exekutiv, legislativ und auch gesellschaftspolitisch strategisch wird oder in den Mühen des politischen Alltags zerrieben wird. Ob die politikwissenschaftliche Theorie des Neorealismus weitgehend handlungsleitend für die deutsche Außen- und Sicherheitspolitik ab dato wird.

BIBLIOGRAPHIE

1. Snyder J. L. (1977). *The Soviet Strategic Culture. Implications for Limited Nuclear Operation*. Santa Monica: Rand Corporation.
2. Snyder J. L. (1991). *Myths of Empire. Domestic Politics and International Ambition*. Cornell University Press.
3. Schelling T. C. (1960). *The strategy of conflict*. Harvard University Press.
4. Sauer F. (2017). *Nuklearwaffen und internationale Politik. Bedeutung, Nichtgebrauch, Proliferation* / F. Sauer, C. Masala (Hrg.) Wiesbaden: *Handbuch Internationale Beziehungen*.
5. Blendin H., Schneider G. (2015). *Grenzen der rationalen Abschreckung. Psychologische Korrelate von aggressivem Verhalten in experimentellen Krisenverhandlungsspielen*.
6. Herz J. H. (1959). *International Politics in the Atomic Age*. Columbia University Press.
7. Morgenthau H. J. (1962). *The decline of democratic politics. Politics in the in the twentieth century*. Chicago: University of Chicago Press. Bd.1.
8. Schelling T. C. (1966). *Arms and influence*. New Haven: Yale University Press.
9. Waltz K. (1979). *Theory of international politics*. Boston.
10. Kissinger H. (1994). *Diplomacy*. New York.
11. Zürn M. (1994). *Neorealistische und Realistische Schule* (S. 309–322). In: Andreas Boeckh (Ed.), *Lexikon der Politik*. Bd. 6: *Internationale Beziehungen*. München: K. Ch. Bek.
12. Morgan P. M. (1977). *Deterrence: A conceptual analysis*. Beverly Hills: Calif. Sage Publications.
13. Steinbrunner J. (1976). *Beyond rational deterrence: The struggle for new conceptions*. *World Politics*, 2, 223–245. (Vol. 28).

14. Gray C. S. (1981). National Style in Strategy. The American Example. *International Security*, 2, 21–47. (Vol. 6).
15. Klein B. S. (1988). Hegemony and Strategic Culture. *American Power Projection and Alliance Defence Politics. Review of International Studies*, 2, 133–148. (Vol. 14).
16. Johnston A. I. (1995). Thinking about Strategic Culture. *International Security*, 4, 32–64. (Vol. 19).
17. Fischer L. (2017). Strategische Kulturen im Vergleich Russland und die Türkei oder die Wiederbelebung einer geokulturellen Konfrontation.
18. Winter T. (2013). Sicherheit und außenpolitische Rolle. Zu den sicherheitspolitischen Kulturen und der Ukrainepolitik Polens und Tschechiens, Dissertation Universität Trier.
19. Wendt A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.
20. Martinsen R. (2014). *Spurensuche: Konstruktivistische Theorien der Politik*. Wiesbaden.
21. Biehl H. et al. (2011). *Strategische Kulturen in Europa. Die Bürger Europas und ihre Streitkräfte* / H. Biehl, R. Fiebig, B. Giegerich, J. Jacobs, A. Jonas.
22. Lentis J. et al. (2013). *Strategic Culture* / J. Lentis, D. J. Howlett, Baylis, J. Wirtz, S. G. Colin, S. Colin. *Strategy in the Contemporary World*. Oxford: Oxford University Press.
23. Al-Rodhan N. Strategic culture and pragmatic national interest. <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/22/07/2015/strategic-culture-and-pragmatic-national-interest>
24. Deutscher Bundestag. Zum Begriff des Angriffskrieges. <https://www.bundestag.de/resource/blob/809264/6f532e3d057c62665aa0a6a6573e41da/WD-2-083-20-pdf-data.pdf>.
25. Hanrieder W. (1995). *Deutschland-Europa-Amerika. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949–1994*, Paderborn.
26. Gauck J. Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen. München, Sicherheitskonferenz. <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html>
27. Steinmeier F. W. Münchner Sicherheitskonferenz. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140201-bm-muesiko/259554>
28. Kramp-Karrenbauer A. Defending The West. Münchner Sicherheitskonferenz. <https://www.bmvg.de/resource/blob/182726/82e686b41c624f562e34d59b156884c1/20200215-download-rede-akk-data.pdf>
29. Harnisch S. Deutschlands Rolle in der Libyen-Intervention: Führung, Gefolgschaft und das angebliche Versagen der Regierung Merkel. https://www.uni-heidelberg.de/md/politik/harnisch/person/publikationen/harnisch_deutschlands_rolle_in_der_libyen-intervention.pdf
30. Maull H. W. (2007). *Deutschland als Zivilmacht*. In: Siegmund Schmidt, Gunther Hellmann, Reinhard Wolf (Hg.). *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*, Wiesbaden.
31. Kappeler A. (2002). *Russische Geschichte*. München.
32. Eitelhuber N. (2015). *Russland im 21. Jahrhundert. Reif für eine multipolare Welt?* Frankfurt.
33. Fischer L. (2017). *Strategische Kulturen im Vergleich Russland und die Türkei oder die Wiederbelebung einer geokulturellen Konfrontation: Andrassy Working Papers zur Demokratieforschung*. Nr. 3. Budapest: Andrassy University Budapest.
34. Henke S. (2003). *Der russische Traum. Vormoderne Traditionen der politischen Kultur Russlands*. Hamburg.
35. Peischel W. (2019). *Strategie als eine Funktion des Willens [Str=f(W)]*. In: *Wiener Strategie-Konferenz 2019*, Berlin.
36. Scholz O. <https://www.youtube.com/watch?v=nvBPDNmBTLs>

REFERENCES

1. Snyder, Jack L. (1997). *The Soviet Strategic Culture. Implications for Limited Nuclear Operation*. Santa Monica: Rand Corporation.
2. Snyder, Jack L. (1991). *Myths of Empire. Domestic Politics and International Ambition*, Cornell University Press.
3. Schelling, T. C. (1960). *The strategy of conflict*, Harvard University Press.
4. Sauer, F., Masala, C. (Hrg.). (2017). *Nuklearwaffen und internationale Politik. Bedeutung, Nichtgebrauch, Proliferation*. Wiesbaden : *Handbuch Internationale Beziehungen*.
5. Blendin, H., Schneider, G. (2015). *Grenzen der rationalen Abschreckung. Psychologische Korrelate von aggressivem Verhalten in experimentellen Krisenverhandlungsspielen*.
6. Herz, J. H. (1959). *International Politics in the Atomic Age*, Columbia University Press.
7. Morgenthau, H. J. (1962). *The decline of democratic politics. Politics in the in the twentieth century*, Bd.1. Chicago: University of Chicago Press.
8. Schelling T. C. (1966). *Arms and influence*, New Haven, Yale University Press.
9. Waltz K. (1979). *Theory of international politics*, Boston.
10. Kissinger, H. (1994). *Diplomacy*, New York.
11. Zürn, M. (1994). *Neorealistic und Realistische Schule*. In: Andreas Boeckh (Ed.), *Lexikon der Politik*. B. 6. *Internationale Beziehungen* (S. 309–322). München: K. Ch. Bek.

12. Morgan, P. M. (1977). *Deterrence: A conceptual analysis*. Beverly Hills : Calif. Sage Publications.
13. Steinbrunner, J. (1976). Beyond rational deterrence: The struggle for new conceptions. *World Politics*, 2(28), 223–245.
14. Gray, C. S. (1981). National Style in Strategy. The American Example. *International Security*, 2(6), 21–47.
15. Klein, B. S. (1988). Hegemony and Strategic Culture. *American Power Projection and Alliance Defence Politics. Review of International Studies*, 2(14), 133–148.
16. Johnston, A. I. (1995). Thinking about Strategic Culture. *International Security*, 4(19), 32–64.
17. Fischer, L. (2017). Strategische Kulturen im Vergleich Russland und die Türkei oder die Wiederbelebung einer geokulturellen Konfrontation.
18. Winter, T. (2013). Sicherheit und außenpolitische Rolle. Zu den sicherheitspolitischen Kulturen und der Ukrainepolitik Polens und Tschechiens, Dissertation Universität Trier.
19. Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.
20. Martinsen, R. (2014). *Spurensuche: Konstruktivistische Theorien der Politik*. Wiesbaden.
21. Biehl H. et al. (2011). *Strategische Kulturen in Europa. Die Bürger Europas und ihre Streitkräfte* / H. Biehl, R. Fiebig, B. Giegerich, J. Jacobs, A. Jonas.
22. Lentis, J., Howlett, D. J. (eds). (2013). *D. Strategic Culture / Baylis, J. Wirtz, S. G. Colin, S. Colin. Strategy in the Contemporary World*. Oxford: Oxford University Press.
23. Al-Rodhan, N. Strategic culture and pragmatic national interest. <https://www.globalpolicyjournal.com/blog/22/07/2015/strategic-culture-and-pragmatic-national-interest>
24. Deutscher Bundestag. Zum Begriff des Angriffskrieges. <https://www.bundestag.de/resource/blob/809264/6f532e3d057c62665aa0a6a6573e41da/WD-2-083-20-pdf-data.pdf>
25. Hanrieder, W. (1995). *Deutschland-Europa-Amerika. Die Außenpolitik der Bundesrepublik Deutschland 1949–1994*, Paderborg.
26. Gauck, J. *Deutschlands Rolle in der Welt: Anmerkungen zu Verantwortung, Normen und Bündnissen*. München, Sicherheitskonferenz. <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/01/140131-Muenchner-Sicherheitskonferenz.html>
27. Steinmeier, F. W. Münchner Sicherheitskonferenz. <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/140201-bm-muesiko/259554>.
28. Kramp-Karrenbauer, A. *Defending The West*. Münchner Sicherheitskonferenz. <https://www.bmvg.de/resource/blob/182726/82e686b41c624f562e34d59b156884c1/20200215-download-rede-akk-data.pdf>
29. Harnisch, S. Deutschlands Rolle in der Libyen-Intervention: Führung, Gefolgschaft und das angebliche Versagen der Regierung Merkel. https://www.uni-heidelberg.de/md/politik/harnisch/person/publikationen/harnisch_deutschlands_rolle_in_der_libyen-intervention.pdf
30. Maull, H. W. (2007). Deutschland als Zivilmacht. In: Siegmar Schmidt, Gunther Hellmann, Reinhard Wolf (Hg.). *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*, Wiesbaden.
31. Kappeler, A. (2002). *Russische Geschichte*. München.
32. Eitelhuber, N. (2015). *Russland im 21. Jahrhundert. Reif für eine multipolare Welt?* Frankfurt.
33. Fischer, L. (2017). Strategische Kulturen im Vergleich Russland und die Türkei oder die Wiederbelebung einer geokulturellen Konfrontation: *Andrássy Working Papers zur Demokratieforschung*, 3. Budapest: Andrássy University Budapest.
34. Henke, S. (2003). *Der russische Traum. Vormoderne Traditionen der politischen Kultur Russlands*. Hamburg.
35. Peischel, W. (2019). Strategie als eine Funktion des Willens [Str=f(W)]. In: *Wiener Strategie-Konferenz*, Berlin.
36. Scholz, O. <https://www.youtube.com/watch?v=nvBPDNmBTls>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лапинс Вульф

доктор политических наук, профессор, старший научный сотрудник Института международных отношений WeltTrends, Потсдам, Германия, член редколлегии Австрийского военного журнала

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lapins Wulf

Doctor of Political Science (Dr. habil), Professor, Senior Research Fellow of the WeltTrends Institute for International Relations in Potsdam / Germany. Peer Reviewer of the Austrian Military Journal

INFORMATIONEN ZUM AUTOR

Lapins Wulf

Politikwissenschaftler, Prof. Dr., Senior Research Fellow des WeltTrends Institut für Internationale Beziehungen in Potsdam / Deutschland. Peer Review Gutachter der Österreichischen Militärischen Zeitschrift

Статья поступила в редакцию 10.01.2022
одобрена после рецензирования 21.01.2022
принята к публикации 26.02.2022

The article was submitted 10.01.2022
approved after reviewing 21.01.2022
accepted for publication 26.02.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_40

Спорт как элемент «мягкой силы» в арсенале средств внешнеполитической деятельности государства

Е. Д. Леонтьев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

edl24@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен спорта как инструмент «мягкой силы», раскрываются существенные характеристики этого явления и его составные элементы, а также задачи, решаемые с опорой на спорт и спортивные достижения в политических целях государствами на международной арене.

Ключевые слова: спорт, Олимпийские игры, спортивные достижения, «мягкая сила», «жесткая сила», спортивная политика, внешняя политика, имидж государства

Для цитирования: Леонтьев Е. Д. Спорт как элемент «мягкой силы» в арсенале средств внешнеполитической деятельности государства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 40–44. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_40

Original article

Sport as an Element of “Soft Power” in the Arsenal of Means of Foreign Policy Activity of the State

E. D. Leontyev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

edl24@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of sports as a tool of “soft power”, the essential characteristics of this phenomenon and its constituent elements are revealed, as well as the tasks that are solved with the support of sports and sports achievements for political purposes by states in the international arena.

Keywords: sports, Olympic Games, sports achievements, “soft power”, “hard power”, sports policy, foreign policy, the image of the state

For citation: Leontyev, E. D. (2022). Sport as an element of “soft power” in the arsenal of means of foreign policy activity of the state. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 40–44. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_40

ВВЕДЕНИЕ

«Мягкая сила» в настоящее время всё в большей степени входит в арсенал стратегических средств всех государств на мировой арене, становится всё более действенным оружием в решении как своих внутриполитических вопросов, так и достижения геополитических целей на международной арене. Ощутимое влияние на политику государства в целом и особенно на его внешнеполитическую деятельность в качестве «мягкой силы» оказывает спорт. Спорт выступает в качестве инструмента формирования имиджа и повышения репутации государства на мировой арене, а также при продвижении различных национальных брендов; победа спортсменов в ходе крупных международных соревнований служит существенному повышению авторитета государства. Однако в XXI веке спорт всё чаще стал использоваться государствами в качестве одного из инструментов информационного противоборства в интересах решения своих внешнеполитических задач.

СПОРТ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Теоретическое обоснование роли и значения спорта в качестве эффективного инструмента создания позитивного имиджа государства на международной арене и с его помощью осуществление воздействия на другие страны впервые было сформулировано в 1990 году профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской власти». По мнению Дж. Нае, «сила государства во внешней политике заключается в возможности добиваться от других желаемых результатов, однако далеко не всегда эта сила должна отождествляться с военной мощью»¹ [Нае 1990, с. 167].

Термин «мягкая сила» вошел в употребление с середины 2012 года, а в феврале 2013 года понятие «мягкая сила» было включено в Концепцию внешней политики Российской Федерации². Таким образом, с этого момента термин «мягкая сила» стал официально употребляться в политическом лексиконе РФ с учетом существенных характеристик данного понятия и четко очерченных сфер употребления [Борисов, 2020].

В настоящее время в качестве «мягкой силы» рассматривают инструменты достижения государством своих целей во внешней политике путем

привлечения на свою сторону других участников внешнеполитического процесса. К таким инструментам, к которым стали всё чаще прибегать в 2000-х годах, стала относиться спортивная политика. Особенно ожесточенным предстает соперничество государств в области спортивной политики при решении вопросов, связанных с проведением чемпионатов мира и Европы по футболу, не говоря уже об Олимпийских играх. Всё это приводит к тому, что подготовка и проведение спортивных мероприятий такого уровня из спортивного праздника, которого с нетерпением ждут миллионы людей из самых различных стран, превращается в соперничество в политической сфере со всевозможными обвинениями друг друга, объявлениями санкций и в конечном итоге часто приводит к их бойкоту отдельными государствами. В последние десятилетия проведение международных соревнований подобного уровня превращается из спортивного праздника, в ходе которого спортсмены различных стран имеют возможность помериться силой и ловкостью, в попытку демонстрации превосходства государственного строя, экономических и политических достижений государства или группы стран. Это дает полное основание для утверждения, что спорт в целом и спортивная политика, в частности, превращаются руководством многих стран в один из самых эффективных инструментов «мягкой силы» в решении многих своих политических вопросов и проблем. Сказанное относится как к Российской Федерации, так и к другим крупным зарубежным государствам [Касюк, Леонтьев, 2019].

В повседневной практике спорт как элемент «мягкой силы» используется руководством многих стран, как правило, для решения политических задач, к которым в первую очередь относятся:

- оказание определенного давления на решение Международного олимпийского комитета в выборе страны для проведения тех или иных спортивных соревнований международного уровня;
- представление достижений спортсменов в той или иной спортивной области в качестве результатов, полученных благодаря преимуществам существующего в конкретной стране экономического и политического строя, что несомненно экстраполируется на деятельность ее руководства во всех сферах жизни;
- демонстрации единства и сплоченности всех слоев населения страны и его готовности к решению намеченных правительством планов;
- наращивание пропагандистского потенциала в рамках глобального информационного противоборства за счет привлечения к проводимым информационным кампаниям спортсменов,

¹Эд. и далее перевод наш. – Е. Л.

²Концепция внешней политики Российской Федерации от 16.02.2013 г. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>

добившихся выдающихся результатов в своей спортивной карьере;

- получение представителями правительств и политической элиты личных выгод, повышения их престижа и имиджа.

В этой связи уместно привести пример действия представителей политической элиты РФ, члены которой неоднократно заявляли и на практике демонстрировали свою приверженность определенным видам спорта, которым отдает предпочтение Президент В. В. Путин – дзюдо, хоккей. Эти виды спорта находят не только вербальную поддержку в ходе различных выступлений и интервью, но и часто являются объектами приоритетного финансирования, предоставления всевозможных льгот и преференций [Касюк, Леонтьев, 2019].

Как одни из ресурсов «мягкой силы» спорт превращается в эффективный инструмент ее применения государством в его борьбе за авторитет и лидерство на международной арене. Элементами данного инструмента являются: организация и проведение государством крупных международных спортивных соревнований, существенные результаты, показанные спортсменами на этих соревнованиях (установленные рекорды, завоеванные медали). В последние годы к этому добавилась практика участия спортсменов с мировым именем в различных мероприятиях, организуемых посольствами за рубежом. Этим особенно стал пользоваться государственный департамент Соединенных Штатов Америки, который явился инициатором разработки специальной программы «Посланники спорта» [Kobierecki, 2013]. Таким образом, «спортсмен международного класса становится фактором международной политики и национального престижа» [Гостев, 2001, с. 150].

Достижения страны в области спорта в значительной мере способствуют формированию и повышению ее имиджа на международной арене и таким образом превращаются в эффективный инструмент международного соперничества. Так, еще 35-й президент США Дж. Кеннеди в 1960-е годы с полной убежденностью заявлял, что «для престижа нации по-настоящему важны две вещи: полеты в космос и золотые олимпийские медали» (Крамник И. *Война пяти колец* // *РИА Новости*, 03.07.2008). К этому заявлению в 1980 году присоединился президент США Д. Картер утверждая, что «спорт – отличное средство воздействия на умы, которое при умелом использовании позволит достичь продуктивных решений во внутренней и внешней политике государства» [Гескин, 1980, с. 7].

Особенно наглядно роль спорта в повышении международного имиджа страны просматривается при оценке спортивных достижений различных государств, представленной в рейтинге брендов стран. Ознакомление уже с первыми страницами рейтинга дает представление о роли участия в Олимпийских играх для занятия соответствующей позиции. О. Ф. Русакова, один из российских авторов теории «мягкой силы», среди других критериев номенклатуры индексов «мягкой силы» специально выделяет «olympics»: «...проведение Олимпийских игр, которые выступают в роли уникальной возможности для страны-организатора завоевать признательность и восхищение успехами в области спорта со стороны других стран» [Русакова, 2014, с. 72].

Особенно успешно в качестве инструмента манипулирования общественным мнением, лоббирования региональных интересов спорт стал использоваться во второй половине прошлого века. В XXI веке спорт превращается в одно из эффективнейших средств внешнеполитической борьбы – стратегический инструмент «мягкой власти» во внешнеполитической деятельности государств.

Спорт, выступая инструментом «мягкой силы», может быть использован для:

- повышения престижа и имиджа государства;
- использования политики, направленной на привлечение внимания к стране, завоевание доверия у граждан других государств;
- создания платформы для диалога;
- попыток оказать определенное давление на руководство различных стран и их спортивные организации в интересах решения конкретных политических задач.

Наглядным примером попытки оказать подобное давление на целый ряд стран, используя в качестве инструмента спорт, является стремление Соединенных Штатов организовать дипломатический бойкот зимних Олимпийских игр 2022 года в Китае (Коваленко М. *Возможный дипломатический бойкот властями США пекинской Олимпиады разозлил власти КНР* // *Коммерсант*, 07.12.2021). США мотивировали свое решение якобы имеющими место нарушениями прав человека со стороны китайского руководства, выражающимися в дискриминации уйгуров в Синьдзяне. На самом деле причина кроется в том, что Китай оттесняет США, позиционирует себя как крупнейшая спортивная держава, претендующая на первое место в мире не только в спорте, но и в своем стремлении в ближайшие годы обойти США в области экономики.

С точки зрения использования спорта как средства оказания политического давления на Россию оценивается достаточно высоко. Это

связано с высокими результатами в различных видах спорта, которые показывают российские спортсмены на самых престижных международных соревнованиях – чемпионатах Европы и мира, а также на летних и зимних Олимпийских играх. Ярким примером являются достижения спортсменов нашей страны на зимней Олимпиаде в Сочи в 2014 году [Касюк, Леонтьев, 2019].

Однако, несмотря на свой существенный экономический потенциал, а также значительные в количественном отношении людские ресурсы, использование спорта в качестве эффективного инструмента «мягкой силы» в реализации своей политики, Россия отстает от таких мировых держав как Соединенные Штаты Америки и Китай. Это связано с тем, что, к глубокому сожалению, на сегодняшний день отсутствует разработанная на государственном уровне стратегия использования «мягкой силы». О просчетах в нашей стране, имеющих место в практике применения «мягкой силы» в области спортивной политики, свидетельствуют имевшие место допинговые скандалы с рядом наших спортсменов и соответственно неэффективность действий со стороны российских спортивных чиновников.

В современном мире нет ни одного в большей степени объединяющего людей явления, чем спорт. Спортивные соревнования самого различного уровня – это публичные мероприятия, собирающие огромные стадионы болельщиков, но еще большая по численности аудитория находится далеко за пределами этих стадионов, у экранов телевизоров по всему миру. Интересы многомиллионных аудиторий болельщиков удовлетворяют самые различные СМИ, которые собирают зрителей, слушателей, читателей. Так, только матчи премьер-лиги по футболу Великобритании смотрят 4,7 млрд человек во всем мире, что является одним из самых успешных экспортных товаров Великобритании (*The Guardian*, 22.01.2019).

Для стран, не обладающих значительными ресурсами «жесткой силы», спорт является исключительно эффективным ресурсом «мягкой силы». Примером может служить проведение XXIII зимних Олимпийских игр в 2018 году в Пхенчхане (Республика Корея), действия правительства Катара по завоеванию права на проведение чемпионата мира по футболу в 2022 году. Право Катара на проведение чемпионата мира по футболу было средством повысить авторитет своей страны, построить определенную степень власти на мировой политической арене и, по собственному признанию катарского правительства, «позволить небольшой стране Персидского залива оказывать влияние при помощи “мягкой силы”» (*Qatar's soft power*

sports diplomacy, 09.03.2020). Несколько государств Совета сотрудничества стран Персидского залива стремились завоевать это право, добиваясь более высокого рейтинга ФИФА и олимпийских медалей, спонсируя и инвестируя высшие лиги и различные спортивные мероприятия. Они осознавали важность использования «мягкой силы» в глобальном спорте, особенно таких громких международных событиях, как проведение чемпионата мира по футболу. Катарское правительство сделало спорт неотъемлемой частью национального брендинга и развития страны.

Катар в настоящее время тратит около 250 млрд долл. США на проведение чемпионата мира по футболу 2022 года, несмотря на споры о коррупции, эксплуатации рабочих и полной непригодности климата. Строятся новые стадионы, городские комплексы и транспортные системы. Всё это представлено миру «Аль-Джазирой» и, в частности, ее спортивной сетью «beIN SPORTS», которая имеет исключительные права на трансляцию европейского футбола на Ближнем Востоке и в Северной Африке (*Geopolitics, sports, soft power: soccer and the Arab Gulf*, 23.06.2020). Таким образом, Катар пытается использовать чемпионат мира по футболу в качестве стимула для привлечения прямых иностранных инвестиций и повышения репутации страны для иностранных инвесторов.

В эпоху цифровых технологий и глобализации одним из эффективных способов повышения влияния страны на международной арене является прямой контакт между людьми. Спорт в состоянии наладить коммуникацию между жителями планеты, которые возможно могли бы никогда не встретиться, будь то соперники на спортивных соревнованиях, посетители международных турниров по самым различным видам спорта или болельщики из различных стран. Спорт объединяет людей из разных стран и слоев общества, многие молодые люди боготворят зарубежных спортивных звезд не меньше, чем чемпионов и обладателей золотых медалей из своей собственной страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политика «мягкой силы» в XXI веке играет огромную роль в позиционировании любой страны на международной арене. Спорт сегодня является неотъемлемой частью социальной и культурной жизни общества, его внутренней и внешней политики. Всё это дает полное основание оценивать спорт как самостоятельный инструмент «мягкой силы» во внешнеполитической стратегии государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nye J. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1990.
2. Борисов А. В. «Мягкая сила» России: специфика понимания и оценки // Мировая политика. 2020. № 1. С. 1–11.
3. Касюк А. Я., Леонтьев Д. Е. Социально-политические аспекты концепции взаимоотношения спорта и политики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. Вып. 2(835). С. 40–61.
4. Kobierecki M. M. Sport in International Relations. Expectations, Possibilities and Effects // International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal. 2013. № 1. P. 49–74.
5. Гостев Р. Спорт и законодательство. М. : Еврошкола, 2001.
6. Гескин В. М. Кто посягает на олимпийский огонь? М. : Физкультура и спорт, 1980.
7. Русакова О. Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power // Дискурс-Пи. 2014. №1(14). С. 68–74.

REFERENCES

1. Nye, J. S. (1990). Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books.
2. Borisov, A. V. (2020). «Myagkaya sila» Rossii: spetsifika ponimaniya i otsenki = “Soft power” of Russia: specifics of understanding and evaluation. World politics, 1, 1–11. (In Russ.)
3. Kasyuk, A. Ya. Leontyev, D. E. (2019). Sotsialno-politicheskiye aspekty kontseptsii vzaimootnosheniya sporta i politiki = Socio-political aspects of the concept of the relationship between sports and politics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(835), 40–61. (In Russ.)
4. Kobierecki, M. M. (2013). Sport in International Relations. Expectations, Possibilities and Effects. International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal, 1, 49–74.
5. Gostev, R. (2001). Sport i zakonodatelstvo = Sports and legislation. Moscow: Euroschool. (In Russ.)
6. Geskin, V. M. (1980). Kto posyagayet na olimpiyskiy ogon? = Who is encroaching on the Olympic flame? Moscow: Fizkul'tura i sport. (In Russ.)
7. Rusakova, O. F. (2014). Metodologicheskiye problemy kategorialnogo i instrumentalnogo analiza soft power = Methodological problems of categorical and instrumental analysis of soft power. Discourse-Pi, 1(14), 68–74. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонтьев Евгений Денисович

аспирант кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leontyev Evgenij Denisovich

Postgraduate Student of the Department of Political Science, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 10.12.2021
одобрена после рецензирования 11.01.2022
принята к публикации 25.01.2022

The article was submitted 10.12.2021
approved after reviewing 11.01.2022
accepted for publication 25.01.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_45

Опыт Германии в подготовке гражданского персонала для действий в пользу мира

С. А. Тишков¹, И. Л. Тишкова²

¹Орловский юридический институт им. В. В. Лукьянова Министерства внутренних дел Российской Федерации, Орел, Россия, stishkov@list.ru

²Орловский государственный аграрный университет, Орел, Россия
itishkova@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются базовые подходы Германии к организации подготовки различных категорий гражданских специалистов для операций ООН. Сделан вывод о том, что немецкой системе подготовки гражданского персонала для действий в пользу мира присущи: тесная связь науки и методики преподавания, высокие требования к его качеству, информационному обеспечению и практической направленности обучения.

Ключевые слова: действия в пользу мира, миротворчество, миростроительство, подготовка персонала, Германия, «мягкая сила»

Для цитирования: Тишков С. А., Тишкова И. Л. Опыт Германии в подготовке гражданского персонала для действий в пользу мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 45–50. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_45

Original article

Germany's Experience in Training of Civilian Personnel for Peace Actions

Sergey A. Tishkov¹, Irina L. Tishkova²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
stishkov@list.ru

²Orel State Agrarian University, Orel, Russia
itishkova@list.ru

Abstract. Article studies basic approaches of the Germany to training of civilian personnel for peace actions led by UN and other international actors. Authors analyzed the experience of the training of various categories of specialists for peace activities and international cooperation in this area. Concluded that the German system of civilian peacekeeping personnel training is characterized by a close connection between science and teaching methods with high requirements for quality, information support and practical approach of the training supported by active foreign relations.

Keywords: actions for peace, peacekeeping, peacebuilding, training of personnel, Germany, «soft power»

For citation: Tishkov, S. A., Tishkova, I. L. (2022). Germany experience in training of civilian personnel for peace actions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 45–50. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_45

ВКЛАД ГЕРМАНИИ В ДЕЙСТВИЯ ООН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА

Существенные изменения спектра действий в пользу мира потребовали от ООН и иных акторов, вовлеченных в данные процессы, пересмотреть подходы к ресурсному обеспечению полевых миссий. Однако расширение географического представительства в миротворчестве ООН, значительное увеличение персонала полевых операций отчасти могут рассматриваться как причины относительного снижения профессионализма и морали международных миротворцев при выполнении задач в гуманитарной сфере, предполагающих активное взаимодействие с местным населением. Данные вызовы актуализировали проблему подготовки гражданского персонала, направляемого в полевые миссии международными организациями и государствами – членами ООН

Продолжая планомерную работу по повышению своего статуса на международной арене, Федеративная Республика Германии (ФРГ) не осталась в стороне от данной проблемы. С момента принятия в члены Организации Объединенных Наций в 1973 году страна смогла занять достойное место в ее рядах. Такие результаты были достигнуты благодаря тому, что идеологической основой внешней политики ФРГ стал «мультилатерализм, который трактовался как глубокая вовлеченность страны в систему международных связей и отношений, в первую очередь посредством активного участия в деятельности межгосударственных организаций» [Егоров, Гудгольд, 2017, с. 29].

Германия активно использует потенциал ООН в качестве инструмента, позволяющего ей укрепить свои позиции в международных делах. При этом ряд исследователей данной тематики отмечает, что миротворческая активность Германии под эгидой ООН, как правило, резко возрастает в периоды, когда страна занимает место непостоянного члена Совета Безопасности (СБ) ООН [Трунов, 2020].

Например, во время шестого членства в СБ ООН с 1 января 2019 года по 31 декабря 2020 года Германия предприняла ряд шагов по укреплению международного порядка, активно участвовала в дебатах, подчеркивая тесную связь между поддержанием мира и миростроительством, а также выступила с рядом инициатив, направленных на стабилизацию обстановки в конкретных странах [Hansen, Vorrath, 2021].

В июне 2020 года Германия совместно с Генеральным секретарем ООН А. Гутерришем организовала донорскую конференцию для мобилизации политической и финансовой поддержки Судана. В СБ ООН Германия выступила за формирование

новой специальной политической миссии ООН – Комплексной миссии ООН по оказанию содействия в переходный период в Судане (ЮНИТАМС), которая пришла на смену Смешанной операции Африканского союза и ООН в Дарфуре (ЮНАМИД)¹.

Необходимо отметить, что ФРГ связывает эффективное выполнение задач в сфере поддержания международной безопасности с повышением своего международного статуса за счет вхождения в число постоянных членов СБ ООН [Егоров, 2011; Трунов, 2020].

Анализ статистики показывает, что ФРГ традиционно выступает одним из наиболее весомых экономических доноров миротворчества ООН. Например, Германия занимает четвертое место среди ведущих стран-плательщиков взносов в бюджет операций ООН по поддержанию мира в 2020–2021 годах².

На заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2000 года министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер подчеркнул глобальность устремлений Германии и ее готовность участвовать в решении любых проблем, включая обеспечение мира в конфликтных зонах и защиту прав человека.

К важным внешнеполитическим тезисам в сфере действий в пользу мира, по нашему мнению, можно отнести и позицию бывшего канцлера Г. Шрёдера о необходимости выработки и применения масштабных дипломатических мер, а также новых подходов к обеспечению верховенства закона и социально-экономического развития в целях успешного предотвращения и разрешения кризисов³. Поэтому в контексте системного подхода к постконфликтному миростроительству в немецком экспертном сообществе всё чаще звучит тезис о том, что «Германия должна более активно участвовать в восстановлении гражданских структур и правоохранительных органов постконфликтных государств и вовлекать в мирный процесс соседние страны» [Айрапетян, 2012, с. 130].

ГЕРМАНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ В ПОЛЬЗУ МИРА

ФРГ не осталась в стороне от такой актуальной для ООН проблемы как подготовка миротворческого персонала. Отметим, что расширение спектра задач в гуманитарной сфере, предполагающее обширные и активные контакты с местным населением, находящимся в состоянии нужды или голода,

¹URL: <https://germania.diplo.de/ru-ru/sr-mitgliedschaft/374614>

²URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/how-we-are-funded>

³URL: <https://gerhard-schroeder.de/tag/ausenpolitik/>

рассматривается лидерами ООН как одна из причин снижения морали и наличия отдельных нарушений со стороны миротворческого персонала¹.

Столкнувшись с вызовами ООН Германия приняла ряд организационно-практических мер, включая реализацию всеми органами, вовлеченными в миротворческую деятельность, политики «нулевой терпимости» к сексуальному и гендерному насилию и усилению ответственности миротворцев, причастных к данным правонарушениям. Значительные шаги были предприняты в сфере профессиональной подготовки военнослужащих контингентов и полицейского персонала стран – участниц ООН [Тишков, 2016].

Определенные качественные изменения отмечаются и в сфере подготовки гражданского персонала, организация которой во многом остается ответственностью государств – членов ООН. Например, на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 14 сентября 2000 года министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер в контексте диалога по проблеме недостатка квалифицированных кадров объявил о германской акции «Гражданский мирный персонал», предусматривающей подготовку группы квалифицированных экспертов для действий ООН в пользу мира. Необходимо отметить, что Германия накопила определенный опыт в подготовке гражданского персонала для миротворческих и гуманитарных операций различного формата на базе своих сертифицированных учебных центров. В качестве одного из наиболее известных примеров можно привести деятельность основанного в 2002 году Центра международных миротворческих операций (*нем.* Zentrum für Internationale Friedenseinsätze), который готовит гражданский персонал для различных операций в пользу мира². Реализуя свои полномочия от имени министерства иностранных дел Германии Центр международных миротворческих операций организует широкий спектр действий от анализа потребностей в сфере подготовки миротворческого персонала, обучения и стажировок до консультирования по всем аспектам миротворческой деятельности, а также поддерживает развитие потенциала международного сотрудничества.

Выпускники Центра получают квалификацию «Гражданского эксперта международных миротворческих операций» и могут быть включены в список кандидатов для миротворческих или гуманитарных миссий, а также миссий по наблюдению за выборами. Партнерами Центра наряду с ООН выступают Организация по безопасности

и сотрудничеству в Европе, Организация американских государств и др.

Одной из основных форм обучения является курс комплексной общей подготовки для участия в миротворческих операциях (*англ.* Comprehensive Generic Training Peace Operations), направленный на формирование компетенций, необходимых для эффективной работы в сфере международного сотрудничества в условиях повышенного риска или сложных межкультурных и межконфессиональных ситуаций. Курс предназначен для немецких и иностранных гражданских экспертов, заинтересованных в изучении принципов работы миротворческих операций и реализации своего потенциала в этой области, а также для сотрудников полиции и вооруженных сил Германии.

С положительной стороны возможно отметить проведение курсов командой инструкторов, обладающих личным миротворческим опытом. Особенностью курса также являются интерактивные практические упражнения, сценарии которых отражают реалии полевой работы. Такое пространство для критического осмысления особенностей работы в пользу мира способствует обмену знаниями и опытом между участниками в контексте концепции взаимного обучения (*англ.* peer learning). Двухнедельный курс также включает тренинг по основам безопасности при работе в потенциально опасной среде (*англ.* Hostile Environment Awareness training). Данный тренинг реализуется совместно с Государственным управлением по обучению, повышению квалификации и кадровым вопросам полиции в Северном Рейне – Вестфалии и Учебным центром ООН для Бундесвера в г. Хаммельбурге (*нем.* Vereinte Nationen Ausbildungszentrum Bundeswehr)³.

Учебный центр ООН как международно-сертифицированное учебное заведение специализируется на регионально-ориентированном тренинге военнослужащих бундесвера для миротворческих сил ООН. При этом на базе Учебного центра также реализуются различные программы межведомственного обучения, включая подготовку сотрудников Федеральной полиции, Сил полиции федеральных земель, Немецкой корпорации международного сотрудничества (*нем.* Deutsche Gesellschaft für internationale Zusammenarbeit), Центра международных миротворческих операций; обучение гражданских сотрудников и кандидатов в полевые миссии международных организаций; подготовку журналистов и сотрудников

¹URL: <https://undocs.org/ru/A/71/818>

²URL: <https://www.zif-berlin.org/en>

³URL: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/army/organization/army-training-command/german-armed-forces-united-nations-training-centre>

правительственных и неправительственных организаций, командированных в «горячие точки».

Учебный центр активно участвует в международном сотрудничестве и обмене информацией с Центрами подготовки миротворческого персонала и аналогичными учебными заведениями.

Приведенные факты подтверждают наличие в Германии государственной системы подготовки различных категорий гражданского персонала для действий в пользу мира с использованием межведомственной сети международно-сертифицированных учебных центров.

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ ПЕРСОНАЛА ДЛЯ ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ В ПОЛЬЗУ МИРА

Работа в сфере подготовки гражданского персонала для операций в пользу мира не ограничивается только деятельностью государственных образовательных организаций. По нашему мнению, интересным примером является работа «Форума Гражданской службы в пользу мира» (*нем.* Forum Ziviler Friedensdienst e. V. (forumZFD, далее Форум), созданного в 1996 году при участии активистов в сфере поддержания мира и обеспечения прав человека как реакция на Балканский кризис.

В условиях активной интернационализации профессиональной подготовки в сфере международного сотрудничества, Форум активно работает в структуре Европейской сети гражданской службы в пользу мира (*англ.* European Network for Civil Peace Services). При этом Форум позиционирует себя в качестве партнера, способного поделиться обширным опытом в области политического диалога и связей с общественностью, планирования и реализации проектов в пользу мира, а также профессионального обучения. В настоящее время Форум продолжает работу с экспертами по вопросам мира и трансформации конфликтов из стран Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии. Ведущим операционным подразделением Форума является Академия (*нем.* Akademie für Konflikttransformation), широко известная в Германии и за рубежом в сфере подготовки гражданских экспертов и консультантов по вопросам мира и трансформации конфликтов¹.

Основной формой обучения на базе Академии является очный курс по вопросам мира и работы в условиях конфликтов (*англ.* Full-time Training Course in Peace and Conflict Work), который предоставляет широкие возможности для получения знаний и теоретической апробации имеющегося

опыта в сфере трансформации конфликтов. Данный специализированный курс предназначен для кандидатов, которые планируют работать в сфере урегулирования конфликтов, миростроительства или сотрудничества в целях развития или уже имеют соответствующий опыт международной работы.

Целью курса является формирование у обучающихся компетенций в сфере ненасильственного преобразования конфликтов в рамках миротворческой работы. При этом наряду с теоретическими концепциями широко изучается институциональный опыт Форума в реализации зарубежных проектов в области урегулирования конфликтов, сотрудничества в целях развития или в смежных областях профессионального и жизненного опыта участников курсов. В контексте существующего в германской внешней политике тренда академического обмена с кризисными регионами, а также со странами, совершающими переход к демократии, на курсы наряду с гражданами Германии приглашаются кандидаты из этих стран.

При организации обучения персонал Академии, привлекаемые модераторы курсов и менторы / инструкторы применяют сочетание разнообразных дидактических методов, предусматривающих изучение экспертного мнения, диалог между участниками и практические упражнения по планированию проектов в сфере развития и стабилизации и прогнозированию их влияния на посткризисную ситуацию. Особое внимание отводится изучению роли международного эксперта / консультанта по вопросам мира и трансформации конфликтов, а также специфике межкультурного общения в полиэтнической среде. Комбинация традиционных и инновационных методов обучения, использование миротворческого опыта и диалога позволяет обучающимся получить глубокое понимание современных концепций трансформации конфликта. Такие инклюзивные подходы формируют важную отправную точку для профессионального и личностного развития участников курсов.

Обучение организовано в формате недельных семинаров-блоков, на которые могут быть приглашены дополнительные внешние участники, отобранные персоналом Академии. Как правило, на такие краткосрочные семинары приглашаются сотрудники, работающие в системе Немецкого агентства международного сотрудничества или практические работники международных организаций.

Такой подход к комплектованию групп, по нашему мнению, повышает практическую направленность обучения и может рассматриваться в качестве положительного опыта в сфере подготовки международного персонала для действий в пользу мира. Участие дополнительных внешних обучающихся

¹URL: <https://www.forumzfd.de/en/introducing-academy-conflict-transformation>

с практическим опытом работы в сфере миротворчества и трансформации конфликтов позволяет улучшить качество совместной работы по анализу конфликтов, обсуждению методов внешнего вмешательства в конфликт, разработке проектов.

Выпускники курса получают сертификат «Консультант по вопросам мира и конфликтов», который признан ведущими немецкими государственными и негосударственными акторами в области международного сотрудничества в сфере постконфликтного развития и дает право на участие в проектах гражданской службы в пользу мира. После окончания курсов персонал Академии поддерживает контакт с выпускниками в форме «обратной связи» для изучения особенностей использования полученных знаний в практической работе, обмена предложениями по улучшению качества и процесса обучения.

В современных условиях пандемии Академия предлагает дистанционное обучение, что расширяет возможности подготовки персонала для операций в пользу мира. Онлайн-формат, подкрепленный четко структурированной и информационно-методической платформой, позволяет принять участие в курсе без отрыва от работы.

Академия также является научной площадкой для обсуждения проблем миростроительства и постконфликтного развития. Активное сотрудничество с другими учебными заведениями позволяет поддерживать высокий стандарт обучения, обеспечивать конкурентоспособность системы подготовки кадров для операций в пользу мира и обмен инициативами, идеями и практическим опытом, а также разрабатывать методические решения, направленные на обеспечение институциональной среды, соответствующей задачам, связанным с работой в конфликтных регионах.

Таким образом, негосударственные акторы активно участвуют в подготовке миротворческого персонала, анализе миротворческого опыта и развитии международного сотрудничества, расширяя возможности в использовании образовательного компонента политики «мягкой силы» для реализации внешнеполитических целей ФРГ [Огнева, 2016].

Проведенное исследование позволяет авторам констатировать, что обучению миротворческого персонала присущи все признаки немецкой

системы подготовки кадров, для которой характерны «тесная связь науки и методики преподавания, высокая требовательность к качеству обучения и знаний, их практической применимости, высокий уровень материально-технического и информационного обеспечения учебных и научных процессов, активные зарубежные связи, комплексность дисциплин и постоянные контакты с крупными акторами» [Пешкова, Зиминова, 2020, с. 43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях кадровых проблем миротворчества ООН Германия, претендующая на повышение своего статуса на международной арене, заявила о готовности включиться в работу по подготовке квалифицированного гражданского персонала для действий в пользу мира.

В настоящее время в стране функционирует государственная система отбора, подготовки и командирования персонала для операций в пользу мира. Для проведения обучения различных категорий гражданского миротворческого персонала сформирована межведомственная сеть учебных центров, активно применяются новые образовательные подходы.

Обучению миротворческого персонала присущи все признаки немецкой системы подготовки кадров, которой характерны тесная связь науки и методики преподавания, требовательность к качеству и практической направленности обучения, высокий уровень материально-технического и информационного обеспечения учебных и научных процессов, активные зарубежные связи.

Новым приоритетом немецкой внешней политики может стать наращивание потенциала региональных организаций и стран-партнеров. Поэтому подготовка гражданского персонала из стран, совершающих переход к демократии, сотрудничество в области науки и образования может стать не только важным условием для развития потенциала в сфере преодоления последствий кризисов, но и элементом реализации образовательного компонента политики «мягкой силы» в целях формирования имиджа Германии как страны-миротворца.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Егоров А. И., Гудгольд А. М. «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // Вестник Поволжского института управления. 2017. Вып. 1. Т. 17. С. 25–32. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-1-25-32.
2. Трунов Ф. О. Особенности участия Германии в урегулировании вооруженного конфликта в Мали // Актуальные проблемы Европы. 2020. Вып. 2. С. 195–223. DOI: 10.31249/ape/2020.02.08.

3. Hansen W., Vorrath J. VN-Friedenseinsätze: Fokus auf das Notwendige, nicht das vermeintlich Machbare // PeaceLab. 2021. June 3. URL: <https://peacelab.blog/2021/06/vn-friedenseinsaetze-fokus-auf-das-notwendige-nicht-das-vermeintlich-machbare>
4. Егоров А. И. Притязания объединенной Германии на место постоянного члена Совета безопасности ООН (1990–2005) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. Вып. 1 (96). С. 77–83.
5. Айрапетян М. С. Участие Германии в миротворческих миссиях Организации Объединенных Наций // ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПОЛИТЭКС. 2012. Вып. 1. Т. 8. С. 121–130.
6. Тишков С. А. Организация обучения полицейского персонала в условиях миротворческих миссий ООН // Наука и практика. 2016. Вып. 3(68). С. 170–172.
7. Огнева В. В. «Мягкая сила» – инструмент внешней политики современной России // Обозреватель – Observer. 2016. Вып. 3 (314). С. 19–29.
8. Пешкова Г. Ю., Зимина И. В. Институциональные траектории подготовки кадров для инновационной экономики в развитых странах // Экономические исследования и разработки. 2020. Вып. 2. С. 38–45.

REFERENCES

1. Egorov, A. I., Gudgold, A. M. (2017). «Myagkaya sila»: nemetskii opyt realizatsii = The «Soft Power»: the German experience of implementation. The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration, 17(1), 25–32. (In Russ.)
2. Trunov, F. O. (2020). Osobennosti uchastiya Germanii v uregulirovanii vooruzhennogo konflikta v Mali = Some features of German participation in the armed conflict management in Mali. Current problems of Europe, 2, 195–223. (In Russ.)
3. Hansen W., Vorrath J. VN-Friedenseinsätze: Fokus auf das Notwendige, nicht das vermeintlich Machbare. PeaceLab. 2021. June 3. <https://peacelab.blog/2021/06/vn-friedenseinsaetze-fokus-auf-das-notwendige-nicht-das-vermeintlich-machbare>.
4. Egorov, A. I. (2011). Prityazaniya ob"edinennoi Germanii na mesto postoyannogo chlena Soveta bezopasnosti OON (1990–2005) = Pretension of unified Germany to be a permanent member in the UNO Security Council (1990–2005). Belgorod State University Scientific Bulletin. History Political science, 1(96), 77–83. (In Russ.)
5. Ayrapetyan, M. S. (2012). Uchastie Germanii v mirotvorcheskikh missiyakh Organizatsii Ob"edinennykh Natsii = The Germany's participation in peacekeeping missions of the United Nations. Political expertise: POLITEX, 8(1), 121–130. (In Russ.)
6. Tishkov, S. A. (2016). Organizatsiya obucheniya politseiskogo personala v usloviyakh mirotvorcheskikh missii OON = Organization of the police personnel training in the UN missions. Nauka i praktika, 3(68), 170–172 (In Russ.)
7. Oгнева, V. V. (2016). «Myagkaya sila» – instrument vneshnei politiki sovremennoi Rossii = Soft power as an instrument of foreign policy of modern Russia. Obzrevatel' – Observer, 3(314), 19–29. (In Russ.)
8. Peshkova, G. Yu., Zimina, I. V. (2020). Institutsional'nye traektorii podgotovki kadrov dlya innovatsionnoi ekonomiki v razvitykh stranakh = Institutional training paths for an innovative economy in developed countries. Economic Development Research Journal, 2, 38–45. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тишков Сергей Александрович

кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова

Тишкова Ирина Леонидовна

преподаватель Орловского государственного аграрного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tishkov Sergej Aleksandrovich

PhD (Political Science), Associate Professor, Deputy Head of Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Departments of Internal Affairs, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Tishkova Irina Leonidovna

Lecturer, Orel State Agrarian University

Статья поступила в редакцию 20.09.2021
одобрена после рецензирования 11.12.2021
принята к публикации 11.01.2022

The article was submitted 20.09.2021
approved after reviewing 11.12.2021
accepted for publication 11.01.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_51

Трансформация миротворчества Германии: от принципов ООН к урегулированию НАТО

П. В. Шамаров

Военная академия Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

pvs291189@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется видоизменение сущностного содержания миротворческой практики объединенной Германии. Вычленено содержание современной миротворческой доктрины ФРГ; научно обоснована периодизация германской миротворческой практики и ее геополитическая готовность на консолидированную военную интервенцию во имя защиты общечеловеческих ценностей и реализации в ходе миротворчества национальных интересов. Аргументировано содержание новейшего германского миротворчества, направленного на выстраивание глобальной системы безопасности на подходах «евроатлантического международного порядка» и политического истеблишмента самой ФРГ в духе новейшей «Realpolitik».

Ключевые слова: Германия, международное миротворчество, кризисное урегулирование, Совет Безопасности, миротворческая операция, национальные интересы, ООН

Для цитирования: Шамаров П. В. Трансформация миротворчества Германии: от принципов ООН к урегулированию НАТО // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 51–59. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_51

Original article

Transformation of German Peacekeeping: from UN Principles to NATO Settlement

Pavel V. Shamarov

Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

pvs291189@gmail.com

Abstract. The article examines the modification of the essential content of the peacekeeping practice of the united Germany. The content of the modern peacekeeping doctrine of the FRG has been structured; scientifically substantiated the periodization of German peacekeeping activities and Berlin's geopolitical readiness for the consolidated military intervention in the name of protecting universal human values and realizing its national interests during peacekeeping. The main content of the newest German peacekeeping, aimed at building a global security system on the coalition approaches of the "Euro-Atlantic international order" and the political establishment of the FRG itself, in the spirit of the newest "Realpolitik" is argued.

Keywords: Germany, international peacekeeping, crisis management, Security Council, peacekeeping operation, national interests, UN

For citation: Shamarov, P. V. (2022). Transformation of German peacekeeping: from UN principles to NATO settlement. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 51–59. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_51

ВВЕДЕНИЕ

Совместное решение глобальных и региональных проблем при центральной координирующей роли ООН и ее Совета Безопасности¹ (далее СБ), «поддержание международного мира и безопасности»² считается главнейшей прерогативой этой всеобъемлющей международной организации современности³. Однако каждая из ее стран-участниц в эпоху «объективного, исторически присущего мировому развитию соперничества» (В. В. Путин. *75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета, 19.06.2020*) отличается своими официальными взглядами к ее обеспечению, действенным ресурсом которого вот уже более семидесяти лет остается международное миротворчество, объединяющее в своих рядах свыше 120 суверенных акторов (*Uniformed Personnel Contributing Countries by Rankinig, 31.03.2021*).

Отсутствие в Уставе и руководящих документах ООН, релевантных официальных источниках других наднациональных (международных и региональных) организаций такой общепринятой дефиниции как «миротворческая деятельность» привело к трактовке ее содержания под углом частных политико-правовых подходов различных акторов и в первую очередь субъектов так называемого коллективного Запада.

Это спровоцировало выстраивание практики миротворчества без императивной привязки к общепринятым международным принципам и нормам, руководствуясь как частной национально-блоковой политико-правовой и концептуально-доктринальной базой, так и накопленными прецедентами и ограничениями по применению силы в рамках Устава ООН при нарушении мира и актах агрессии.

Широкая интерпретация целей и задач миротворческих операций (далее МТО) объективировала искажение, диверсификацию и изменение классической сути миротворчества ООН (эффект политико-правовой аберрации миротворческой семантики). Его распространение в международном сообществе позволило трансатлантическим акторам подменить принципиальное содержание миротворчества на так называемые мироподобные новации, игнорирующие, а часто и противоречащие общепринятым принципам ООН [Шамаров, 2020].

¹Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 9 (*Российская газета, 03.07.2021*).

²URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/>

³URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65418>

Одновременно международный Секретариат с начала 2000-х годов начинает ориентироваться на кризисное урегулирование США и НАТО, силовые подходы которых «вдруг стали идейно близки» многим членам мирового сообщества, включая нейтральные страны и постсоветские республики. При этом численность задействованного на кризисных территориях миротворческого персонала; направленность, масштабы и результативность МТО приобрели, по нашему мнению, в начале третьего тысячелетия свойства критерия стратегического позиционирования и геополитического ранжирования в мировой иерархии любых суверенных акторов.

В этой связи в статье исследуется видоизменение принципиальной сути миротворческой практики современной Германии – ведущего европейского актора, стремящегося к поддержанию мироустройства с упором на принципы так называемого «трансатлантического единства», с объединением которой в 1990 году фактически и началось новое движение Запада на Восток [Путин, 2021].

НЕМЕЦКОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ ДВУХ ГЕРМАНИЙ

Безусловно, безоговорочная капитуляция Германии в 1945 году (инициатора двух мировых войн) сделала в глазах немецкого социума любые военные действия за рубежом не только чрезвычайно непопулярными [Белозёров и др., 2019], но и практически недопустимыми. Такая консолидированная точка зрения немецкой нации нашла свое законодательное закрепление в действующей и поныне Конституции ФРГ от 1949 года. В частности, под страхом уголовного наказания германским вооруженным силам (далее ВС) было запрещено участвовать в любой агрессивной (наступательной) войне, которая определена как «неконституционные действия»⁴. Другими словами, с политико-правового ракурса в стране до сих пор действует законодательный запрет на силовое задействование бундесвера за рубежом.

Указанная норма спровоцировала, по нашему мнению, ошибочно-альтруистскую уверенность отечественного научно-экспертного сообщества в отношении последующей перманентности миротворческой политики и практики объединенного в 1990 году единого немецкого государства в рамках тех политико-правовых ограничений и количественно-качественных параметров, которые были свойственны Бонну после его присоединения к ООН в 1973 году.

⁴URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1398678879.pdf>

Одновременно вынуждены констатировать дефицит предметного научного освещения непрерывного процесса смыслового «размывания» и системного нивелирования Берлином приведенных правовых рестрикций. Последнее было осуществлено при помощи ряда специальных решений Федерального конституционного суда ФРГ, принятых под предлогом выполнения ее союзнических обязательств перед НАТО и возросшего международного влияния страны, обусловленного статусом крупнейшей экономики, наиболее многочисленного и промышленно развитого члена ЕС.

Разделяем авторитетное научное мнение, что подобный просчет в оценке немецкой геополитической детерминанты не редкость для российского научно-экспертного сообщества, изучающего вопросы безопасности и обороны объединенной Германии [Белозёров, 2012]. При этом одновременно вычленим и очевидное игнорирование той геополитической аксиомы, что новейшее германское миротворчество – это структурный элемент системы обеспечения не только национальной безопасности ФРГ, но в первую очередь и коллективной безопасности НАТО.

Так, если ранее миротворческая служба отдельных германских военнослужащих обуславливалась исключительно мандатами ООН или ОБСЕ, то судебное определение федерального конституционного суда от 1994 года по поводу задействования бундесвера в МТО ООН, НАТО и Западноевропейского союза «как не противоречащее основному закону» легализовало боевое участие ФРГ в югославской агрессии НАТО в 1999 году. Мало кто знает, что за свои так называемые «балканские миротворительные подвиги» Берлин впервые получил от Вашингтона и Брюсселя национальную привилегию создать на территории Косово в составе миротворческой группировки НАТО КФОР ведомую бундесвером многонациональную бригаду «Юг» в целях оперативного контроля пограничного с Албанией краевого региона Призрен.

СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРМАНСКИЙ ПОДХОД К МИРОТВОРЧЕСТВУ

Приходится констатировать, что сегодня решение Берлина в отношении зарубежной миссии германских военнослужащих и сроке действия их миротворческого мандата уже санкционируется бундестагом без учета вышеуказанных конституционных ограничений 1949 года, что закреплено в федеральном законе «О парламентском участии» от 18 марта 2005 года.

Новые геополитические реалии были отражены в действующей (от 13 июля 2016 года) версии «Белой книге Германии»¹, подчеркнувшей возросший политический и экономический вес страны, необходимость ее международного позиционирования в сотрудничестве с европейскими и трансатлантическими партнерами как ответственного актора в системе общеевропейской безопасности. При этом в перечень важнейших стратегических приоритетов вошли: а) обеспечение международной безопасности; б) предупреждение конфликтных и кризисных ситуаций; в) защита общечеловеческих базовых ценностей.

Решение указанных задач увязывается с наращиванием влияния ФРГ в МТО ООН и коалиционных операциях ad hoc на региональном и международном уровнях [Хабаров, Громов, 2017]. При этом выступая за мир, безопасность, демократию и права человека, германское руководство придерживается собственного, или расширенного, понятия международной безопасности, среди прочего включающего: а) поддержку процесса глобализации; б) предупреждение «злонамеренных киберопераций» и пропагандистских попыток негативного влияния на общественное мнение ФРГ в ходе реализации мероприятий цифровой дипломатии (*англ.* digital diplomacy).

Считаем, что политико-правая парадигма такого «расширенного понятия» и объективирует геополитическую специфику новейшего германского миротворчества. Анализ его практики после взятия ФРГ «на себя возросшей ответственности, выпавшей на ее долю после воссоединения в 1990 году (*За мир и безопасность*, 25.09.2020), последующего законодательного закрепления в 2017 году в концептуальном документе «Предотвращение кризисов, управление конфликтами, содействие миру» своих национальных подходов к их разрешению.

ИНТЕГРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ НОВЕЙШЕЙ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ФРГ

Во-первых, Берлин активно наращивает свой позитивный международный рейтинг, политическое и административное влияние в ООН, добивается высоких назначений в международных МТО, включая должности спецпредставителей Генерального секретаря ООН, медиаторов высокого уровня, руководителей военных, полицейских

¹ Полное наименование – «Белая книга о политике безопасности Германии и будущего бундесвера» – один из основополагающих военно-политических концептуальных документов ФРГ, который принято соотносить с военной доктриной государства.

и гражданских компонентов¹. При этом наличествует практика назначения (ставшая, по нашей оценке, уже негласной «международной традицией») граждан Германии на номенклатурные посты в ООН, чего не скажешь, к сожалению, о России.

К примеру, в полевой миротворческой миссии ООН в Западной Сахаре работает ряд немецких высокопоставленных сотрудников, один из которых – бывший президент Германии Хорст Келер в 2017–2019 годах был личным посланником Генсека ООН в Западной Сахаре. В миссии ООН в Сомали представители МВД ФРГ заняты в сфере стратегического консалтинга и профессиональной подготовки местных полицейских кадров. Руководителем миссии ООН в Косово в прошлом был германский карьерный дипломат Иохим Рюккер, который и организовал в 2008 году процесс «государственного» отделения этой краевой автономии от Сербии, активно содействовал «албанизации и суверенизации Приштины», необоснованному сокращению международного персонала миссии ООН, форсированной передаче ее полномочий миссии ЕС и албанским сепаратистам.

Значительные расходы на миротворческую и гуманитарную деятельность, существенное национальное представительство в Объединенных Нациях, высокий внешнеполитический рейтинг, грамотное и проактивное использование руководством Германии технологий международного лоббизма [Любимов, 2014] способствовали образованию в 1996 году на территории бывшего правительственного квартала в Бонне третьей по величине (после Вены и Женевы) европейской штаб-квартиры ООН. Она объединила 19 вспомогательных организаций Объединенных Наций, вблизи которых разместились около 150 международных неправительственных организаций.

Германская «прописка» новой штаб-квартиры позволяет Берлину, по нашей оценке, не только лоббировать трудоустройство своих граждан в штат сотрудников учреждений ООН, но и системно влиять на модальности рабочего функционала последних с учетом реализации национальных интересов ФРГ.

Упрочению международных позиций Германии активно способствует также размещение Секретариатом ООН официальных представительств Объединенных Наций в других немецких городах: Берлине, Дрездене, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Мюнхене и Нюрнберге. В частности, в Берлине действует офис Международной

организации труда; в Гамбурге – Международный морской трибунал; во Франкфурте – представительство Международной финансовой корпорации Всемирного банка.

Всего на территории ФРГ «получили прописку» 30 учреждений ООН, в которых на должностях международного персонала работают (в интересах своего государства) свыше 1,2 тыс. германских граждан.

Можно резюмировать, что активному расширению международного влияния Германии способствует целый ряд объективных факторов:

- многие ответственные посты в Секретариате ООН занимают представители Германии;

- результативное лоббирование последними (процесс лоббирования фактически приобретает на Западе черты государственного механизма целеуказания) используется в интересах обеспечения работой СБ ООН немецких посредников, медиаторов и экспертов, например, в составе Комиссии по международному праву и Комитета по правам человека;

- энергичная и системная донорская, гуманитарная и правовая помощь постконфликтному государству в сферах юстиции, исполнения наказаний и разработки национального законодательства;

- грамотное международное обоснование политико-правовой необходимости в снятии конституционных ограничений от 1949 года по боевому задействованию за рубежом бундесвера, что позволило трансформировать гуманитарную практику ФРГ в рамках ООН в силовые операции кризисного урегулирования США и НАТО в условиях безмолвия мирового сообщества.

Во-вторых, в стране создана мощная национальная интегрированная учебная платформа, позволяющая профессионально готовить немецких и иностранных специалистов различного миротворческого профиля.

Так, планируемые к задействованию в МТО военнослужащие ФРГ проходят подготовку в учебном центре бундесвера в Хаммельбурге. Интегративным критерием их подготовки считается умение германского миротворца «сочетать в себе качества бойца, дипломата, полицейского и социального работника» [Белозёров, 2006, с. 136].

В свою очередь, гражданский и полицейский персонал обучается в Берлинском центре международных миротворческих миссий ZIF, который выпускает специалистов для нужд полевых операций ООН, ОБСЕ, ЕС, Совета Европы и Организации американских государств (*Международные миротворческие миссии Германии, 30.08.2007*).

В интересах миссии ООН в Ливане на базе учебных центров военно-морских сил ФРГ

¹White Paper 2016 on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr, Berlin: the Government, 2016. P. 63.

развернут полный цикл подготовки ливийских военнослужащих. Важно отметить, что в ходе учебного процесса активно внедряются передовые миротворческие технологии и наработки, в том числе управленческий подход, интегрирующий на комплексной и системной основе миротворческие и гуманитарные возможности ООН и Евросоюза.

В-третьих, Германия инициативно предоставляет в распоряжение Объединенных Наций высокопрофессиональный военно-полицейский персонал (ежегодно порядка 600 чел.), который сосредоточен в семи миссиях ООН¹ в Западной Сахаре, Мали (411 чел.), Дарфуре (совместная операция с ЕС), Ливане (99 чел.), Йемене, Южном Судане (10 чел.) и Ливии (*Uniformed Personnel Contributing Countries by Rankinig*, 31.03.2021). В частности, в Мали бундесвер задействован в технической поддержке разведывательных беспилотных летательных аппаратов и бронированной техники, телекоммуникационной системы связи, медицинском обеспечении и материально-техническом снабжении [Ивкина, 2020].

Всего, по нашей оценке, в различных МТО за рубежом под тем или иным мандатом ежегодно участвуют до 3 тыс. германских военнослужащих.

В-четвертых, ФРГ – активнейшая участница международной гуманитарной практики в рамках специализированных структур ООН, Движения Красного Креста и Красного Полумесяца, национальных и международных гуманитарных неправительственных организаций, на нужды которых Берлин ежегодно выделяет около 1,3 млрд долл. США. При этом донорская и гуманитарная деятельность увязывается немцами с защитой норм международного права, гуманитарных принципов и гуманитарного пространства. Последнее актуализирует задачу обеспечения физической безопасности гражданского населения и задействованного по гуманитарной линии на кризисной территории международного персонала, объективируя таким образом по мнению Берлина, необходимость привлечения германских миротворцев к ее решению.

Одновременно серьезное внимание уделяется продвижению в развивающихся странах под патронажем ФРГ образовательных проектов, в интересах которых федеральный бюджет ежегодно выделяет до 1,5 млрд долл. США. При этом если в 2017 году Берлин направил 2,6 млрд долл. на программы гуманитарной помощи сирийским беженцам на Ближнем Востоке, то только в 2020 году на нужды международной Организации экономического сотрудничества и развития было перечислено уже более 23,8 млрд долл. США, уступив по объему только помощи Вашингтона.

¹URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/germany>

Всё это позволяет оценивать германскую гуманитарную и донорскую помощь в рамках ООН в качестве эффективной национальной геополитической инвестиции, масштабы которой в обозримой перспективе будут только расти.

В-пятых, Берлин – четвертый по объемам финансирования плательщик взносов в бюджет международных МТО (свыше 6 %) и один из четырех крупнейших добровольных доноров в рамках программы ООН по предотвращению конфликтов и кризисов, что способствует повышению германского (в том числе административного) влияния в ООН (*United Nations Plaza*, 2017. 01.07.19). При этом ФРГ является одним из основных спонсоров таких важнейших мировых структур как ЮНЕСКО, Международный суд и Международная организация здравоохранения.

Мало кто знает, что вопросы защиты и сохранения историко-культурного наследия на кризисных (постконфликтных) территориях находятся под контролем штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке и руководства ЮНЕСКО, а также связаны непосредственно с функциональными задачами миротворческих миссий и МТО ООН, организационно-штатная структура которых включает специализированный международный персонал, имеющий в ООН серьезное влияние.

В-шестых, на современном этапе применение бундесвера в МТО рассматривается, по нашему мнению, в двуединой ипостаси как: а) эффективный способ обеспечения национальной безопасности, позволяющий дистанционно нейтрализовать негативное воздействие актуальных вызовов и угроз; б) действенный инструмент повышения международного статуса, значения и влияния объединенной Германии.

Полагаем, что концептуализации такой германской позиции способствовало принятие 23 сентября 2015 года Федеральным конституционным судом ФРГ политико-правового определения, гласящего, что полномочия парламента не ограничиваются применением бундесвера в целях коллективной безопасности НАТО, а должны распространяться на любое другое его использование вне рамок МТО ООН, ОБСЕ, НАТО и ЕС. Последнее позволило, по нашей оценке, выделить в отдельную категорию операции по спасению и эвакуации немецких граждан, проведение которых теперь считается целесообразным силами военного ведомства.

В-седьмых, с 1999 года Германия – важная участница практически всех операций кризисного урегулирования Североатлантического альянса.

Сложившаяся военно-политическая конфигурация такого задействования была апробирована на практике в ходе развала бывшей Югославии, на

территории которой бундесвер участвовал в «умиротворительном присутствии НАТО» в Боснии и Герцеговине, Македонии и Косово. В частности, в составе миротворческой группировки альянса КФОР до сих пор находится германский компонент ее штаба в Приштине и многонациональная бригадная тактическая группа «Юг» под национальным командованием ВС ФРГ в Призренском регионе. Всего в Косово на постоянной основе дислоцируется около 500 немецких военнослужащих.

Одновременно Берлин участвует и во второй (после Косово) европейской миссии в рамках военного контингента НАТО передового базирования (*англ.* Enhanced Forward Presence), дислоцированного на ротационной основе в Польше, Латвии, Литве и Эстонии после так называемой «аннексии» Крыма – добровольного и легитимного вхождения полуострова в состав Российской Федерации. При этом на литовской территории бундесвер возглавляет многонациональный батальон из состава объединенных ВС НАТО численностью до 1 тыс. человек, среди которых около половины – германские военнослужащие.

С начала 2015 года ФРГ участвовала в операции НАТО в Афганистане «Resolute Support», которая сменила тринадцатилетнюю миссию Международных сил содействия безопасности (*англ.* International Security Assistance Force, *сокр.* ISAF). При этом с 2013 года германский контингент численностью до 1,3 тыс. человек непосредственного участия в боевых действиях не принимал, но активно задействовался в ходе решения ряда вспомогательных задач: консалтинг, материально-техническая поддержка, подготовка афганских военнослужащих в тренировочных центрах в Кабуле, Баграме, Мазари-Шарифе и Кундузе. До своего вывода из Афганистана в июне 2021 года бундесвер привлекался также в чрезвычайных ситуациях к обеспечению безопасности и защите официальных германских представительств. Хотя афганская военная миссия обошлась Берлину в 18 млрд евро и стоила жизни 59 немецким военнослужащим, достигнутые результаты оцениваются в бундестаге с достаточно противоречивых позиций (*Бундесвер ушел из Афганистана. Как оценивают итоги миссии в ФРГ, 30.06.2021*).

Участие Берлина в борьбе с «Исламским государством»¹ (операция международной коалиции «Counter Daesh» в Ираке и Сирии) ограничивается отрядом военно-воздушных сил ФРГ – боевыми самолетами-разведчиками, самолетами дальней авиаразведки и самолетом-заправщиком. При

этом на иракской территории постоянно находится до 150 немецких инструкторов, занятых в подготовке личного состава ВС Ирака и бойцов курдского ополчения. Считаем, что практика взаимодействия бундесвера в Ираке и Сирии может быть использована руководством ФРГ в качестве прецедента, а ее легитимность и внешнеполитическая целесообразность обоснована впоследствии – после обобщения на федеральном уровне приобретенного национального опыта в рамках классического англосаксонского подхода *Lessons Learned*.

В свою очередь, военно-морские силы ФРГ принимают активное участие в борьбе с пиратами и контрабандистами в рамках трех международных морских миссий. Первая – операция ЕС «Atalanta» – развернута в 2008 году для защиты гражданских торговых судов от пиратских нападений у Африканского рога и побережья Сомали. Вторая – совместная миссия военно-морских сил стран ЕС «EUNAVFOR MED» в Средиземном море («София») в интересах борьбы с контрабандистами, нелегально переправляющих беженцев из стран Африки. Третья – операция НАТО «Sea Guardian» с целью обеспечения безопасности в акватории Средиземного моря, в которой участвуют 650 германских военнослужащих (*Что делает бундесвер за пределами Германии, 08.03.2018*).

Всего, по нашей оценке, с момента первого развертывания в Камбодже в 1992 году нескольких представителей бундесвера до настоящего времени в ходе международных МТО было задействовано не менее 300 тыс. германских военнослужащих. При этом налицо тенденция использования Берлином в операциях НАТО большей (по сравнению с МТО ООН и ЕС) номенклатуры сил и средств из арсенала военно-воздушных и военно-морских сил в целях расширения перечня задач, включающих досмотр судов, контроль воздушного и морского пространства.

Одновременно полагаем, что содержание германских геополитических запросов не исключает возможного участия Берлина в так называемом «многонациональном институциональном формате» в разрешении вооруженного конфликта на территории Донбасса. Об этом, по нашему мнению, свидетельствует достаточно представительное национальное участие ФРГ порядка 40 наблюдателей (*Германия увеличит свое присутствие в составе мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине, 21.06.2017*) в Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине.

¹Запрещенная в России террористическая организация.

АВТОРСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОГО МИРОТВОРЧЕСТВА

В целом германское миротворчество (на основании такого критерия классификации как немецкий национальный менталитет в отношении миротворческой практики ФРГ) условно можно подразделить на ряд последовательных этапов, свидетельствующих о глубоком видоизменении его принципиального содержания:

– *первый этап* (1973–1991) – осторожно-лимитированное участие отдельных германских граждан в гуманитарных операциях ООН;

– *второй этап* (1992–1998) – постепенно-осторожное приобщение к международным МТО объединенной Германии в ходе ограниченного использования материально-технических возможностей ее национальных ВС в интересах решения небоевых задач в рамках миротворчества ООН;

– *третий этап* (1999–2016) – геополитическое ориентирование на агрессивное миротворчество НАТО (югославский сценарий) и силовые операции многонациональных антитеррористических коалиций под патронажем США (афганский и иракский варианты) при одновременном наращивании германского влияния в МТО ООН, ОБСЕ и ЕС;

– *четвертый этап* (2017 год – наши дни) – концептуальное оформление и законодательное закрепление перспективных технологий по повышению результативности бундесвера в ходе решения миротворческих, гуманитарных, эвакуационных, антитеррористических и других задач пока еще в рамках таких институтов системы всеобщей безопасности, как ООН и ОБСЕ, но уже со стратегической ориентацией на возможности НАТО и ЕС.

Таким образом, миротворческая практика – ключевой элемент внешнеполитической деятельности ФРГ и системы обеспечения ее национальной безопасности, допускающий выстраивание перспективной глобальной системы безопасности на основе коалиционных подходов «евроатлантического международного порядка» и немецкого политического истеблишмента в духе новейшей *Realpolitik*. Указанные подходы не исключают (в соответствии с реализацией «принципа превентивности»¹ так называемого внешнего легитимного интернационального или коалиционного вмешательства во внутренние дела других стран, неидентичных политико-правовой формации Запада. Такая германская позиция отвечает, по нашему мнению, перспективным планам Берлина по построению «бундесвера будущего» на основе форсайт-технологий [Белозёров, 2012], предполагающих достоверный прогноз развития на среднесрочную

перспективу международной обстановки и внутренней ситуации в области национальной обороны и безопасности с учетом интенсификации фактора миротворчества Германии.

Берлин завуалированно признает в рамках модели кризисного урегулирования НАТО (по аналогии с Балканами, Афганистаном, Ираком и Сирией) возможность достижения посредством миротворчества собственных национальных интересов. Упрочению указанных взглядов способствует тенденция перераспределения глобальной миротворческой нагрузки с полевых и политических миссий ООН и ОБСЕ на силовые операции кризисного урегулирования США и НАТО.

Приобщение военных контингентов ФРГ к ведению боевых действий в ходе «умиротворительной практики» Запада; лидирующие позиции Берлина в коалиционном антикризисном представительстве; возросшие национальные амбиции в МТО ООН, ОБСЕ, ЕС и НАТО, существенный финансовый, гуманитарный² и другой германский вклад в деятельность Объединенных Наций способствуют, по нашей оценке, геополитическому позиционированию Германии в качестве общеевропейского лидера, стремящегося сформировать новый миропорядок на западных политико-правовых принципах под общим контролем США. Однако историческая память о катастрофических для немецкой нации итогах двух мировых войн продолжает диверсифицировать практику миротворчества ФРГ по четырем внешнеполитическим направлениям: операциям ООН, ОБСЕ, ЕС и НАТО.

Обретенный миротворческий рейтинг позволяет германскому руководству интенсифицировать в последние годы критику по поводу легитимности, дееспособности и якобы устаревшей структуры СБ ООН, количественный состав и сложившиеся методы работы которого, по взглядам Берлина, не отражают современного состояния международных отношений. В рамках такой критики настойчиво звучат предложения по реформированию Совбеза ООН³ в интересах его большей репрезентативности и эффективности, обосновывая это присоединением к ООН после ее образования в 1945 году 142 государств (*Известия*, 12.07.2021).

Подчеркнем, что указанные геополитические устремления ФРГ официально закреплены

²Почти половина бюджета ООН на 2019–2021 года – взносы четырех государств: США (22 %), КНР (12,005 %), Японии (8,564 %) и ФРГ (6,090 %). Для сравнения соответствующий взнос России составляет 2,405 %.

³Реформирование системы ООН было анонсировано в 1997 году, когда Генеральный секретарь Кофи Аннан помимо изменения самой структуры Совбеза предложил также модернизацию других международных органов и учреждений ООН, порядка финансирования, гуманитарной и миротворческой деятельности.

¹URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/globalnye-voprosy-i-prava/germaniya-v-organizacii-obedennyh-naciy>

в последней совместной Декларации глав внешнеполитических ведомств Великобритании и Германии от 30 июня 2021 года, которая закрепила более тесное межгосударственное сотрудничество в ходе разрешения кризисных ситуаций и определила внешнеполитическую линию России в качестве «дестабилизирующей и злобной»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеперечисленное идентифицирует, по нашей оценке, наличие серьезных геополитических притязаний ФРГ, которые направлены на:

– обретение статуса постоянного члена СБ ООН (Германия уже шесть раз избиралась Генеральной Ассамблеей непостоянным членом Совета, последний – в 2019 / 2020 году);

– закрепление в мировой иерархии особой германской роли в международных МТО и миссиях;

– повышение внешнеполитического статуса и расширение национального влияния страны в международном миротворчестве до лидирующих, но пока еще не доминирующих позиций.

Таким образом, геополитические амбиции Германии во многом обусловлены ее активной миротворческой практикой, в первую очередь в ходе кризисного урегулирования США и НАТО. При этом германские внешнеполитические претензии правомочно оценить как один из признаков «возврата к традиционному поведению великой державы» [Белозёров, 2006, с. 128] вследствие преодоления в ФРГ: синдрома побежденной страны; комплекса разобщенного народа; национальной вины за развязывание Второй мировой войны и международную уголовную ответственность, возложенную на фашистскую Германию Нюрнбергским военным трибуналом [Шамаров, 2017].

¹URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-germany-joint-declaration-june-2021/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шамаров П. В. Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение // Представительная власть – XXI век. 2020. № 4(179). С. 38–43.
2. Путин В. В. Быть открытыми, несмотря на прошлое. 22 июня 2021 года // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65899>
3. Белозёров В. К. [и др]. Социум. Государственная стратегия. Война: политико-стратегические уроки Первой мировой войны / В. К. Белозёров, И. С. Даниленко, А. И. Емельянов, А. Я. Касюк, А. В. Соловьев. М.: НЕОЛИТ : ИПБ СНГ. 2019.
4. Белозёров В. К. Примат политики в действии. Об изменениях в системе руководства и управления вооруженными силами ФРГ // Вестник Академии военных наук. 2012. № 4(41). С. 25–29.
5. Хабаров С., Громов А. Применение бундесвера в операциях за рубежом // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 5. С. 18–25.
6. Любимов А. П. Законодательное обеспечение лоббистской деятельности в США, Канаде и Германии // Современное право. 2014. № 3. С. 125–130.
7. Белозёров В. К. Военная сила в системе политики безопасности и обороны Германии // Вестник аналитики. 2006. № 3. С. 128–138.
8. Ивкина Н. В. Особенности участия ФРГ в миротворческих операциях в Африке на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 4. С. 687–697.
9. Шамаров П. В. Нюрнбергский процесс: политико-правовые итоги и современность // Право в Вооруженных силах. Военно-правовое обозрение, 2017. № 5. С. 91–95.

REFERENCES

1. Shamarov, P.V. (2020). Effekt politiko-pravovoy aberratsii mezhdunarodnogo mirotvorchestva: prichiny, sushchnost' i znacheniyе = The effect of political and legal aberration of international peacekeeping: causes, essence and significance. Representative power – XXI century, 4(179), 38–43. (In Russ.)
2. Putin, V.V. (2021). Byt' otkrytymi, nesmotrya na proshloye = Be open despite the past. June 22, 2021. Official website of the President of Russia. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65899>. (In Russ.)
3. Belozero, V. K. et al. (2019). Sotsium. Gosudarstvennaya strategiya. Voyna: Politiko-strategicheskiye uroki Pervoy mirovoy voyny = Society. State strategy. War: Political and Strategic Lessons of the First World War / Belozero, V. K., Danilenko, I. S., Emelianov, A. I., Kasiuk, A. Ya., Soloviev, A. V. Moscow: NEOLIT : IPB CIS. (In Russ.)
4. Belozero, V.K. (2012). Primat politiki v deystvii. Ob izmeneniyakh v sisteme rukovodstva i upravleniya vooruzhennymi silami FRG = The primacy of politics in action. On changes in the system of leadership and control of the armed forces of the Federal Republic of Germany. Bulletin of the Academy of Military Sciences, 4(4), 25–29. (In Russ.)

5. Khabarov, S., Gromov, A. (2017). Primeneniye bundesvera v operatsiyakh za rubezhom = The use of the Bundeswehr in operations abroad. *Foreign military review*, 5, 18–25. (In Russ.)
6. Lyubimov, A. P. (2014). Zakonodatel'noye obespecheniye lobbistskoy deyatel'nosti v SSHA, Kanade i Germanii = Legislative support of lobbying in the USA, Canada and Germany. *Modern Law*, 3, 125–130. (In Russ.)
7. Belozеров, V. K. (2006). Voyennaya sila v sisteme politiki bezopasnosti i oborony Germanii = Military force in the system of security and defense policy in Germany. *Bulletin of analytics*, 3, 128–138. (In Russ.)
8. Ivkina, N. V. (2020). Osobennosti uchastiya FRG v mirotvorcheskikh operatsiyakh v Afrike a sovremennom etape = Features of Germany's participation in peacekeeping operations in Africa at the present stage. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*, 4(20), 687–697 (In Russ.)
9. Shamarov, P. V. (2017). Nyurnbergskiy protsess: politiko-pravovyye itogi i sovremennost' = The Nuremberg trial: political and legal results and modernity. *Law in the Armed Forces – Military-Legal Review*, 5, 91–95. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шамаров Павел Вячеславович

кандидат военных наук, доцент, доцент кафедры Военной академии Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shamarov Pavel Vjacheslavovich

PhD (Military Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Military Academy of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor at the Academy of Military Sciences

Статья поступила в редакцию 13.12.2021
одобрена после рецензирования 17.01.2022
принята к публикации 20.01.2022

The article was submitted 13.12.2021
approved after reviewing 17.01.2022
accepted for publication 20.01.2022

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_60

Военно-техническое сотрудничество России и Турции в контексте американо-турецких отношений

Р. Н. Шангараев

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

ruslan.shanagaraev@dipacademy.ru

Аннотация. Военно-техническое сотрудничество является частью внешней политики государства. Отличительной особенностью Турции является то, что она довольно часто принимает на региональном уровне относительно независимые от Североатлантического альянса решения. Часто попытки Анкары ставить национальные интересы выше блоковой солидарности приводят к политическим разногласиям с ее традиционными союзниками, прежде всего США.

Ключевые слова: Россия, Турция, США, НАТО, военно-техническое сотрудничество, стратегические интересы

Для цитирования: Шангараев Р. Н. Военно-техническое сотрудничество России и Турции в контексте американо-турецких отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 60–66. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_60

Original article

Military-Technical Cooperation Between Russia and Turkey in the Context of US-Turkish Relations

R. N. Shangaraev

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ruslan.shanagaraev@dipacademy.ru

Abstract. Military-technical cooperation is part of the state's foreign policy. A distinctive feature is that quite often deals are made on a decision independent of the alliance at a high level. Often there is Ankara that put higher the interests of bloc solidarity, leading to massive disagreement with the association and allies, primarily with the United States.

Keywords: Russia, Turkey, USA, NATO, military-technical cooperation, strategic interests

For citation: Shangaraev, R. N. (2022). Military-technical cooperation between Russia and Turkey in the context of US-Turkish relations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 60–66. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_60

ВВЕДЕНИЕ

В ходе данного исследования было исследовано военно-техническое взаимодействие России и Турции в контексте проводимой геополитической линии США в отношении своих союзников. Поставленная цель была достигнута путем рассмотрения двусторонних отношений и концептуальных подходов США к вопросам геополитики и международной безопасности.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ США К ВОПРОСАМ ГЕОПОЛИТИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время в сфере геополитики главная задача США сводится к тому, чтобы стать лидером в новом миропорядке XXI века и не допустить усиления и развития новых центров силы, способных составить эффективную конкуренцию американскому влиянию на мировой арене. В сфере экономики – гарантировать для себя наиболее благоприятные конкурентные позиции, поддержанные беспрепятственным доступом к рынкам сбыта и источникам сырья. В сфере военной безопасности – обеспечить гарантированный уровень национальной безопасности. Долгосрочная цель американской стратегии в XXI веке – закрепить свое лидерство в многополярном мире в условиях военного, технологического, информационного и ресурсного превосходства над остальными участниками международных отношений.

В новой геополитической обстановке военно-политическая элита США произвела глубокую переоценку концептуальных оснований традиционного подхода к безопасности и перешла к последовательной реализации стратегии превентивной обороны. Сегодня превентивная оборона проявляется в подготовке и ведении гибридных войн, которые позволяют снизить не только уровень настоящих (актуальных) угроз, но и уровень потенциальных угроз и опасностей. Превентивная оборона направлена на профилактическое блокирование потенциальных угроз до того, как они смогут превратиться в настоящие угрозы национальным интересам США. В этом заключается существенное отличие превентивной обороны от сдерживания, которое предполагает силовое равновесие – традиционный принцип обеспечения безопасности в многополярной системе.

Стремление к абсолютной безопасности является главным фактором, приводящим в движение американскую философию безопасности. Отметим, что США располагают государственной мощью

для устранения настоящих угроз (представленных, например, терроризмом и странами «оси зла») и профилактического нивелирования угроз потенциальных, прежде всего стратегических.

США двигаются к своей цели по двум направлениям:

1) применяют стратегию «мягкой силы», которая ярко фокусируется в подготовке и проведении цветных революций. Цель-минимум – удержание России в рамках контролируемого стратегического партнерства, максимум – распад России на десяток мелких государств;

2) постоянно ведут работы, направленные на изменение военно-стратегического баланса в свою пользу за счет наращивания контрсилового потенциала и обретения возможности нанести по России превентивный обезоруживающий удар (оперативного глобального удара).

Проведенные исследования показали следующее:

1) США последовательно осуществляют демонтаж существующих моделей сдерживания и стратегической стабильности, построенных на принципе взаимно гарантированного уничтожения и лишаящего каждую из сторон мотивации к нанесению первого удара. Это привело к дестабилизации международных отношений, подрыву стратегической стабильности и разрушению партнерских российско-американских отношений;

2) США не устраивает настоящая система международной безопасности, в которой работает принцип сдерживания через возмездие (deterrence by punishment). Новая система должна обеспечить США монополию на применение силы. Другими словами, США стремятся сформировать такую систему международной безопасности, в которой они смогут практиковать принцип сдерживания через отрицание (deterrence by denial) угроз своим интересам;

3) сдерживание через отрицание обеспечивает наличие у США мощного контрсилового потенциала, а также сил и средств для нанесения оперативного глобального удара. Комбинации оборонительных и наступательных вооружений должны обеспечить уничтожение военного потенциала любого противника через нанесение безнаказанного превентивного обезоруживающего удара. Посредством высокоточного оружия (ВТО) США создали мощный контрсиловой потенциал, чем обеспечивают себе возможность первыми подавлять ядерные силы всех государств высокоточными ударными средствами, а с помощью системы ПРО поставить заслон значительно ослабленному (из-за воздействия ВТО) ответному ядерному удару со стороны любого противника [Анненков, Кононов, 2004];

4) поставленным целям отвечает стратегия национальной безопасности США, которая обеспечивает концептуальную легитимацию расширенного толкования безопасности и средств ее обеспечения через превентивные действия, подготовку и ведение гибридных войн, превращение космоса в новый театр военных действий, модернизацию СНС;

5) контроль над вооружениями в современных условиях США рассматривают не как инструмент обеспечения международной безопасности (т. е. эффективного исключения возможности войны между крупными государствами), а как средство удержания и наращивания американского военного доминирования в глобальном масштабе. Через контроль над вооружениями США решают две взаимосвязанные задачи: во-первых, устранение помех реформе стратегических сил США; во-вторых, ослабление – в той степени, в какой это возможно – военного потенциала вероятных противников (прежде всего России).

Многополярный мир, развитие науки и современные технологии указывают на то, что понятие абсолютной национальной безопасности сегодня не более чем миф, сегодня полная безопасность и тотальная оборона недостижимы.

Выстраивая свою международную политику в XXI веке, Россия должна опираться на четкое понимание, что ее статус крупной ядерной державы с потенциалом нанесения неприемлемого ущерба США несовместим с американскими представлениями о собственной безопасности. В обозримой перспективе от США будет исходить системная угроза нивелирования российского ядерного потенциала и окончательного слома стратегической стабильности, основанной на паритете уязвимости. Это определяет основания и мотивы американской политики: Карфаген (Россия и ее ядерный потенциал) должен быть разрушен.

Российское военно-политическое руководство демонстрирует высокую степень внимания к проблеме сохранения стратегической стабильности на высоком уровне – одной из самых существенных гарантий прочного мира и независимости России в проведении внутренней и внешней политики. Происходит отказ от паллиативного языка «стратегического партнерства» в вопросах международной безопасности и переход к открытому признанию дестабилизирующей роли США в международных отношениях.

Отметим, что понятие абсолютной национальной безопасности сегодня не более чем миф. В XXI веке полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Однако американцы считают, что США – единственная сверхдержава, которая будет последовательно двигаться от устранения

стратегических угроз за счет формирования такого мира, в котором безопасность означает не совокупность мер для ее обеспечения, а не угрожаемое состояние. Здесь взаимодействие с Анкарой, в частности и в военно-технической сфере, является для российской стороны весьма прагматичным.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

К началу 2000-х годов российско-турецкие отношения в области экономики достигли нового уровня в своем развитии. Причиной такой трансформации послужил финансовый кризис в Турции. Девальвация турецкой лиры способствовала созданию конкурентной среды для компаний-экспортеров данной страны. Поэтому, несмотря на сложившуюся тогда обстановку, турецкий экспорт в Россию продолжал расти. Если в 2000 году его показатель увеличился более чем на 9,3 %, то в 2001 году он составил 43,3 % [Arafat, Alnuaimy, 2011]. По другим данным, российско-турецкий товарооборот в том же году составил около 3,8 млрд долл. США, а в 2005 году он вырос до 15,2 млрд долл. США [Бдоян, 2017].

Переход России и Турции к многоплановому партнерству позволил им активно развивать сотрудничество в экономической сфере на протяжении первого десятилетия XXI века. В этот период Турция находилась на третьем месте по поставкам российских энергоресурсов, уступая Германии и Италии. Потребность Турции в природном российском газе составила 68 %, в нефти – 20 %. Кроме того, в 2011 году между двумя странами был заключен ряд соглашений о поставках газа в объеме 30 млрд м³ в год [Кудряшова, 2012].

Активному российско-турецкому дипломатическому содействию в развитии экономики также способствовали визиты представителей двух стран на высоком и высшем уровне, которые носили экономическую направленность.

В целом в современной науке проблеме дипломатического содействия России и Турции развитию экономического сотрудничества в первом десятилетии XXI века уделяется большое внимание. Доказательством является статья В. Оздемира, в которой основной акцент делается на том, что рост и последующий спад российско-турецкого товарооборота в связи с мировым финансовым кризисом 2008 года не просто оказывают существенное влияние на развитие двусторонних экономических отношений, а требуют пристального внимания. Анализируя экономическое состояние России и Турции

на основе меняющихся показателей до 2016 года, В. Оздемир приходит к выводу о том, что данным странам для устойчивого повышения товарооборота необходимо создать особую зону свободной торговли с целью удовлетворения основных потребностей друг друга [Оздемир, 2018].

Используя данный подход к рассмотрению российско-турецких отношений в области экономики, можно провести анализ развития торговых связей двух стран. Как можно заметить из содержания рассмотренных встреч, как на высоком, так и на высшем уровне, динамика экономического сотрудничества России и Турции начиная с визита премьер-министра М. М. Касьянова в 2000 году постепенно растет. Проведение встречи главы российского внешнеполитического ведомства (МИД России) И. С. Иванова и премьер-министра Турции Б. Эджевита в июне 2001 года послужило основой не только в развитии российско-турецких контактов в сфере торговли, но и в реализации крупнейших энергетических проектов на современном этапе. Последующие визиты лидеров двух стран, апогеем которых стали официальные встречи В. В. Путина с А. Н. Сезером в 2004 году и Р. Т. Эрдогана с Д. А. Медведевым в Анкаре в 2010 году, наглядно продемонстрировали нарастающую динамику их взаимодействия и определили новые подходы по решению возникающих проблем.

В то же время можно отметить, что достигнутый на современном этапе прогресс между Россией и Турцией в экономическом сотрудничестве не означает полного отсутствия проблем и противоречий. Основная причина заключается в том, что начиная примерно с 2018 года наметилась неблагоприятная тенденция по поставкам российского газа в Турцию в связи с наличием на рынке больших партий дешевого сжиженного природного газа (СПГ) из США, Катар и других стран. Если в начале XXI века Турция занимала второе–третье место среди крупнейших потребителей «Газпрома», то в середине 2020 года она заняла 20 место и приобрела около 193 млн кубометров газа (*Finanz.ru, 19.05.2020*). Однако страны, как представляется, смогут найти компромисс по разрешению проблем в сфере экономики и предложить альтернативные варианты, отвечающие интересам России и Турции. Поэтому, используя метод синтеза, можно определить, что если Россия и Турция будут придерживаться общих подходов к поставкам природного газа, то у них в связи с началом эксплуатации в 2020 году газопровода «Турецкий поток» есть отличная возможность стать крупнейшими игроками, имеющими значительное влияние на мировую экономику.

Таким образом, можно сделать вывод, что дипломатические отношения между Россией и Турцией в политической сфере в начале XXI века получили заметное развитие, о чем свидетельствовали многочисленные визиты лидеров и глав внешнеполитических ведомств двух стран и что способствовало расширению конструктивного и взаимовыгодного диалога с целью решения возникших проблем как в Евразии, так и на Ближнем Востоке. Это демонстрирует тот факт, что дружба и добрососедство не только способны активизировать двустороннее сотрудничество на ближайшую перспективу, но и укрепить позиции на международной арене посредством проведения регулярных встреч официальных представителей России и Турции. Также необходимо принимать во внимание российско-турецкие отношения в экономической сфере, которые на протяжении первой четверти XXI века сыграли роль локомотива в развитии сотрудничества в других областях, прежде всего в политике. При этом важным и перспективным направлением являются торгово-экономические связи, основа которых заключается во внутреннем потреблении энергоресурсов самой Турцией и их транспортировке на европейские рынки. Укрепление взаимодействия в области экономики посредством проведения регулярных встреч официальных представителей России и Турции, в свою очередь, позволит в полной мере учитывать национальные интересы друг друга.

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) можно представить как долгосрочный процесс, который в тесной взаимосвязи с военно-политическими интересами России, с учетом экономических и финансовых возможностей его субъектов, представляет собой осуществление сотрудничества в области поставок вооружения и военной техники [Ивашов, 1997]. Есть мнение, что под ВТС следует понимать особую форму деятельности государства, уполномоченных органов и хозяйствующих субъектов, связанную с разработкой, производством и продвижением товаров и услуг военного назначения на мировой рынок в политических и коммерческих интересах [Колесников, 2004].

Возможности военно-технического сотрудничества между Россией и Турцией имеют объективные ограничения. К ним следует отнести применение в Турции стандартов НАТО и испытываемые сторонами финансовые трудности [Россия

и Турция в новой мировой политической среде, 2015]. К этому добавляется весьма жесткая конкуренция со стороны США и других западных государств, располагающих прочными позициями в военных и политических кругах Турции. Тем не менее очевидны перспективы и высокая политическая значимость продвижения сотрудничества с Турцией на этом направлении.

Турецкая Республика предпочитает устраивать тендеры по военно-промышленному сотрудничеству. Именно этот факт останавливает Российское государство от полномасштабного сотрудничества. Россия предпочитает работать в рамках Смешанной комиссии, где в основном стороны заинтересованы в долговых поставках. Турецкое правительство проявляет заинтересованность к закупкам технологий для производства боевых катеров и быстроходных судов. Оно проявляло заинтересованность, в частности, по причине списания долга частично, если на межправительственном уровне страны договорятся.

Другой стороной возможного взаимодействия России и Турции в рамках военно-технического сотрудничества является космическая сфера. Космическая сфера на данный момент является одной из инновационных, в которую вкладываются большие средства. Турецкие предприятия и производство военно-технического оборудования заинтересованы в сотрудничестве в этой сфере, так как планируют разработку военных спутников. При всех условиях, турецкое правительство согласно на участие лишь в незначительной доле, предложенной Россией. Турция также заинтересована в подготовке персонала, а именно космонавтов и других специалистов в этой области.

Россия является эксклюзивным поставщиком технологий в области авиации, космоса, ПВО и флота. Большинство видов вооружения, интересующих Турцию, Запад не обладает. Сумма заказанного Турцией в РФ вооружения давно превысила 1 млрд долл. США даже без учета сделки по зенитным ракетным комплексам С-400 (*Военное обозрение*, 02.06.2020).

В сентябре 2019 года Турция заинтересовалась возможностью приобретения российских самолетов-амфибий Бе-200. Одной из причин интереса к ним стала возможность использования самолетов для тушения пожаров. Министр сельского и лесного хозяйства Турции Бекир Пакдемирли заявил, что по поручению президента Реджепа Тайипа Эрдогана турецкая делегация уже побывала в Таганроге, где провела предварительные переговоры по условиям возможной поставки самолетов-амфибий и окончательное решение по данному вопросу будет принято после того,

как турецкие специалисты изучат все технические характеристики и оценят пригодность Бе-200 к географии Турции. В 2020 году Россия передала Турции в аренду два самолета Бе-200, которые в течение четырех месяцев занимались тушением пожаров на территории страны.

Анкара продолжала свое противостояние с Вашингтоном в сфере оборонной самостоятельности, всё больше принимая самостоятельные решения и отдаляясь от блока НАТО. После того, как Турция решила приобрести российский ЗРК С-400, США приняли решение найти способ воздействовать на турецкую сторону и отказались поставлять Анкаре приобретенные самолеты.

Глава госкорпорации «Ростех» Сергей Чемезов заявил в июле 2019 года, что в случае интереса с турецкой стороны, Россия готова поставить ей российские истребители поколения 4++ Су-35. Исходя из этих слов, переговоры по вопросам поставки данных самолетов стали возможны.

Бывший посол Израиля в России Цви Маген обратился к россиянам с просьбой не доверять туркам. Речь идет о расширении военно-технического сотрудничества с Анкарой. Как известно, РФ поставила в Турцию ЗРК С-400. После срыва контракта с США по F-35 Эрдоган задумывается о покупке российских истребителей Су-35. В свою очередь, израильтяне через лоббистов в США старательно срывали контракт по поставкам F-35, планируя воспрепятствовать осуществлению покупки истребителей Су-35 у РФ.

Среди других важных сделок следует отметить приобретение около 20 вертолетов семейства Ми-17 для жандармерии и трех Ка-32А11ВС для пожарных. Средний многоцелевой вертолет Ка-32А11ВС предназначен для выполнения специальных поисково-спасательных и высотномонтажных работ, транспортировке груза внутри фюзеляжа и на внешней подвеске (до 5 т), трелевки леса, эвакуации больных и пострадавших, сложных мероприятий по пожаротушению, а также патрулирования и поддержки специальных операций. Информация о поставках многоцелевых вертолетов Ка-32 в Турцию появилась летом 2017 года. В 2019 году Турция получила первый вертолет Ка-32 по контракту на поставку трех машин, заявил А. И. Богинский в ходе выставки вооружений IDEX-2019, проходившей в эти дни в Абу-Даби. Он пояснил, что контракт с Турцией, скорей всего, тремя вертолетами не ограничится, поэтому на конец марта – начало апреля запланированы переговоры о расширении поставок Ка-32 в эту страну. Предполагается, что Анкара закажет еще пять таких винтокрылых машин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российско-турецкие отношения претерпели и продолжают претерпевать значительные изменения. Многочисленные визиты не только лидеров, но и официальных представителей двух стран в последние несколько лет демонстрируют их готовность к дальнейшему плодотворному сотрудничеству в политической и экономической сферах, включая сферу военно-технического сотрудничества. Главная задача, стоящая в настоящее время перед Анкарой и Москвой, заключается в том, чтобы укреплять многоуровневое партнерство, в рамках которого они смогут найти общие подходы к решению актуальных проблем, в том числе по позиции США. Другими словами, если руководство двух стран приложат определенные усилия по разрешению существующих в настоящее время противоречий и будут проводить скоординированный внешнеполитический курс, то у них появится отличная возможность реализовать национальные интересы на основе компромисса. Это позволит Турции и России выйти на новый уровень взаимодействия и, соответственно, играть основополагающую роль на международной арене.

Отметим, что руководство Турции продолжает проведение комплекса мероприятий по техническому переоснащению воинских частей и подразделений, осуществляя военно-техническое сотрудничество со многими странами альянса НАТО. Наиболее крупные контракты заключаются с Италией, Испанией, Францией, Германией, США. Основные экспортные объемы поставок приходятся на регион Ближнего и Среднего Востока. Крупнейшими потребителями турецких ВВТ являются Туркменистан, ОАЭ и Саудовская Аравия. Бахрейн, Грузия, Казахстан, Бангладеш и некоторые другие страны также относятся к списку получателей турецкого вооружения.

В настоящее время в военно-технических отношениях с США наблюдается кризис, поводом к которому стало военно-техническое сотрудничество Турции и США по вопросам поставки зенитно-ракетных комплексов С-400. В результате этого США начали ограничивать сотрудничество с Турцией, крупнейшим фактором которого стал отказ Вашингтона передавать истребители пятого поколения F-35A, в число которых вошли уже

собранные и готовые к отправке машины. Факты сворачивания других оборонных программ скрываются по PR-соображениям.

Россия в нынешних условиях представляется Анкаре наиболее подходящим партнером для расширения и углубления отношений в области разработки и производства военной техники. Причем выбора нет: другие страны либо не идут на сближение с Турцией по политическим причинам, либо не обладают тем, что ей необходимо [Карпович, 2014].

В то же время возможности военно-технического сотрудничества между Россией и Турцией ограничено из-за того, что Турецкая Республика предпочитает устраивать тендеры по военно-промышленному сотрудничеству. Именно этот факт останавливает Российское государство от полномасштабного сотрудничества. В то же время сумма заказанного Турцией в РФ вооружения давно превысила несколько миллиардов долларов. На данном этапе самым крупным в истории ВТС между нашими странами является контракт на сумму в 2,5 млрд долл. США на зенитно-ракетные системы С-400 «Триумф», уже завершены поставки всех четырех дивизионов. Среди других заключенных сделок стоит отметить приобретение около 20 вертолетов семейства Ми-17 для жандармерии, трех Ка-32А11ВС, двух самолетов амфибий БЕ-200. Большой потенциал российско-турецкого сотрудничества кроется в области самолетостроения, Турция проявляет большой интерес к истребителям Су-30СМ, Су-35С и МиГ-35С.

Развитие военно-технического сотрудничества традиционно имеет для официальной Анкары существенную политическую специфику [Шангараев, Ногмова, 2016]. Закупки российских комплексов ПВО С-400 продемонстрировали диверсифицированность военно-технических турецких контактов, причем в сфере новейшей техники. Возможно, что Турция надеется в перспективе использовать этот фактор для подталкивания своих партнеров по НАТО к более глубокому военно-технологическому сотрудничеству, ведь вероятность выхода Турции из НАТО невелика. Рост этой вероятности возможен при дальнейшем углублении кризиса отношений с США, а также контрмерами стран-партнеров по альянсу в отношении действий Турции на Ближнем Востоке – особенно в Сирии и Ираке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анненков В. И., Кононов Л. А. Россия и ядерный мир: аспекты национальной безопасности. М.: Научная книга, 2004.
2. Arafat M., Alnuaimy L. The Turkish-Russian relations in the era of AKP // Afyon Kocatepe Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2011. № 2. Vol. 13. Pp. 103–133.
3. Бдоян Д. Г. Периоды трансформации в российско-турецких отношениях // Вестник МГИМО (У). 2017. № 4(55). С. 165–182.

4. Кудряшова Ю. С. Активизация российско-турецких отношений: сущность и перспективы // Вестник МГИМО (У). 2012. № 5(26). С. 38–44.
5. Оздемир В. Торговые отношения России и Турции на современном этапе // Россия и Азия. 2018. № 1(2). С. 46–51.
6. Ивашов Л. Г. Безопасность через сотрудничество // Военный парад. 1997. № 3. С. 92–93.
7. Колесников А. В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации в современных условиях: дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.
8. Россия и Турция в новой мировой политической среде / гл. ред. А.А.Орлов : отв. ред. В.А.Аватков, С.Б.Дружилловский, А.В.Федорченко: материалы Третьей Международной конференции экспертов-тюркологов, Москва, 27 марта 2015 г. М. : МГИМО МИД России, 2015.
9. Карпович О. Г. Конфликты цивилизаций: актуальные проблемы // Международные отношения. 2014. № 1. С. 62–67.
10. Шангараев Р. Н., Ногмова А. Ш. Политизация торгово-экономического сотрудничества России и Турции // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2016. № 3(314). С. 42–51.

REFERENCES

1. Annenkov, V. I., Kononov, L. A. (2014). Rossiya i jadernyj mir: aspekty nacional'noj bezopasnosti = Russia and nuclear peace: national security aspects. Moscow: Nauchnaya kniga. (In Russ.)
2. Arafat, M., Alnuaimy, L. (2011). The Turkish-Russian relations in the era of AKP. Afyon Kocatepe Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi, 2(13), 103–133.
3. Bdoyan, D. G. (2017). Russian-turkey relationship transformation periods. Vestnik MGIMO-Universiteta, 4(55), 165–182.
4. Kudryashova, Yu. S. (2012). Aktivizaciya rossijsko-tureckih otnoshenij: sushchnost' i perspektivy = Activation of Russian-Turkish Relations: Essence and Prospects. Vestnik MGIMO-Universiteta, 5(26), 38–44. (In Russ.)
5. Ozdemir, V. (2018). Trade relations between Russia and Turkey at the present stage. Rossiya i Aziya, 1(2), 46–51. (In Russ.)
6. Ivashov, L. G. (1997). Bezopasnost' cherez sotrudnichestvo = Security throee cooperation. Voennyj parad, 3, 92–93.
7. Kolesnikov, A.V. (2004). Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossijskoj Federacii v sovremennyh usloviyah = Military-technical cooperation of the Russian Federation in modern conditions: PhD in Economy. Moscow. (In Russ.)
8. Orlov, A. A., Avatkov, V. A., Druzhilovskii S. B., Fedorchenko A. V. (2015). Rossiya i Turkiya v novoj mirovoj politicheskoy srede = Russia and Turkey in the new world political environment: Materials of the Third International Conference of Turkic Experts. M. : IMI MGIMO MID Rossii. (In Russ.)
9. Karpovich, O. G. (2014). Conflicts of Civilizations: Actual Problems. Mezhdunarodnye otnosheniya, 1, 62–67. (In Russ.)
10. Shangaraev, R. N., Nogmova, A. Sh. (2016). Politizaciya torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Turcii = Politicization of trade and economic cooperation between Russia and Turkey. Obozrevatel' – Observer, 3(314), 42–51. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шангараев Руслан Насимович

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shangaraev Ruslan Nasimovich

PhD (Economics), Associate Professor at the Department of Public Administration in Foreign Policy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 28.12.2021
одобрена после рецензирования 03.02.2022
принята к публикации 07.02.2022

The article was submitted 28.12.2021
approved after reviewing 03.02.2022
accepted for publication 07.02.2022

Научная статья

УДК 94

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_67

Практика применения Елисейского договора в межгосударственных отношениях Франции и ФРГ

А. О. Аксеничев

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

orel1295@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются германо-французские отношения после подписания Елисейского договора (1963). Исследование опиралось на ретроспективный, сравнительно-исторический и конкретноисторический методы, позволяющие в наиболее полной мере понять важность применения положений Договора в межгосударственных отношениях ФРГ и Франции в те годы. По итогам исследования был сделан вывод о том, что Елисейский договор дал новый импульс отношениям двух стран.

Ключевые слова: Германия, Франция, внешняя политика, Елисейский договор, послевоенная Европа, Аденауэр, де Голль

Для цитирования: Аксеничев А. О. Практика применения Елисейского договора в межгосударственных отношениях Франции и ФРГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 67–73. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_67

Original article

The Practice of Applying the Elysee Treaty in Intergovernmental Relations between France and Germany

A. O. Aksenichev

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

orel1295@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the impact of the signing of the Elysee Treaty on German-French relations. According to the results of the study, the author concluded that the Elysee Treaty gave a new impetus to relations between the two countries. The study was based on retrospective, comparative-historical and specific-historical research methods, which make it possible to fully understand the importance of applying the provisions of the Treaty in interstate relations between Germany and France in those years.

Keywords: Germany, France, foreign policy, the Elysee Treaty, post-war Europe, Adenauer, de Gaulle

For citation: Aksenichev, A. O. (2022). The practice of applying the Elysee Treaty in intergovernmental relations between France and Germany. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 67–73. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_67

ВВЕДЕНИЕ

Отношения Франции и ФРГ в 1960–1980-е годы базировались на Елисейском договоре 1963 года¹. В предшествующий период политики двух стран ставили перед собой цель достичь сближения между странами, бывшими столь долгое время в противостоянии. Непосредственно в послевоенные годы идея европейской интеграции начинает овладевать умами европейских политиков. Эта интеграция была базой для экономического восстановления Европы. Сближение Франции и ФРГ, объединение их экономических интересов было основой для создания политического союза. Сближение должно было ликвидировать вековое противостояние ФРГ и Франции и стать базой к созиданию новой Европы. Елисейский договор подчеркнул и закрепил это сближение. Он стал определенным маркером, который разграничивал два периода: завершение послевоенного времени и начало эпохи новых франко-германских отношений. Фактически, взаимоотношения двух стран стали настолько доверительными, что появился новый термин «пара», или «тандем».

Елисейский договор давал возможность сравнительно гибко регулировать отношения двух стран в таких важных сферах, как внешняя политика и безопасность. Договор регламентировал определенные процессы во взаимоотношениях двух стран и позволял этим странам сохранять единый курс даже в ситуации политической нестабильности.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРА

Елисейский договор с 1963 по 1990 год (год объединения Германии) охватывал основные направления взаимодействия двух стран, а также на протяжении этого времени дополнялся различными протоколами. Договор предусматривал особый способ взаимодействия двух стран на так называемых полугодовых консультациях на высшем уровне, но база этих консультаций постоянно расширялась, охватывая как регулярные встречи глав государств и правительств, так и взаимодействие сотрудников более низких рангов. Изначально предполагалось, что на таких встречах будут присутствовать канцлер, президент, премьер-министры и сотрудники министерств. Однако уже с 1974 года в этот круг стали приглашать министров внутренних дел. После 24-й консультации

8–9 июля 1974 года в таких встречах участвовало до 18 министров. Главы государств приезжали в сопровождении министров, сотрудников министерств, специалистов в области внешней политики. В зависимости от повестки дня, на встречи приглашались государственные служащие из различных ведомств [Bremer 1988].

Трудно назвать сколько человек присутствовало на заседаниях, однако их число могло достигать 100–150 человек. К концу 1980-х годов практически все министры привлекались для участия в подобных консультациях.

Поскольку диапазон рассматриваемых вопросов был достаточно широк, то характер встреч мог быть различным. Это могли быть как пленарные заседания, так и рабочие встречи представителей определенных министерств и ведомств. Так называемые генеральные секретари готовили материалы, осуществляли связь между участниками встреч, а также контролировали все совещания. Секретари сотрудничали непосредственно с канцеляриями канцлера ФРГ и премьер-министра Франции и своими личными связями способствовали дальнейшему сближению двух стран.

Некоторое время спустя эти должности были упразднены, и им на смену пришли так называемые координаторы, обязанности которых были прописаны в Договоре. Согласно Договору, дипломат высокого ранга мог занимать определенные должности в правительстве другой страны для усиления межправительственного взаимодействия. Например, такой политический деятель как Карло Шмидт, немецкий ученый и политик, федеральный министр по делам Бундесрата и федеральных земель, тесно занимался вопросами германо-французских отношений и был назначен координатором. А Андре Борд, который координировал работу французской комиссии в 1980-х годах, был орденноносным ветераном Второй мировой войны, сражавшимся в бригаде Французского Сопротивления Эльзас-Лотарингия [Guerin-Sendelbach, 1993].

В рамках расширения Елисейского договора в конце 1980-х годов появились так называемые франко-германские советы. В 1988 году был создан Франко-германский совет по обороне и безопасности, а также Совет по экономике и финансам. В этом же году появился Франко-германский культурный совет, а годом позже – совет по окружающей среде. Несмотря на то, что данные сферы государственной политики прямо не упоминались в положениях Елисейского договора, эти советы расширили функции договора.

Первоначально встречи на высшем уровне не имели обозначений. Однако затем им были присвоены порядковые номера, а названия

¹Traité de l'Élysée // Wikisource. URL: https://en.wikisource.org/wiki/%C3%89lys%C3%A9e_Treaty

саммитов фактически описывали их темы. Например, 37-я Консультация 5–6 июня 1981 года в Париже была названа «культурным саммитом», поскольку сосредоточилась на франко-германских отношениях в области культуры. Другие встречи на высшем уровне, или встречи Советов министров, рассматривали проблемы внешней политики и вопросы безопасности, экономические и социальные реформы и вопросы европейской интеграции [Hartmann, 1997].

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОМЕНТЫ

Взаимодействие двух государств предполагало обширный круг вопросов, которые требовали согласования. Предложения по темам, которые на данный момент были актуальны, могли исходить не только от глав государств или правительств, но и от министерств. Министры иностранных дел двух государств, а также канцлер Германии и президент Франции встречались, чтобы подготовиться к франко-германским консультациям на высшем уровне [Hielscher, 2008].

Обычно определенный вопрос рассматривался два месяца. Генеральные секретари или координаторы помогали министрам собрать необходимые данные, проанализировать проблему и выявить возможные точки соприкосновения двух государств. Примерно за две недели до консультаций формировалась повестка дня. Советы министров формулировали совместные рабочие программы для согласованных двусторонних действий (*feuilles de route*), которые в конечном итоге оформлялись в политические меры или законы [Kaltenbach, 1983].

Встречи на высшем уровне дополнялись различными консультациями. Чаще всего это были консультации Советов или представителей министерств. После переговоров подчеркивалась общая позиция двух стран и публиковалось коммюнике.

Невозможно представить себе внешнеполитическое взаимодействие без личных контактов глав государств. Неформальные встречи (*Informelle Kurztreffen*) даже не регистрировались официально. Например, с 1982 по 1989 год между Гельмутом Колем и Франсуа Миттераном состоялось около 80 как официальных, так и неофициальных встреч. Министры иностранных дел Ханс-Дитрих Геншер и Клод Шайссон за этот период разговаривали по телефону около 1 тыс. раз. Сам Х.-Д. Геншер сообщал о продолжительных телефонных разговорах с преемником К. Шайсона Роланом Дюма «несколько раз в неделю» [Menudier, 1993].

Большой вклад в укрепление взаимоотношений между двумя странами в рамках Елисейского договора внесли дипломаты и другие государственные служащие, которые находились на взаимных стажировках. Потому что в этой ситуации представитель Германии мог выражать позицию Франции, а французский дипломат – позицию Германии. Например, Мишель Коннан, первый французский дипломат, проработавший год в министерстве иностранных дел ФРГ, выразил официальную позицию Германии в СБСЕ в Вене в 1988 году [Pirotte, 1997].

ВОПРОСЫ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Елисейский договор рассматривал вопросы безопасности как ключевые. В рамках Договора предусматривались различные программы и проекты по взаимодействию вооруженных сил двух государств. Договор предусматривал «обмен инструкторами и студентами в учебных заведениях для генерального штаба». В 1967 году генералы Массю и де Мезье подписали договор о партнерстве между Первой французской и Пятой немецкой танковыми дивизиями, предусматривавший участие французских и немецких частей в маневрах партнерской дивизии. С тех пор подобные партнерства распространялись и на части ниже уровня дивизий, например, включая партнерские отношения даже между казармами¹.

В 1982 году была учреждена постоянная Франко-германская комиссия по безопасности и обороне. Эта Комиссия начала свою деятельность 7 декабря. По словам немецкого дипломата Гюнтера Кёнига, эта Комиссия дала возможность Франции и Германии согласовывать свои позиции и проводить различные мероприятия по безопасности и обороне, в том числе формулировать совместные позиции по решению НАТО о размещении ракет средней дальности в Европе, занимать общую позицию на переговорах с СССР, разрабатывать общий боевой вертолет второго поколения, создавать «красный телефон» между канцеляриями канцлера и Елисейского дворца, вырабатывать совместные позиции в отношении СБСЕ и контроля над обычными вооружениями, находить общие точки в использовании французских достратегических вооружений, проводить совместные франко-германские семинары для офицеров, а также инициировать крупные совместные маневры [Kohl, 1992].

¹Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1997

22 января 1988 года был подписан протокол о создании Франко-германского совета по обороне и безопасности, который продолжил работу Комиссии. В этот Совет входили президент и премьер-министр Франции, канцлер Германии, министры иностранных дел и обороны, и высшие военные руководители обеих стран. Целью Совета было углубление двусторонней координации и взаимодействия по всем вопросам, касающимся обороны и безопасности, а также к активизации франко-германского военного сотрудничества. Комитет Совета, который разрабатывал двусторонние вопросы для рассмотрения и принятия на заседаниях Совета, состоял из министров иностранных дел и обороны Франции и Германии [Filser, 1996].

Создание Совета по обороне и безопасности преследовало несколько целей:

- 1) разработку общих концепций в области обороны и безопасности;
- 2) обеспечение растущей координации позиций двух государств по всем вопросам, касающимся европейской безопасности;
- 3) принятие решений о создании смешанных воинских частей, а также относительно совместных маневров и совместной подготовки военнослужащих, для укрепления способности вооруженных сил обеих сторон поддерживать друг друга в мирное время, а также во время кризисов и в случае войны;
- 4) улучшение совместимости техники вооруженных сил двух стран;
- 5) дальнейшее развитие и углубление сотрудничества в области вооружений.

Протоколом организации был учрежден постоянный Секретариат Совета в Париже как постоянный орган, в который вошли высокопоставленные государственные служащие и офицеры четырех задействованных министерств [Leimbacher, 1992].

Полномочия Совета были достаточно широки. Например, он мог инициировать создание совместной франко-германской армии без прохождения парламентских процедур.

Таким образом, военное сотрудничество двух стран вышло на новый этап развития – от противостояния к сближению.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Экономический подъем и во Франции, и в ФРГ требовал взаимодействия двух стран и в этой сфере. Каждые полгода проходили встречи представителей министерств, связанных с экономикой, а само сотрудничество оформилось во Франко-германский совет по экономике и финансам

в конце 1980-х годов. Это произошло на 50-й Франко-германской встрече в ноябре 1988 года. Добавленные в Елисейский договор в качестве протокола положения о новом Совете по экономике и финансам, или Deutsch-Französischer Finanz-und Wirtschaftsrat, стали также частью Договора¹.

Данный Совет собирался четыре раза в год. Секретариат Совета, находящийся в Париже, занимался подготовкой документов для сессий и контролировал исполнение решений. Совет мог создавать временные специальные комиссии по актуальным вопросам.

Согласно ст. 1 Протокола к Договору, Франко-германский совет по экономике и финансам должен был активизировать и укрепить сотрудничество между двумя государствами в экономической сфере и согласовать позиции Франции и Германии по международным экономическим и финансовым вопросам. Согласно ст. 4 Протокола на Совет было возложено выполнение следующих задач: обсуждать основные схемы годовых бюджетов двух стран до их принятия на национальном уровне; обсуждать текущие национальные экономические ситуации и экономическую политику с целью координации и согласования позиций Франции и Германии; рассматривать денежно-кредитную политику двух государств; максимально координировать и согласовывать позиции Франции и Германии на международных переговорах по экономическим и финансовым вопросам.

КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

К середине 1960-х годов проблемы противостояния, остававшиеся между странами после Второй мировой войны, стали заметно ослабевать. Сотрудничество в культурной сфере способствовало усилению взаимопонимания и установлению тесных связей между жителями двух стран. Статс-секретарь парламента ФРГ Ральф Дарендорф занимался вопросами разработки комплексного подхода к культурной дипломатии Западной Германии. Совместно страны выдвинули идею о развитии взаимопонимания народов, которому способствует культурный обмен. «Культурная политика – это не улица с односторонним движением», как сформулировал в октябре 1969 года глава отдела культуры Бонна Луитпольд Верц. По мнению Вернера Линка, немецкого политолога и почетного профессора университета Кёльна, политическая оценка

¹Protokolle zum Élysée-Vertrag vom 22. Januar 1988. URL: www.bundesfinanzministerium.de/Content/DE/Standardartikel/Themen/Europa/Deutsch_Franz_Zusammenarbeit/50_Jahre_Elysee-Vertrag/2013-01-04-elysee-vertrag-protokolle.html

развития международных культурных отношений стала символом 1970-х годов [Znined-Brand, 1999].

Культурная политика двух стран была направлена на установление тесных связей между народами. И этому способствовала та часть договора, которая была посвящена молодежной политике. В частности, была создана немецко-французская молодежная организация. Целью организации было скрепить узы между молодежью двух стран и помочь им понять друг друга. Она стала движущей силой в культурном обмене между Францией и Германией. Франко-немецкие школы, которые стали появляться в 1970-е годы, также были направлены на культурные контакты молодых немцев и французов.

В соответствии с Елисейским договором были созданы должности уполномоченных по вопросам культуры. Чтобы расширить и укрепить культурные связи, Франция и Германия 22 января 1988 года учредили Haut-Conseil Culturel Franco-Allemand, или Deutsch-Französischer Kulturrat (Германо-французский культурный совет), который должен был разрабатывать совместные франко-немецкие культурные программы, подавать в правительства двух стран предложения о взаимной культурной деятельности, предоставлять информацию об этой сфере общественности двух стран. Культурный совет, состоявший из 10 представителей общественной, культурной и интеллектуальной жизни от каждой страны, назначаемых на четырехлетний срок правительством Французской республики, Федеральным правительством и правительствами земель Германии, собирался на пленарные заседания два раза в год и самостоятельно выбирал темы и рабочие направления [Morizet, 1993].

В 1980-е годы очень остро встал вопрос о защите окружающей среды и экологии. В 1989 году министры иностранных дел Р. Дюма и Г.-Д. Геншер обменялись нотами, касающимися создания Экологического совета. Этот Совет должен был координировать экологическую политику двух государств, способствовать сближению точек зрения Франции и Германии по экологическим проблемам, разрабатывать новые инициативы в плане решения экологических проблем. Первый раз Франко-германский экологический совет собрался 13 февраля 1990 года в Париже. На нем рассматривались вопросы загрязнения воздуха выхлопными газами автомобилей и вопросы загрязнения Рейна. В последующие годы Совет взял на себя весь спектр экологических вопросов, касающихся двусторонних франко-германских отношений¹.

¹Deutsch-Französischer Umweltrat. URL: https://www.bmu.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Europa__International/umweltrat_dt_fr_3.pdf

Таким образом, Елисейский договор давал возможность достаточно гибко подходить к развитию отношений между двумя странами, а четыре Совета, протоколы которых были добавлены в Елисейский договор, помогли улучшить франко-германское взаимодействие во всех ключевых областях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самое значительное достижение Елисейского договора, которое признается всеми, это то, что он помог Франции и ФРГ на протяжении долгих лет проводить взаимоприемлемую политику. С начала 1980-х годов можно отметить прочность франко-германских отношений в свете предполагаемых потенциальных внутренних факторов раскола или нестабильности в межгосударственных отношениях. Ни один из этих факторов не привел к разрыву между двумя странами. Напротив, франко-германские отношения оказались очень устойчивыми, например, к смене руководства. Смена президентов, премьер-министров, канцлеров и министров радикально не повлияла на отношения между двумя государствами. Урегулирование франко-германских отношений тесно связывало лидеров двух стран. Известно, что франко-германские отношения породили ряд тандемов руководителей, например, Жискара – Шмидт, Коль – Миттеран и Дюма – Геншер, личные отношения которых вышли за рамки профессионального взаимодействия и превратились в дружбу. Напротив, межличностные отношения других лидеров были трудными и часто натянутыми. Однако отсутствие личной близости между ключевыми фигурами принципиально не подорвало и не привело к срыву процессов, определяющих франко-германские отношения.

Точно так же идеологическое сходство или несовместимость между политическими партиями, находящимися у власти в Бонне, Берлине и Париже, почти не оказали влияния на франко-германский двусторонний подход. Елисейский договор гарантировал, что два правительства по-прежнему будут контактировать друг с другом, даже если к власти придут политически противоположные силы. Так, к примеру, произошло, когда объединенные левые пришли к власти во Франции в 1981 году, а с 1982 года правительство ФРГ возглавляло правоцентристское большинство из ХДС / ХСС.

Сближение двух стран в рамках Елисейского договора создало определенные технические процедуры. Четкие кодексы поведения, наряду с обменами персоналом, способствовали разработке

общего франко-германского свода правил взаимодействия. Государственные служащие понимали, что взаимодействие представителей двух стран являлось обычным и даже рутинным. Упорядоченный механизм консультаций и взаимодействия заставил преемников Ш. де Голля и К. Аденауэра оставаться в постоянном тесном контакте. Эти механизмы, по мнению канцлера Г. Коля, устанавливали чеканную дисциплину постоянного диалога [Heisbourg, 2004].

Более того, франко-германские межправительственные связи помогли социализировать персонал. Межгосударственными отношениями занимались определенные сотрудники. По мнению немецко-французского политолога Альфреда Гроссера, независимо от повседневной политики, регулярные официальные контакты породили людей, которые знают друг друга много лет и приобрели привычку работать вместе в посольствах, в министерствах, в газетах, в руководстве профсоюзов, политических партиях и профессиональных организациях обеих стран [Grosser, 1965]. Положения Договора постоянно собирали вместе высших должностных лиц, которые в противном случае могли бы иметь мало личных контактов и лишь на бумаге знали о заботах и проблемах друг друга

[там же]. Эти группы снижали вероятность недопонимания и дефицита информации. Таким образом, все действия, которые они предпринимали, шли на пользу двустороннего сотрудничества.

Выполнение Елисейского договора привело к укреплению и расширению сотрудничества двух стран и постоянно проводимые консультации помогали решать не только политические, но и экономические проблемы, проблемы промышленного развития и экспортно-кредитной политики. Сотрудничество в сфере обороны привело к усилению персонального обмена между сотрудниками вооруженных сил и совместной разработке научно-исследовательских проектов в области вооружений и укреплению немецко-французского сотрудничества в сфере гражданской защиты населения. Договор предполагал выработку единой стратегической доктрины и создание военной организации, независимой от США. Свыше ста совместных программ начали работу после вступления в действие этого договора. Была создана инфраструктура франкогерманского взаимодействия, а также этот договор заложил основу дружественных отношений двух соседних государств после многочисленных давних конфликтов и двух мировых войн.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bremer H.-H. Les Consultations Franco-Allemandes // *Allemagne d'Aujourd'hui Revue française d'information sur les deux Allemagnes*, 1988. P. 106–108.
2. Guerin-Sendelbach V. Ein Tandem Für Europa? Die Deutsch-Französische Zusammenarbeit Der Achtziger Jahre. Bonn: Europa Union Verlag, 1993. Vol. 77.
3. Hartmann G. Sozio-Kulturelle Probleme Deutsch-Französischer Ministerialkooperation: Die Zusammenarbeit aus Sicht französischer und deutscher Beamter. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 1997. P. 33–39.
4. Hielscher K. Die Deutsch-Französischen Beziehungen in der Europa-, Sicherheits- und Außenpolitik: Kontinuität und Wandel seit 1990. Saarbrücken: VDM Mueller, 2008. P. 32–38.
5. Kaltenbach A. Le Fonctionnement des Sommets // *Problemes Politiques et Sociaux*, 1983. No. 476. P. 8–10.
6. Menudier H. Le Traite de L'Elysee. In *Le Couple Franco-Allemand en Europe*, edited Henri Menudier. Asnieres: Publications de l'Institut d'Allemand, 1993. P. 235–238.
7. Pirotte O. Introduction. In *Les Politiques De Defense Franco-Allemandes*, edited by Olivier Pirotte. Paris: Librairie de la Documentation Francaise, 1997. P. 181–183.
8. Kohl H. Traite de L'Elysee: Un Fondament pour l'Europe: Allocution prononcee a l'Occasion de la Ceremonie Officielle pour le 30e Anniversaire de la Signature du Traite sur la Cooperation Franco-Allemande, 1992. Documents 4/5.
9. Filser N. La Cooperation Militaire Franco-Allemande et le Couple Mitterrand-Kohl. Saint-Cyr: Memoire, Ecole Speciale Militaire de Saint-Cyr, 1996. P. 44–49.
10. Leimbacher U. La Cooperation Franco-Allemande, Cle pour l'Essor de l'Europe. *Relations Internationales*, 1992. № 70.
11. Znined-Brand V. Deutsche und französische auswärtige Kulturpolitik. Eine vergleichende Analyse. Das Beispiel der Goethe-Institute in Frankreich sowie der Instituts und Centres Culturels Frangais in Deutschland seit 1945. Frankfurt / Main: Peter Lang, 1999. P. 137.
12. Morizet J. Wozu ein Deutsch-Französischer Kulturgipfel? Dokumente. *Zeitschrift für den deutsch-französischen Dialog. Dokumente* № 2. 1993. P. 116–122.
13. Heisbourg F. The French-German Duo in the Search for a New Model // *The International Spectator*. 2004. Issue 3. Vol. 39. P. 61–72.
14. Grosser A. France and Germany: Divergent Outlooks. *Foreign Affairs*. 1965. № 44(1). P. 26–28.

REFERENCES

1. Bremer, H.-H. (1988). Les Consultations Franco-Allemandes. *Allemagne d'Aujourd'hui. Revue française d'information sur les deux Allemagnes*, 106–108.
2. Guerin-Sendelbach, V. (1993). Ein Tandem Für Europa? Die Deutsch-Französische Zusammenarbeit Der Achtziger Jahre. Bonn: Europa Union Verlag, P. 21.
3. Hartmann, G. (1997). Sozio-Kulturelle Probleme Deutsch-Französischer Ministerialkooperation: Die Zusammenarbeit aus Sicht französischer und deutscher Beamter. Berlin: Wissenschaftlicher Verlag Berlin, 33–39.
4. Hielscher, K. (2008). Die Deutsch-Französischen Beziehungen in der Europa-, Sicherheits- und Außenpolitik: Kontinuität und Wandel seit 1990. Saarbrücken: VDM Mueller, 32–38.
5. Kaltenbach, A. (1983). Le Fonctionnement des Sommets. *Problemes Politiques et Sociaux*, P. 476.
6. Menudier, H. (1993). Le Traite de l'Elysee. In *Le Couple Franco-Allemand en Europe*, edited Henri Menudier. Asnieres: Publications de l'Institut d'Allemand, P. 235–238.
7. Pirotte, O. (1997). Introduction. In *Les Politiques De Defense Franco-Allemandes*, edited by Olivier Pirotte. Paris: Librairie de la Documentation Francaise, P. 181–183.
8. Kohl, H. (1992). Traite de l'Elysee: Un Fondament pour L'Europe: Allocution prononcee a l'Occasion de la Ceremonie Officielle pour le 30e Anniversaire de la Signature du Traite sur la Cooperation Franco-Allemande. *Documents* 4/5.
9. Filser, N. (1996). La Cooperation Militaire Franco-Allemande et le Couple Mitterrand-Kohl (pp. 44–49). Saint-Cyr: Memoire, Ecole Speciale Militaire de Saint-Cyr.
10. Leimbacher, U. (1992). La Cooperation Franco-Allemande, Cle pour L'Essor de l'Europe. *Relations Internationales* 70.
11. Zined-Brand, V. (1999). Deutsche und französische auswärtige Kulturpolitik. Eine vergleichende Analyse. Das Beispiel der Goethe-Institute in Frankreich sowie der Instituts und Centres Culturels Frangais in Deutschland seit 1945. Frankfurt/Main: Peter Lang, P. 137.
12. Morizet, J. (1993). Wozu ein Deutsch-Französischer Kulturgipfel? *Dokumente // Zeitschrift für den deutsch-französischen Dialog. Dokumente* №2, P. 116-122.
13. Heisbourg, F. (2004). The French-German Duo in the Search for a New Model. *The International Spectator*, 3(39), 61–72.
14. Grosser, A. (1965). France and Germany: Divergent Outlooks. *Foreign Affairs*, 44(1). P. 26–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аксеничев Александр Олегович

аспирант кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aksenichev Aleksandr Olegovich

PhD student, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 13.11.2021
одобрена после рецензирования 22.12.2021
принята к публикации 02.02.2022

The article was submitted 13.11.2021
approved after reviewing 22.12.2021
accepted for publication 02.02.2022

Научная статья

УДК 94(47):356/359(47)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_74

Охрана общественного порядка наружной службой милиции в СССР в первые послевоенные годы (1945–1949)

А. С. Беркутов

Научный центр стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия

berkutov-andrey@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется, как в условиях перехода советского общества к мирной жизни после завершения Великой Отечественной войны осуществлялась охрана общественного порядка. Показаны основные задачи наружной службы милиции, органов внутренних дел и войск правопорядка. Приведены выдержки из основных нормативно-правовых актов, определяющих деятельность по охране общественного порядка в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, Главное управление милиции, наружная служба, вспомогательные силы милиции, постовая служба, патрульная служба

Для цитирования: Беркутов А. С. Охрана общественного порядка наружной службой милиции в СССР в первые послевоенные годы (1945–1949) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 74–82. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_74

Original article

Protection of Public Order by the External Police Service in the USSR in the First Post-War Years (1945–1949)

Berkutov A. S.

Center for Strategic Studies of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation

berkutov-andrey@mail.ru

Abstract. The article analyzes how the protection of public order was carried out in the conditions of the transition of Soviet society to a peaceful life after the end of the Great Patriotic War. The main tasks of the external police service, internal affairs bodies and law enforcement troops are shown. Excerpts from the main regulatory legal acts defining the activities for the protection of public order in the first post-war years are given.

Keywords: The People's Commissariat of Internal Affairs, the Ministry of Internal Affairs, the Main Police Department, the external service, the auxiliary forces of the militia, the post service, the patrol service

For citation: Berkutov, A. S. (2022). Protection of public order by the external police service in the USSR in the first post-war years (1945–1949). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 74–82. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_74

ВВЕДЕНИЕ

Изучение общественной безопасности в истории нашей страны позволяет найти ответы на актуальные вопросы сегодняшнего дня: о мерах по обеспечению общественного порядка, борьбе с различными видами преступности, влиянии уголовной субкультуры на общественные ценности и т. д. Это, в свою очередь, позволит правильно спрогнозировать и организовать текущую правоохранительную политику Российского государства, выявить приоритеты в деятельности органов и войск правопорядка, тенденции во взаимоотношениях с обществом в данной сфере.

Изучение исторического опыта организации охраны общественного порядка в нашей стране важно с точки зрения исследования той сферы жизни общества, которая традиционно выпадала из внимания официальной науки. В рамках юридических дисциплин изучалась, прежде всего, организационная и прикладная сторона этого явления. Ученые и специалисты в областях права, криминологии, криминалистики и др. изучали практические аспекты охраны общественного порядка. Однако в их работах нет всестороннего анализа исторического опыта обеспечения общественной безопасности.

Исследование предлагаемого к рассмотрению процесса, основывается на принципе бережного отношения к отечественному историческому наследию и позитивным (а порой негативным) результатам предшествовавших реорганизаций, учитывать которые необходимо и сегодня.

В данной связи изучение наработанного исторического опыта охраны общественного порядка, особенности применения вспомогательных сил милиции являются несомненно интересными, важными факторами, в определенной мере оказывающими влияние на установление актуальных и приоритетных направлений дальнейшей работы в этом направлении.

КРИМИНОГЕННЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из актуальных проблем, вставших перед руководством СССР в послевоенный период была организация мирной жизни. Советское общество столкнулось с проблемами переходного периода: восстановлением системы управления, возрождением разрушенной экономики и объектов инфраструктуры, решением демографических проблем и т. д.

Война значительно осложнила ситуацию в социальной сфере, прежде всего в связи с тем, что в ходе нее появилось много новых категорий

населения с неустойчивым социальным статусом¹: эвакуированные и реэвакуированные, бывшие беженцы, спецпереселенцы, репатриированные, беспризорные и безнадзорные дети, инвалиды и другие категории граждан с нарушенными социальными связями. Часто они занимались бродяжничеством и нищенством и представляли благоприятную среду для действия криминальных элементов.

После завершения войны к ним добавились демобилизованные военнослужащие² (ГАРФ³. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 30–32) и осужденные, освобожденные по указам Президиума Верховного Совета СССР от 07.07.45 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»⁴ (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 249–250) и от 10.01.47 г. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 233. Т. 2. Л. 204).

Государство предпринимало усилия по трудоустройству людей и обеспечению их бытовых условий по месту жительства (демобилизованные, репатриированные, реэвакуированные и освобожденные направлялись по месту прописки). Однако большинство из данных категорий граждан неохотно возвращалось к прежнему месту проживания и роду деятельности и оседало преимущественно в крупных городах, где уровень жизни был выше.

Городское население росло также в связи с развернувшимся в четвертую пятилетку (1946–1950) промышленным строительством. Многие жители деревень стихийно и по организованному набору (лимитчики) направлялись в города [Решения партии ... 1968, с. 431].

Криминальная ситуация в стране стала осложняться во второй половине 1946 года в результате неурожая и отмены снабжения хлебом по карточкам отдельных категорий граждан, общей численностью более 27 млн чел. [Зима, 1996], в том числе 4 млн – в городах. Также некоторым категориям граждан (как правило иждивенцам) были уменьшены нормы выдачи хлеба, сокращен рацион питания и приняты некоторые другие меры. Вследствие этого началось массовое дезертирство рабочих с предприятий. Произошел рост разбойных убийств, грабежей и краж как с государственных объектов, так и у населения (ГАРФ. Ф. Р–9415. Оп. 3. Д. 28. Л. 4).

¹Здесь имеются ввиду граждане СССР, так как имелись и др. категории населения: бандиты, находящиеся на нелегальном положении; военнопленные, работающие на стройках и др.

²На 20.03.1946 г. из Советской армии демобилизовалось 5 314 700 чел., из которых в города пришло 1 771 500 чел., остальные в сельскую местность.

³ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

⁴По амнистии было освобождено до 700 тыс. осужденных за различные преступления. Часть амнистированных, в прошлом судившихся за уголовные преступления, в пути следования к месту жительства железнодорожным и водным транспортом, проникала в города и населенные пункты, где связывалась с местными преступниками.

КОЛИЧЕСТВО ОРУЖИЯ, ИЗЪЯТОГО У НАСЕЛЕНИЯ В 1945–1946 ГОДАХ

Вид оружия	Период	в 1945 г.	в 1946 г.
пулеметов		1072	333
винтовок		34 846	13 508
револьверов и пистолетов		13 758	21 728
гранат		4037	1491
патронов		более 900 000	более 400 000
холодного оружия		7350	9683

Некоторые исследователи считают, что рост криминальных проявлений достиг того уровня, когда люди боялись выходить на улицу, и в обществе существовала атмосфера страха [Зубкова, 2000] или даже «великого страха» [Бурдс, 2000, с. 169]. Отрицательно влияло на криминальную ситуацию в стране наличие у населения огнестрельного оружия, оставшегося после войны, которое было изъято органами МВД СССР¹ и милиции в 1946 году (ГАРФ. Ф. Р–9415. Оп. 3. Д. 28. Л. 5) (см. табл. 1). Попадая в руки уголовных элементов, оно становилось орудием преступлений. Все эти факторы еще более усложняли социальную напряженность в населенных пунктах.

Таким образом, в первые послевоенные годы возникла необходимость обеспечения общественной безопасности, и на органы милиции легла большая нагрузка по поддержанию общественного порядка в стране, и прежде всего в крупных городах.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СССР В 1945–1949 ГОДАХ

Обеспечение общественной безопасности, включавшее в себя такие направления правоохранительной деятельности, как охрана общественного порядка, борьба с уголовной преступностью и участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций, с 1944 года взял под свой контроль лично глава государства И. В. Сталин, как председатель Государственного комитета обороны и председатель Совета народных комиссаров СССР (с марта 1946 г. – председатель Совета министров СССР². Это свидетельствовало о том, что руководство страны уделяло данному направлению деятельности особое значение, несмотря на проблемы в других областях.

¹22.03.1946 НКВД СССР был переименован в Министерство внутренних дел (МВД) СССР.

²По данным из «особой папки Сталина» вопросами обеспечения общественной безопасности И. В. Сталин занимался лично с 1944 по 1949 г. (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2).

На других уровнях власти и управления государством данное направление курировали: нарком (министр) внутренних дел СССР, руководители внутренних дел республик, начальники краевых, областных и городских управлений – отделов внутренних дел и главы других ведомств [Марценюк и др., 2019].

Общественный порядок в городах и населенных пунктах Советского Союза обеспечивала наружная служба милиции, которая вела борьбу с уголовными проявлениями, совершаемыми на улицах и в общественных местах, и оказывала всемерную помощь оперативным работникам в борьбе с уголовной преступностью (в сельской местности наружную службу исполняли участковые уполномоченные).

В охране общественного порядка участвовали все службы милиции и НКВД, которые также привлекали войсковые подразделения и вспомогательные (подсобные) силы милиции, организованные по территориальному принципу.

Для выполнения задач по охране общественного порядка наружная служба милиции СССР в начале 1946 года располагала:

- штатом рядового состава, предназначенного для постовой и патрульной службы (далее ППС) – 38 540 чел.;
- штатом участковых уполномоченных (деятельность участковых уполномоченных определялась Инструкцией участковым уполномоченным 1946 г.) – 32 588 чел.;
- бригадами содействия милиции (далее БСМ или бригадмил) – 567 392 чел.;
- штатом доверенных лиц (работу с доверенными лицами (лицо полезное для получения от него сведений, из числа домохозяек, домашних работниц, надомниц, инвалидов, пенсионеров, активистов, подростков и т. д.) регламентировала инструкция «О работе участкового уполномоченного милиции, линейного уполномоченного транспортной милиции с доверенными лицами» от 18.04.44. Работой участковых уполномоченных с доверенными лицами руководили работники наружной службы, их задача – выявлять на своих

ЧИСЛЕННОСТЬ НАРУЖНОЙ СЛУЖБЫ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В 1946–1949 ГОДАХ

Силы наружной службы	01.01.1946 г.	01.01.1947 г.	01.01.1948 г.	01.01.1949 г.
ППС	38 540	38 540	н. д.	н. д.
участковых уполномоченных	32 588	33 687	н. д.	н. д.
членов БСМ	567 392	547 872	649 344	1 039 911
доверенных лиц	588 747	523 465	794 657	886 475
дворников	62 722	60 411	86 417	91 340
сельских исполнителей	171 885	214 330	304 933	322 074
выставляемых постосмен в городах	29 091	33 247	21 000	17 874
выделяемых патрулей ежедневно	н. д.	11 518	10 138	11 124
членов ГООП ¹	н. д.	1 730 000	н. д.	н. д.

участках преступников, лиц, ведущих подозрительный образ жизни и осуществлять систематическое наблюдение за ними, а также выявление притонов и мест, где скрываются нарушители паспортного режима и уголовные элементы. Работа доверенных лиц была негласной) – 588 747 чел. (ГАРФ. Ф. Р–9401 Оп. 12. Д. 230. Т. 2. Л. 284–286 об.);

- штатом дворников (деятельность дворников по охране общественного порядка определялась Положением о правах и обязанностях дворников (1938) и инструкциями органов городского управления. Было принято Постановление Совета народных комиссаров СССР от 17.04.43 № 410 «О работе дворников в г. Москве») – 62 722 чел.;

- штатом сельских исполнителей (сельский житель, исполняющий по поручению сельсовета обязанности по обеспечению правопорядка, личной и имущественной безопасности жителей в населенных пунктах, где не было милиции. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20.03.36 «О сельских исполнителях» – СУ РСФСР. 1936 № 7, ст. 40) – 171 885 чел. (ГАРФ. Ф. Р–9415. Оп. 3. Д. 28. Л. 42) (см. табл. 2).

Руководил всеми силами наружной службы милиции Отдел службы и боевой подготовки Главного управления милиции НКВД СССР (Отдел службы ГУМ) (ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1513. Л. 168–170) (схема 1).

Схема 1

СИЛЫ НАРУЖНОЙ СЛУЖБЫ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1949)

Главной функцией отдела и его органов на местах была организация наружной службы по охране общественного порядка. Наружная служба была организована согласно Уставу постовой службы милиции 1940 года, в соответствии с которым милиционер на посту обязан выполнять разнообразные и многочисленные обязанности, в том числе: задерживать лиц, совершающих или совершивших преступления и принимать меры к сохранению следов преступления и всей обстановки его совершения; прекращать хулиганские действия и задерживать хулиганов; не допускать и прекращать нарушения общественной тишины и спокойствия; не допускать нищенства, азартных игр и появления гадалок; задерживать беспризорных и безнадзорных детей и др. (ГАРФ. Ф. 9415. Он. 3. Д. 778. Л. 1–3). Аналогичные обязанности с учетом особенностей выполняли постовые милиционеры на железнодорожном и речном транспорте.

Органами милиции всех крупных городов на основе данных о состоянии преступности, интенсивности движения населения и транспортных средств, а также нарушений общественного порядка, были разработаны и утверждены дислокации наружных постов милиции, в которые, в зависимости от оперативной обстановки, времени года или каких-либо иных обстоятельств вносились соответствующие изменения. Вместе с тем была усилена подготовка постовых милиционеров и организован контроль за их работой на местах.

Для усиления милиции ряда крупных промышленных городов, где криминальная ситуация оставалась сложной, руководством страны было принято важное решение. 9 августа 1947 года Совет министров СССР принял Постановление «Об укреплении общественного порядка и улучшении работы органов милиции» в 12 городах особого списка, согласно которому милиция Москвы, Ленинграда с пригородными районами, Киева, Минска, Риги, Таллина, Вильнюса, Кишинева, Архангельска, Мурманска, Владивостока была переведена на особое положение¹ [Горохова, 2003]. В них подразделения милиции были реорганизованы по войсковому принципу. На личный состав управлений милиции распространялись уставы Советской армии, возлагались повышенные требования по обеспечению охраны общественного порядка и борьбе с преступностью.

¹В 1949 г. на особое положение была переведена милиция Выборга, Порккалле-Удд, Сочи, Симферополя, Севастополя, Алупки, Гурзуфа, Симеиза.

Для усиления охраны общественного порядка в сельской местности, где не было постовой службы, привлекались силы общественности. В соответствии с Директивой МВД СССР № 33 от 14 февраля 1947 года «Об усилении борьбы с уголовной преступностью и хулиганством в сельской местности» (ГАРФ. Ф. Р–9401. Он. 12. Д. 230. Т. 3. Л. 303–306 об.) в населенных пунктах были организованы группы охраны общественного порядка, которые оказали значительную помощь органам милиции в борьбе с преступностью в сельской местности.

Силами группы охраны общественного порядка (далее ГООП)² была организована охрана населенных пунктов, урожая на корню, складских помещений колхозов и совхозов. Данные формирования использовались на патрулировании в ночное время по улицам сел и деревень и по проверке сторожевой охраны колхозной собственности.

В соответствии с распоряжением МВД СССР за № 773 от 4 декабря 1947 года в целях унификации деятельности подсобных сил милиции, ГООП были реорганизованы в бригады содействия милиции по аналогии с действовавшими в городах.

Кроме того, в западных районах СССР, где после войны существовала проблема проявлений националистического бандитизма, возникла такая форма участия общественности в охране общественного порядка, как группы самоохраны. Группы самоохраны создавались, как правило, в сельской местности, где был недостаток личного состава органов милиции. В группы самоохраны входили бывшие военнослужащие, сотрудники органов правопорядка и партизаны. На постоянной основе они были вооружены трофейным гладкоствольным оружием. По состоянию на 1 января 1948 года в 1 057 колхозах западных областей Украинской ССР органами милиции при поддержке партийно-советских органов было организовано 947 групп самоохраны численностью 8 381 человек (ГАРФ. Ф. Р–9415. Он. 3. Д. 32. Л. 51).

В своей повседневной работе, кроме перечисленных форм организации общественности, органы милиции привлекали комендантов, дворников, сельских исполнителей и ночных сторожей.

На 1 января 1948 года в городах СССР насчитывалось 86 417 дворников. В большинстве городов было установлено дежурство дворников на постах по охране общественного порядка. В течение года на посты выставлялось ежедневно в среднем 14 199 человек.

В сельской местности, помимо групп охраны общественного порядка и бригады,

²ГООП – создана в феврале 1947 г.

участковому уполномоченному оказывали помощь сельские исполнители, которых на 1 января 1948 года насчитывалось 304 933 человека.

В 1948 году в действие был введен новый Устав постовой службы милиции, предусматривавший ряд новых положений: патрульная служба милиции, до этого носившая эпизодический характер, стала обязательной частью наружной службы (ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 73. Л. 58).

Устав определял порядок несения службы и права патрульных. В нем по-новому определялись обязанности и права постовых нарядов, предусматривалась организация офицерских постов милиции, устанавливалась категория постов, порядок закрепления за ними милиционеров, уточнялись правила составления дислокации, подчеркивалась строгая ответственность постовых и патрульных милиционеров за качество несения службы. Деятельность подразделений, несших наружную службу, подчинялась единому распоряжению: были закреплены постоянные сотрудники за постами, ночное патрулирование усилено за счет привлечения не только рядового и сержантского состава милиции, но и офицеров, а также военнослужащих внутренних войск и Советской армии (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 231. Т. 2. Л. 317).

После принятия Устава 1948 года в городах республиканского, краевого и областного значения были полностью реорганизованы крупные строевые подразделения милиции (отряды, дивизионы), предназначенные для несения службы на постах. Их личный состав передавался в подчинение городским отделениям милиции.

Руководство наружной службы добивалось повсеместного закрепления милиционеров за наружными постами, четкого знания своих обязанностей, образцового внешнего вида, строевой выправки и вежливого обращения с гражданами. В это время была произведена полная замена милиционеров женщин и мужчин старше пятидесятилетнего возраста.

ОХРАНА ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НАРУЖНОЙ СЛУЖБОЙ МИЛИЦИИ В 1945–1949 ГОДАХ

В первые послевоенные годы постоянно проводились мероприятия по усилению наружной службы милиции по охране общественного порядка.

В целях усиления борьбы с уголовной преступностью, давшей во второй половине 1945 года некоторый рост, главным образом за счет преступности лиц, освобожденных из мест заключения по амнистии от 7 июля 1945 года, Приказом НКВД СССР

№ 001222 от 17 октября 1945 года всем органам НКВД и милиции было предложено организовать ряд дополнительных мероприятий: на железнодорожных станциях, в портах и на пристанях усилить дежурства милицейских работников; организовать специальные заслоны милиции по недопущению амнистированных в режимные города; усилить наружную службу, особенно на рынках и в других общественных местах; при отправке транспортом крупных партий освобожденных выделять для сопровождения работников милиции с соответствующей агентурой (ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 214. Л. 1–3).

Для обеспечения содействия в борьбе с преступностью со стороны партийных и советских органов 16 ноября 1945 года Директивой НКВД СССР № 208 всем народным комиссарам внутренних дел республик, начальникам УНКВД краев и областей было предложено поставить вопрос о состоянии преступности на данной территории в партийных органах и просить вынесения решений, направленных на оказание помощи органам милиции в борьбе с преступностью. В результате в целях укомплектования органов милиции кадрами партийные и советские органы повсеместно выделили на работу в милицию коммунистов и комсомольцев. Комсомолом была оказана помощь в организации новых БСМ.

17 января 1946 года вышел Приказ НКВД СССР № 0053 от «Об усилении борьбы с преступностью, хулиганством и нарушениями паспортного режима» (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 230. Т. 2. Л. 2–3 об), в котором наружной службе милиции было поставлено ряд конкретных задач, в том числе: пересмотреть дислокацию наружных милицейских постов в городах и на железнодорожных вокзалах, увеличив их численность в 2–3 раза; прекратить использование рядового милицейского состава не по прямому назначению; установить ночное патрулирование на территории городов.

В марте 1946 года новым министром внутренних дел СССР генерал-полковником С. Н. Кругловым по вопросу борьбы с преступностью было проведено специальное совещание министров внутренних дел республик в начальников УМВД краев и областей (ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 28. Л. 3–4). На этом совещании было указано, что наружная служба милиции должна служить задачам борьбы с уголовной преступностью и оказывать в этом активную помощь уголовному розыску.

Обращаясь в телеграмме-распоряжении к министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД краев и областей № 270 от 19 ноября 1946 года С. Н. Круглов указывал, что «поддержание общественного порядка и создание совершенно

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ НАРУЖНОЙ СЛУЖБЫ МИЛИЦИИ В 1945–1946 ГОДАХ

	в 1945 г.	в 1946 г.
предупреждено преступлений	сведений нет	17 456
в % к общему числу	–	43,6 %
раскрыто преступлений	–	145 193
в % к общему числу	–	34,6 %
задержано уголовно-преступного элемента	402 855	395 102
в % к общему числу	–	49,0 %
нарушителей общественного порядка	314 747	854 326
нарушителей паспортного режима	653 136	669 662

спокойной обстановки, особенно в городах, сейчас является важнейшей нашей задачей... Ответственность за поддержание порядка и общественной безопасности в городах [перечень городов] возлагаю лично на Вас» (ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 12. Д. 231. Т. 2. Л. 463).

Далее министр обязал немедленно разработать по каждому перечисленному городу специальные мероприятия, в частности установить в каждом домовладении обязательное дежурство дворников, домовой администрации и усиленные обходы участковыми уполномоченными с привлечением бригадмилльцев.

Особо уделялось внимание общественным местам: необходимо было срочно навести порядок на рынках; очистить города от нищенствующего, бродячего элемента и беспризорных детей; усилить надзор за уличным освещением и за поддержанием паспортного режима; бараки, общежития, подозрительные квартиры, особенно на окраинах городов предписывалось проверять, как правило, не реже одного раза в неделю; в общественные места (кино, клубы, театры), помимо наружных милицейских постов, выставлять наружные посты из членов бригадымили. Министр призывал местных руководителей городских органов милиции: «Всеми силами органов милиции и общественности прекратить позорное явление в городах – дерзкие формы хулиганства» (ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 12. Д. 231. Т. 2. Л. 467).

В телеграмме (директиве) министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД краев и областей, начальникам управлений милиции МВД – УМВД, начальникам дорожных и водных отделов милиции № 280 от 29 ноября 1946 года С. Н. Круглов вновь призвал усилить наружную службу за счет привлечения и использования кадров всех органов МВД (войска, управления и отделы МВД – УМВД, органы милиции и т. д.): «Для успешного проведения всех

мероприятий, связанных с усилением борьбы с уголовной преступностью и поддержанием общественного порядка и спокойствия, привлечь весь оперативный состав органов, войск МВД и милиции, дислоцируемых на территории соответствующих республик, краев и областей. Повторяю – весь оперативный состав органов, войск МВД и милиции» (ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 12. Д. 231. Т. 2. Л. 461–462 об.).

Результаты работы наружной службы милиции в 1946 году по сравнению с 1945 годом по отдельным видам значительно улучшились (см. табл. 3).

На 1947 год по дислокации в городах СССР было предусмотрено выставлять 21 632 наружных и 11 615 внутренних постов в сутки (в односменном исчислении) (ГАРФ. Ф. Р–9415. Оп. 3. Д. 32. Л. 35). Кроме постовой службы, ежедневно в 1947 году в среднем по городам СССР дежурило 11 518 пар патрулей (более 50 тыс. человек).

В течение 1948 года наружной службой было пресечено 33 603 преступлений, или 46,1 % от общего числа пресеченных и предупрежденных милицией преступлений. Раскрыто 163 866 преступлений, или 36,4 % к общему числу раскрытых преступлений и задержано 297 423 преступника, что составляло 44,3 % от числа задержанных всей милицией. Наружной службой было задержано нарушителей: общественного порядка – 971 985, паспортного режима – 930 306, правил торговли – 381 947. Кроме этого, было подобрано 143 907 нищих, 219 319 пьяных, 138 664 беспризорных и 446 247 безнадзорных детей (ГАРФ. Ф. Р–9415. Оп. 3. Д. 73. Л. 61).

В течение 1948 года в связи с уменьшением уголовной преступности сеть наружных постов ежеквартально сокращалась. В ряде городов было прекращено патрулирование. В соответствии с директивой МВД СССР № 65 от 6 мая 1948 года

СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В 1946–1949 ГГ.

Вид преступления	Период			
	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
убийства, при разбойных нападениях с целью хищения государственного и общественного имущества и личной собственности граждан	1888	2827	893	910
другие убийства	8416	8327	4621	4493
кражи всех видов	328 328	332 677	147 765	107 574
кражи карманные	27 668	20 534	14 555	7331
бандитизм, разбойные нападения с целью хищения	29 424	22 508	9761	8742
дерзкое хулиганство	27 692	10 259	10 768	12 139
хулиганство ст. 74 ч. II	59 911	30 632	34 791	28 728
прочие	122 856	56 033	19 460	5844
Всего	606 186	483 797	242 614	175 761

«Об усилении работы по борьбе с уголовной преступностью и охране общественного порядка на весенне-летний период» (ГАРФ. Ф. Р–9401. Оп. 12. Д. 230. Т. 3. Л. 42–44) предписывалось пересмотреть дислокацию милицмейских постов по городам с учетом объектов особого значения (отделения госбанка, сберкассы, почтовые отделения, ювелир-торги) и так организовать постовую службу, чтобы места отдыха и гуляний трудящихся, а также места, неблагополучные по преступности и хулиганству, были обеспечены постовой службой. Предлагалось закрепить за этими постами наиболее способных и воспитанных милиционеров.

В результате предпринятых мер к 1949 году криминогенная обстановка в стране по сравнению с 1945 годом изменилась в лучшую сторону. Начиная с 1946 года уголовная преступность в Советском Союзе из года в год сокращалась. В 1949 году по сравнению с 1940 годом преступность уменьшилась на 413 741 преступление, или на 38 % (ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 231. Л. 11) (см. табл. 4).

Если в 1940 году на каждые 10 тыс. жителей приходилось в среднем 28 преступлений в год, то в 1949 году на это же число жителей только семь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в результате деятельности наружной службы органов милиции, действовавших в системе обеспечения общественной безопасности, начиная с 1946 года до 1949 года уровень преступности в стране постепенно снижался. Если в 1946 году было зарегистрировано около 606 тыс.

преступлений, то к началу 1950 года их число снизилось до 175 тыс., т. е. в 3,5 раза, причем процент раскрываемости составил 84,8 %.

17 октября 1949 года Главное управление милиции было передано из Министерства внутренних дел СССР в Министерство государственной безопасности СССР [Кокурин, Петров, 1998]. В результате в деятельности милиции по охране общественного порядка стали преобладать оперативные методы ведения работы, наружная служба начала выполнять вспомогательные функции.

Подводя итоги отметим особенности охраны общественного порядка наружной службой милиции в СССР в первые послевоенные годы:

- во-первых, рост криминальных проявлений был объективным следствием перехода страны к мирной жизни;

- во-вторых, руководство СССР еще до окончания войны обратило пристальное внимание на обеспечение общественной безопасности, принимая важные решения по организационному и нормативно-правовому изменению характера деятельности органов и войск правопорядка;

- в-третьих, для охраны общественного порядка использовались все возможные силы и средства, в том числе советских, хозяйственных, административных органов, вооруженных сил и сил правопорядка;

- в-четвертых, важную роль в нормализации жизни в стране и установлении правопорядка сыграла общественность, силы которой были мобилизованы и организованы в различные формы участия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам сборник документов / сост. К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. М. : Политиздат, 1968.
2. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годах: происхождение и последствия. М. : Институт Российской истории Российской академии наук, 1996.
3. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М. : Российская политическая энциклопедия. 1999.
4. Бурдс Д. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944–1953 годах // Социальная история. Ежегодник. 2000. С. 169–189.
5. Марценюк Ю. А. [и др.]. Исторический опыт участия органов и войск НКВД – МГБ – МВД СССР в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (1939–1960) / Ю. А. Марценюк, В. П. Баранов, А. С. Беркутов, И. Л. Кардаш, А. А. Климов. М. : На боевом посту, 2019.
6. Горохова В. В. Милиция городов особого списка // История органов внутренних дел России: сборник научных тр. / ВНИИ МВД России. 2003. Вып. 7. С. 39–47.
7. Кокурин А., Петров Н. МГБ: структура, функции, кадры // Свободная мысль. 1998. № 11. С. 112–120.

REFERENCES

1. Chernenko, K. U. et al. (1968). Resheniya partii i pravitelstva po hozyaistvennym voprosam = Decisions of the Party and the government on economic issues. Vol. 3. Moscow: Politisdat. (In Russ.)
2. Zima, V. F. (1996). Golod v SSSR 1946–1947 godov: proishozhdenye i posledstviya = Famine in the USSR 1946–1947: origin and consequences. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (In Russ.)
3. Zubkova, E. Y. (1999). Poslevoennoe sovetskoe obschestvo: politika i povsednevnyjst. 1945–1953 = Post-war Soviet Society: Politics and Everyday Life. 1945-1953. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (In Russ.)
4. Burds, D. (2000). Borba protiv banditisma v SSSR v 1944–1953 = The fight against banditry in the USSR in 1944–1953. Social History Yearbook. (In Russ.)
5. Marzenuk, U.A. et al. (2019). Istoricheskii opyt uchastiya organov i voysk NKVD-MGB-MVD v ohrane obschestvennogo poryadka i obespechenii obschestvennoi bezopasnosti (1939–1960) = Historical experience of the participation of NKVD-MGB-MVD bodies and troops of the USSR in the protection of public order and ensuring public safety (1939–1960) / U. A. Marzenuk, V. P. Baranov, A. S. Berkutov, I. L. Kardash, A. A. Klimov. Moscow: Editorial board of the magazine “On a combat post”. (In Russ.)
6. Gorokhova, V. V. (2003). Miliitiya gorodov osobogo spiska = Militia of cities of a special list. History of the internal affairs bodies of Russia: Collection of scientific papers Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Issue 7, 39–47 (In Russ.)
7. Kokurin, A., Petrov, N. (1998). MGB: struktura, funkzii, kadry = MGB: structure, functions, personnel. Free Thought, 11, 112–120. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беркутов Андрей Сергеевич

кандидат исторических наук, начальник отделения Научного центра стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Berkutov Andrej Sergeevich

PhD (History), Head of the Scientific Division of the Scientific Center for Strategic Studies of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 13.12.2021
одобрена после рецензирования 04.02.2022
принята к публикации 08.02.2022

The article was submitted 13.12.2021
approved after reviewing 04.02.2022
accepted for publication 08.02.2022

Научная статья

УДК 94(970)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_83

Квартирный вопрос и застолья: проблемы советского общества с пьянством в брежневскую эпоху

В. Н. Горлов¹, С. Н. Артёмов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹gorlov812@mail.ru

²asn66@list.ru

Аннотация. В статье исследуются причины роста пьянства в советском государстве в 1960–1970-е годы и неэффективности антиалкогольной политики. Жилищная неустроенность стала основным алкоголизирующим фактором рабочей молодежи. Финансовые интересы страны не совпадали с антиалкогольной политикой государства. Советскому государству не удалось найти оптимального соотношения регулирующей и фискальной функции, что важно для понимания экономической и социальной политики государства.

Ключевые слова: общежитие, коммунальные квартиры, бытовые удобства, потребление алкоголя, жилищная неустроенность, лимитчики

Для цитирования: Горлов В. Н., Артёмов С. Н. Квартирный вопрос и застолья: проблемы советского общества с пьянством в брежневскую эпоху // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 83–90. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_83

Original article

Housing Issues and Feasts: Problems of Soviet Society with Drunkenness in the Era of Stagnation

V. N. Gorlov¹, S. N. Artemov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹gorlov812@mail.ru

²asn66@List.ru

Abstract. The article examines the reasons for the growth of drunkenness in the Soviet state in the 1960s and 1970s, the reasons for the ineffectiveness of the state's anti-alcohol policy. Housing insecurity has become the main alcoholizing factor of working youth. The financial interests of the country did not coincide with the anti-alcohol policy of the state. The Soviet state failed to find the optimal ratio of regulatory and fiscal functions, which is important for understanding the economic and social policy of the state.

Keywords: dormitories, communal apartments, household amenities, alcohol consumption, housing insecurity, workers on a quota

For citation: Gorlov, V. N., Artemov, S. N. (2022). Housing issues and feasts: problems of Soviet society in the era of stagnation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 83–90. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_83

ВВЕДЕНИЕ

В Советском Союзе в конце 1960-х годов стали замедляться процессы общественного развития и обострилась проблема пьянства. Многие причины (жилищная неустроенность, слабая социально-бытовая инфраструктура, одинаковые заработки на производстве и др.) привели к прекращению новаторских поисков, переоценке нравственных установок и, как следствие, ослаблению дисциплины, росту потребления винно-водочной продукции.

Характерной чертой брежневской эпохи стало потребление алкогольных напитков различными социальными группами советского населения. Пили даже те, кто по роду своей службы должны были демонстрировать презрение к алкоголю. Среди сотрудников органов внутренних дел, психиатров, тренеров было много тех, кто говорил о вреде алкоголя, но почти все они сами употребляли спиртные напитки. Советский философ А.А. Зиновьев предполагал, что «пьянство упрощало все наши отношения, умеряло карьеристские устремления и служебное рвение. У нас вели ожесточенную борьбу с пьянством, но вряд ли искренне» (*Мегаполис-Новости*, № 52, 25.12.2002, с. 14–15).

Потребление алкоголя рассматривалось как одна из форм реагирования людей на социальную действительность и происходящие в ней процессы. Руководство страны было обеспокоено ростом пьянства в советском государстве, всерьез считая этот рост признаком недовольства советских граждан. Неутешительная статистика показывала, что количество алкоголиков среди взрослого населения составляло 3–4 %, пьяниц – 9–11 %, а умеренно пьющих – 70–74 % [Гишинский, Афанасьев, 1993]. Согласно статистическим данным с начала 60-х и до начала 80-х годов выросло потребление спиртных напитков в несколько раз. Писатель Вениамин Ерофеев отмечал: «О блаженнейшее время в жизни моего народа – время от открытия и до закрытия магазинов!» (*В. Ерофеев. Москва-Петушки*).

ФИНАНСОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

В эпоху руководства Л. И. Брежнева происходил безудержный рост продажи алкоголя. За 1960–1984 годы объем производства коньяка возрос в 6,6 раза, плодово-ягодных вин – в 5,5 раза, шампанского – в 6,8 раза [Народное хозяйство СССР, 1987, с. 272]. Продажа хлебных, кондитерских изделий, масла, рыбы по темпам роста явно уступала винно-водочным изделиям [Народное хозяйство СССР, 1964].

В сельской местности в связи с неудовлетворительным состоянием торговли давно сложилась традиция самодельного производства крепких спиртных напитков. Возрастающие масштабы распространения самогонарения в стране определить было просто невозможно, для самогонщиков наступила золотая эпоха. Деревенские жители перешли исключительно на самогон. Меры, принимаемые против самогонарения, были самые суровые. Согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» уголовной ответственности подвергались не только непосредственные производители самогона, но и лица, способствующие изготовлению самогона [Законодательство о борьбе с пьянством и алкоголизмом, 1985].

Брежневскую эпоху можно считать «золотыми временами» водки. Водка «Столичная» получила громадную популярность в мире, ее экспорт принес СССР в 1960–1970-е годы миллиардные прибыли. Водка оставалась напитком № 1 в СССР, несмотря на невиданное производство винной продукции [Нужный, 2001]. Руководители советского государства были серьезно озабочены опасной тенденцией, поэтому неоднократно предпринимались меры, направленные на ограничение производства и продажи крепких спиртных напитков. Одновременно в разы выросло производство плодово-ягодных вин. Такие напитки народ прозвал «бормотухой». Среди населения СССР начало постепенно подрастать поколение, воспитанное не на водке, а на «бормотухе», к производству которой приобщились сотни колхозов и совхозов, многие из которых сделали эту отрасль основным источником доходов. В начале 1980-х годов 70 % собираемых овощей и фруктов использовались не на изготовление всевозможных соков, укрепляющих здоровье населения, а на расширение приготовления алкогольной продукции (*Аргументы и факты*. 1986. № 37).

К концу брежневской эпохи большое число алкоголиков, поступивших в больницы и в медицинские вытрезвители, пострадало именно от «бормотухе»: «...если в 1964 году среди лиц, подобранных в состоянии сильного алкогольного опьянения, 81,7 % употребляли накануне водку и только 11,9 % – крепленые вина, то в 1978 году причиной тяжелого отравления в 44 % случаев была «бормотуха»» [Нужный, 2001, с. 243].

Денежные поступления от алкоголя эффективно пополняли государственную казну. Бюджетный баланс в СССР во многом зависел от

продажи главного алкогольного продукта. Сокращение доходов от продажи алкоголя привело бы к срыву реализации социальных программ. Доходы бюджета от продажи винно-водочной продукции в СССР порождали обманчивые суждения о сбалансированности между увеличивающимся платежеспособным спросом населения страны и незначительной степенью предложения.

Брежневский период антиалкогольной кампании наступил после Постановления ЦК КПСС и СМ СССР № 361 в мае 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» [Справочник партийного работника, 1973]. В антиалкогольной кампании предлагалось соединить деятельность общественных и правительственных учреждений. Постановление предлагало усилить антиалкогольную пропаганду министерствам здравоохранения и культуры, Госкомитету по физической культуре и спорту и др. Значительно была расширена сеть медицинских вытрезвителей. Постановление намечало прекращение продажи водочных изделий в розничной торговой сети, разрешив продажу только в специализированных магазинах, уделялось особое внимание защите несовершеннолетних от алкоголя. Однако Постановление мало изменило ситуацию в стране.

Отметим, что и при Н. С. Хрущеве, и при Л. И. Брежневе пьянство признавалось как часть вредных и позорных остатков капитализма, считалось, что в советском обществе не может быть функциональных причин для подобных явлений. Поэтому советское государство продолжало усиливать судебные и административные меры репрессивного характера.

В основном лишь учреждения министерства здравоохранения последовательно проводили антиалкогольную политику. Государственной поддержкой пользовалось спортивное движение, что являлось одним из направлений политики государства против пьянства. Однако государство сделало акцент не на широкое развитие физкультурного движения, а на подготовку спортсменов, побеждающих на Олимпийских играх.

Продажа алкогольных напитков приносила огромный доход в бюджет государству. Планы продажи алкоголя должны были, безусловно, выполняться. Однако огромные прибыли государства не могли компенсировать человеческие жизни, потерянные в болезнях от безудержного пьянства, дорожных авариях из-за пьяных водителей. По официальным данным смертность алкоголезависимых граждан в три раза превышала смертность среди трезвых граждан (*Известия*, 04.11.1965).

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС КАК АЛКОГОЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР

Распространению пьянства в стране содействовал и процесс урбанизации. Сельские жители, попадая в непривычную городскую среду, были социально слабо защищены, что толкало менее устойчивых граждан к потреблению спиртных напитков. Не приходится удивляться, что они значительно чаще совершали преступления, чем постоянные жители Москвы. Это становилось настоящей проблемой для столичного руководства.

Население столицы увеличивалось гораздо быстрее, чем планировалось. Руководство столичных предприятий для ликвидации недостатка рабочих рук выбивало лимиты на прописку. Лимитчики волей-неволей оказывались в крепостнической зависимости от руководителей своих предприятий, к которым были привязаны временной московской пропиской и мечтой о постоянной прописке. Если они потеряли бы работу, то неизбежно потеряли бы и право проживания в столице. Такие психологические проблемы многие пытались компенсировать алкоголем.

Временные потребности рабочей молодежи материально воплощались в таком специфическом советском типе жилища как общежитие, в которых проживала большая часть советской молодежи. Она находилась в отсутствии собственной семьи, в обстановке, не приспособленной для полноценного отдыха. Существовал большой разрыв между социально-экономическими успехами СССР и отсталостью бытового устройства части населения страны.

Квартирный вопрос больше других факторов повлиял на алкоголизацию советского общества. После жестких государственных мер, направленных на ужесточение ответственности за присутствие нетрезвых граждан в публичных местах, пьянство переместилось в основном в семьи и общежития.

Даже в центральных газетах можно было прочитать о досуге молодежи, проживающей в общежитиях: «Идешь по коридору, а из комнаты доносится: король, дама, очко, или же: налей, Вася!» (*Комсомольская правда*, 24.12.1955). Неблагоприятная обстановка общежитий рабочей молодежи не всегда способствовала устойчивым моральным принципам. Мигранты постепенно «разбавляли» городскую жизнь деревенскими традициями, деревенскими нормами поведения, деревенской общинностью, где отсутствовала приватность личной жизни. Хорошо об этом заметил советский поэт Е. Исаев: «Мы в городе живем, а в нас живет деревня...» (*Е. Исаев. И век и миг...*).

Многие советские граждане не имели своего жилья, более 11 млн человек вынуждены были жить

в общежитиях, почти 15 млн советских граждан стояли в очереди на улучшение жилья (*Комсомольская правда*, 22.11.1989). Среди тех, кто стоял на наркологическом учете в СССР, проживающие в коммунальных и в общежитиях, составляли более половины.

Повседневная жизнь в советских рабочих общежитиях была абсолютно прозрачной, понятие «общее» распространялось и на личные вещи, и на личное время, к чему привыкнуть мог не каждый человек. Казарменная обстановка, перенаселенность, частые вечеринки огрубляли душу, способствуя потреблению спиртных напитков. Перманентное посягательство личного пространства, личной территории жителя коммуналки становилось настоящей психологической проблемой. Присутствие в коммунальных квартирах пьяниц заставляло соседей подстраиваться, адаптироваться к постоянному нарушению права на отдых. Соседи не имели права на самосуд, а милиция связываться с домашними алкоголиками желания не имела: «Коммунальная квартира? ... Разбирайтесь между собой сами!»

Коммунальная неустроенность, квартирные склоки, очереди на получение жилья создавали очень напряженную обстановку в общежитиях, коммунальных квартирах. Пьянство в общежитиях и коммунальных квартирах отнюдь не способствовало нормальному проживанию. Проживающим в коммунальных квартирах всё время приходилось писать жалобы во всевозможные учреждения на соседей-пьяниц, дебоши которых не давали покоя всем жителям. Пьяниц прорабатывали на партийных и профсоюзных собраниях, в товарищеских судах при жэках.

Из-за проблем с алкогольной зависимостью в общежитиях для рабочих была самая напряженная криминогенная обстановка. Общежития попадали под особый надзор отделений милиции. Постоянный повышенный контроль, бдительность органов правопорядка по отношению к общежитиям подтвердили слова начальника Первомайского УВД столицы А. М. Попова: «В районе за появление на улице в нетрезвом виде и распитие в общежитии спиртных напитков ежегодно лишались прописки более двухсот лимитчиков» (*Огонёк*. 1987. № 41, с. 14). И несмотря на жесткие меры, предпринимаемые к алкоголикам, неудовлетворенность жилищными условиями, отсутствие отдельной квартиры приводило к бесконтрольному распитию спиртного, причем не только в общежитии, но и на рабочем месте. Среди граждан, доставленных в медвытрезвитель, от 75 до 80 % были работники производства, что значительно превышало долю среди других категорий населения [Константиновский, 1989]. Жилищная неустроенность рабочей молодежи служила причиной того, что отдельные работники, не достигшие 20 лет, оказывались

хроническими алкоголиками. Несмотря на то, что органам правопорядка разрешались жесткие меры по пресечению алкогольных дебошей, хулиганств, проконтролировать употребление алкоголя в жилых помещениях было сложно.

Квартирный вопрос, проблемы жилищной неустроенности обсуждались в средствах массовой информации. И демографы, и социологи не переставали говорить о влиянии жилищной неустроенности, нерешенности квартирного вопроса на текучесть рабочих кадров на предприятиях, расторжение браков среди рабочей молодежи, неумеренное употребление винно-водочной продукции. Большое внимание власти уделяли социальным аспектам пьянства, использовали для борьбы с ним нормы семейного и гражданского законодательства. Особое значение придавалось защите от алкоголя несовершеннолетних. Органы государства ограничивали дееспособность лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, воздействуя на сферу их интересов и имущественных прав. Государственным органам приходилось прибегать к суровым мерам по лишению родительских прав, чтобы изолировать детей от разрушающего воздействия алкоголиков. Изучение бытовых условий семей несовершеннолетних правонарушителей обнаружило, что в 30 % случаев их родители употребляли спиртные напитки [Миньковский, 1965].

Государство очень серьезно боролось с квартирным хулиганством, связанным в первую очередь с бытовым пьянством. Июльский 1966 года Указ Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство» дал очень большие права органам милиции по жесткому пресечению пьяных дебошей в рабочих общежитиях, коммунальных квартирах. В то же время по этому Указу допускалась и «безвиновная» ответственность, т. е. это административный штраф на родителей за пьянствующих подростков, не достигших 16 лет [Кириченко, 1967].

В брежневскую эпоху органы правопорядка привлекли миллионы граждан к административной ответственности за алкогольные распития в общественных местах. В 1964 году в СССР были открыты первые лечебно-трудовые профилактории (ЛТП). Это были крупные реабилитационные центры с целью не только принудительно лечить злостных пьяниц, но и перевоспитывать их трудом. В марте 1974 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» [Законодательство, 1985. В 1970-х и начале 1980-х годов эти заведения, принадлежащие системе МВД, становятся массовыми. Профилактическими они назывались совершенно

формально, на практике это были трудовые лагеря – с военизированной охраной и принудительным трудом, средством изоляции алкоголиков от остального общества, а также источником дешевого труда для государства.

В 1970-е годы дополнительно открылось большое количество медицинских вытрезвителей, которые стали распространенной формой борьбы с пьянством силами милиции. Это были специализированные учреждения, подчиняющиеся органам внутренних дел. В 1980 году в вытрезвители было отправлено 7 101,1 тыс. человек, было совершено 416,3 тыс. преступлений в состоянии опьянения [Власов, 1988, с. 25]. Вытрезвители не вмещали всех нуждающихся в помощи. Наркологические больницы и лечебно-трудовые профилактории были переполнены.

Заметим, что домашнее поведение в советской семье воспринималось как общественное поведение. Однако реальная действительность показала, что жесткий курс на общественное влияние, на товарищеские суды и другие формы социального воздействия на граждан порой не всегда оказывался эффективным. В семейно-бытовой сфере общественный контроль над умеренным употреблением спиртного был трудноуправляем. В результате наблюдался устойчивый рост преступлений на бытовой почве после квартирных застолий.

Стимулирование трудовой деятельности рабочей молодежи на предприятиях во многом было связано с решением жилищной проблемы. Крупнейшее предприятие столицы – завод им. Лихачева (ЗИЛ) – москвичи называли «зоной измученного лимита», так как очень большую долю рабочих составляли лимитчики и пациенты наркологического стационара. Особенно угнетала работа на конвейере, которая вызывала психологическое утомление, требующее разрядки. Москвичи не считали работу на автозаводе престижной, рассматривая это предприятие участием алкоголиков, лимитчиков.

Всего в общежитиях рабочей молодежи завода им. Лихачева в 1970-е годы проживало более 16 тыс. человек (ЦГА1 Москвы. Ф. П-433. Оп. 17. Д. 12. Л. 22). Положение дел в общежитиях вызывало серьезное беспокойство. В общежитиях постоянно наблюдались пьянство, драки, которые нередко не разбирались советом общежития, не мобилизовали остальных проживающих на ликвидацию этих явлений. Так, во время проверки общежития ЗИЛа в Бирюлеве были задержаны и сданы в 55-е отделение милиции группы проживающих в общежитии за жестокую драку. Все они были в нетрез-

вом состоянии (ЦГА Москвы. Ф. П-433. Оп. 18. Д. 15. Л. 68). Один из руководителей ЗИЛа был вынужден признать: «Недостаточную политико-воспитательную и идеологическую работу характеризуют следующие факты: по Пролетарскому району было совершено 20 преступлений, в которых приняли участие 21 человек и 19 из них работали на ЗИЛе. В основном совершались преступления, связанные с хулиганством и пьянством» (ЦГА Москвы. Ф. П-433. Оп. 16. Д. 6. Л. 39).

Секретарь МГК КПСС В. И. Прохоров на совещании по культурно-бытовому обслуживанию в общежитиях рабочей молодежи утверждал: «В общежитиях мы можем встретить кого угодно на должности коменданта и даже на должности воспитателя. Это люди, которые снимались с работы за пьянство, хулиганство, а их назначают воспитателями. Что они могут дать молодежи, когда они сами разложившиеся люди в моральном и бытовом отношении. Много случаев, когда вокруг общежитий затеваются драки, кончающиеся даже смертельным исходом. Куда пойти молодежи, чем занять ей досуг, куда девать энергию?» (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 88. Д. 14. Л. 177).

Доходило нередко и до таких производственных моментов, когда руководители ряда предприятий старались скрыть факты появления нетрезвых рабочих на производстве. Им приходилось нарушать всевозможные инструкции из-за нехватки кадров. Надо отметить, что воспитательная роль бригадиров и мастеров не приносила эффекта из-за того, что и они часто находились на работе в нетрезвом состоянии. Тенденции увеличения потребления алкогольных напитков на производстве принимали просто угрожающий характер. Алкоголизм достиг невиданных ранее масштабов. Соответственно возросло и количество пьяных аварий на дорогах, несчастных случаев на производстве и преступлений в состоянии опьянения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многовековая общинность русской жизни вполне соответствовала коммунальным квартирам, общежитиям, которые были своеобразным социокультурным памятником советской эпохи, зеркалом советского образа жизни. Коммунальные взаимоотношения советских граждан представляли собой специфический образ жизни, были довольно сложными и противоречивыми. Отсутствие обычного деревенского семейного и соседского контроля способствовало тому, что многие сельские мигранты не смогли адаптироваться к жилищной

¹ЦГА – Центральный государственный архив

тесноте общежитий и коммунальных квартир, соскальзывая на девиантное поведение. Всё это неизбежно переполняло стрессами повседневную жизнь в стесненных жилищных условиях и подталкивало к злоупотреблению спиртными напитками. Квартирный вопрос, жилищная неустроенность превращались в установленный порядок жизни, который воспроизводился, копировался в городскую обстановку. Наследие барачной субкультуры оказывалось значительным и довольно заметным в общепризнанных городских нормах жизни. Недоразвитая социальная инфраструктура также влияла на алкоголизацию рабочей молодежи.

Считалось, что при построении коммунистического общества пьянство в принципе быть не могло. Однако никакие постановления партийного руководства не смогли решить эту важную проблему. Регулирование поведения советских граждан введением жестких санкций (перенос очереди на получение жилплощади на более поздний срок или снятие с очереди вообще и т. п.) только выявили ошибки и упущения в организации социальных процессов. Вся мощь советского государства оказалась недостаточной для преодоления спаивания народа.

Запретительные и административные меры по отношению к гражданам, злоупотребляющим алкоголем в общественных местах, изменили систему употребления спиртных напитков. Из досуговой сферы распитие винно-водочных изделий распространилось в основном в бытовую сферу (квартирное застолье, общежития), где последствия были еще более негативные, так как в пьянство вовлекались члены семьи.

Пьянство и алкоголизм стали реальностью советского общества 1960–1970 годов. В стране образовалось патовое положение в отношении государственных органов к пьянству советских граждан. Государственная политика в социальной области по большей части зависела от прибыли от продажи алкогольных напитков, пополняющей доходную часть бюджета государства. Сокращение доходов от продажи алкоголя привело бы к срыву реализации социальных программ. Доходы бюджета от продажи винно-водочной продукции порождали обманчивые суждения о сбалансированности между увеличивающимся платежеспособным спросом населения страны и незначительной степенью предложения.

Советское государство выполняло и регулируемую, и фискальную функцию. Но оптимального соотношения кнута и пряника руководству советским государством так найти и не удалось. Акценты периодически смещались либо на борьбу с девиантным поведением от алкогольных

возлияний, либо на противодействия традиционным, довольно умеренным формам алкогольного потребления. Всё это не приводило к эффективным результатам и не меняло существующую алкогольную обстановку.

Экономические интересы советского государства не совпадали с ужесточением наказаний граждан, злоупотребляющих спиртными напитками, поэтому антиалкогольная политика советского государства была малоэффективна, хотя административного рвения по выполнению постановлений было достаточно.

В постановлениях и указах 1972 и 1974 годов по борьбе с пьянством предусматривались меры преимущественно административного, культурно-воспитательного и медицинского характера, которые изменить ситуацию уже не могли. Мощная государственная машина контроля и наказания в результате показала себя недостаточно эффективной, чтобы преодолеть пьянство среди советских граждан. Общегосударственные меры, неоднократно предпринимаемые, как правило, приводили к последующему углублению проблем, связанных с алкогольными возлияниями граждан.

Усилия по преодолению пьянства страдали неопределенностью. Альтернатива пьянству в области досуга в брежневскую эпоху так и не была создана. Проблема разумного использования свободного времени осталась нерешенной. Улучшение жилищных условий было самой настоятельной потребностью рабочих, мечтающих переселиться в отдельную квартиру. Это показывало, что необходимо было принять меры по предоставлению достойных условий жизни граждан. Социокультурные противоречия возникли из постепенного заполнения столичных норм жизни непривычными стандартами социального поведения выходцев из сельской местности. Происходило размывание и культурных стандартов. Традиции целостной городской среды игнорировались.

Без всякого сомнения, рост потребления алкогольной продукции во многом зависел от неблагоприятного положения в жилищно-бытовой сфере. Стесненные жилищно-бытовые условия стали объективными факторами, влияющими на асоциальные нормы поведения, на застольный образ жизни. Проблемы советского общества с пьянством, последствиями застолий, жилищные проблемы не исчезали и продолжали составлять отличительную черту советского быта. До сегодняшнего дня деревенские коммунальные стандарты, коммунальное жилье, слабость бытовой инфраструктуры отражают целый слой городского бытия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гилинский Я. И., Афанасьев В. С. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения. СПб. : Филиал Института социологии РАН, 1993.
2. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М. : Финансы и статистика, 1987.
3. Народное хозяйство СССР в 1963 году. М. : Статистика, 1964.
4. Законодательство о борьбе с пьянством и алкоголизмом. М. : Юридическая литература, 1985.
5. Нужный В. П. Вино в жизни и жизнь в вине. М. : СИНТЕГ, 2001.
6. Справочник партийного работника. М. : Госполитиздат, 1973.
7. Константиновский В. А. Социальные проблемы пьянства и алкоголизма. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1989.
8. Миньковский Г. М. Некоторые вопросы изучения преступности несовершеннолетних // Предупреждение преступности несовершеннолетних. М. : Юридическая литература, 1965. С. 24–49.
9. Кириченко В. Ф. Развитие уголовного законодательства о хулиганстве в указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 года «Об усилении ответственности за хулиганство» // О мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка. М. : НИИРИО ВШ МООН СССР, 1967. С. 18–28.
10. Власов А. Укреплять законность, правопорядок // Политическое самообразование. 1988. № 14. С. 21–26.

REFERENCES

1. Gilinsky, Ya. I., Afanasyev, V. S. (1993). Sociologiya deviantnogo (otklonyayushchegosya) povedeniya = Sociology of deviant (deviant) behavior. St. Petersburg: Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
2. Narodnoe hozyajstvo SSSR za 70 let (1987) = The national economy of the USSR for 70 years. Moscow: Finansy i statistika. (In Russ.)
3. Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1963 godu (1964) = The national economy of the USSR in 1963. Moscow: Statistika. (In Russ.)
4. Zakonodatel'stvo o bor'be s p'yanstvom i alkogolizmom (1985) = Legislation on combating drunkenness and alcoholism. Moscow: Juridicheskaja literatura. (In Russ.)
5. Nuzhny, V. P. (2001). Vино v zhizni i zhizn' v vine = Wine in life and life in wine. Moscow: SINTEG. (In Russ.)
6. Spravochnik partijnogo rabotnika. Moscow: Gospolitizdat, 1973.
7. Konstantinovskiy, V. A. (1989). Social'nye problemy p'yanstva i alkogolizma = Social problems of drunkenness and alcoholism. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
8. Minkovsky, G.M. (1965) Nekotorye voprosy izucheniya prestupnosti nesovershennoletnih (pp. 24–49). = Some issues of studying juvenile delinquency. Prevention of juvenile delinquency. Moscow: Juridicheskaja literatura. (In Russ.)
9. Kirichenko, V.F. (1967). Razvitie ugolovnogogo zakonodatel'stva o huliganstve v ukaze Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyulya 1966 goda "Ob usilenii otvetstvennosti za huliganstvo" = Development of criminal legislation on hooliganism in the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated July 26, 1966, "On strengthening of responsibility for hooliganism". On measures to strengthen the fight against violations of public order. Moscow: Niilo VSH MOOP USSR, 18–28. (In Russ.)
10. Vlasov, A. (1988). Ukreplyat' zakonnost', pravoporyadok = to Strengthen the rule of law, the rule of law. Politicheskoe samoobrazovanie, 14, 21–26. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

Артёмов Сергей Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies of the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Moscow State Linguistic University

Artemov Sergej Nikolaevich

Doctor of History (Dr. habil), Professor, Head of the Department of Historical Sciences and Archival Studies,
Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.01.2022
одобрена после рецензирования 25.01.2022
принята к публикации 11.01.2022

The article was submitted 11.01.2022
approved after reviewing 25.01.2022
accepted for publication 11.01.2022

Научная статья

УДК 94(47):356/359(47)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_91

Особенности деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской ССР (1944–1945)

А. А. Климов

Научный центр стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия

andrey_klimov1968@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с националистическими формированиями на территории западных областей Украинской ССР в 1944–1945 гг. Приведены примеры борьбы с националистическим подпольем украинских националистов и применение внутренних войск НКВД СССР при разгроме бандформирований украинских националистов.

Ключевые слова: внутренние войска, войска НКВД СССР, операция, украинские националисты, бандеровцы, Украинская ССР, мирное население

Для цитирования: Климов А. А. Особенности деятельности органов и войск НКВД СССР по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской ССР (1944–1945) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 91–94. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_91

Original article

Features of the Activities of the Bodies and Troops of the NKVD of the USSR in the Fight against Ukrainian Nationalists on the Territory of the Western Regions of the Ukrainian SSR (1944–1945)

A. A. Klimov

Scientific Center for Strategic Studies of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia

andrey_klimov1968@mail.ru

Abstract. The article examines the features of the activities of the organs and troops of the NKVD of the USSR in the fight against nationalist formations in the western regions of the Ukrainian SSR in 1944–1945. Examples of the struggle of personnel with the nationalist underground of Ukrainian nationalists, characteristic features of the use of internal troops of the NKVD of the USSR in the defeat of gangs of Ukrainian nationalists are presented.

Keywords: internal troops, NKVD of the USSR, operation, Ukrainian nationalists, Bandera, Ukrainian SSR, civilians

For citation: Klimov, A. A. (2022). Features of the activities of the bodies and troops of the NKVD of the USSR in the fight against Ukrainian nationalists on the territory of the western regions of the Ukrainian SSR (1944–1945). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 91–94. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_91

ВВЕДЕНИЕ

В начале 1944 года оперативная обстановка на советско-германском фронте и ситуация внутри страны обусловили возникновение факторов, которые оказали значительное влияние на изменение организационной структуры Народного комиссариата внутренних дел (Наркомат внутренних дел, НКВД) СССР и деятельность органов и войск НКВД СССР по выполнению поставленных задач, в том числе по борьбе с украинскими националистами.

Важнейшим из факторов, являлось освобождение от немецко-фашистской оккупации западных областей Украинской ССР, что привело к активизации деятельности националистических формирований Организации украинских националистов (ОУН) и бандитских групп Украинской повстанческой армии (УПА). Поэтому на органы и войска НКВД СССР были возложены задачи по ликвидации бандитизма и националистических формирований на территории западных районов Советского Союза. Для этого руководство Наркомата внутренних дел направило в освобожденные районы страны дополнительные войсковые формирования и лучшие кадры оперативных работников из центральных и восточных регионов СССР.

СЛУЖЕБНО-БОЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ И ВОЙСК НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С УКРАИНСКИМИ НАЦИОНАЛИСТАМИ

Силовой составляющей борьбы с националистическим подпольем украинских националистов были внутренние войска НКВД, которые в ходе чекистско-войсковых (специальных) операций ликвидировали банды националистов. Для более эффективного использования войск был создан Украинский округ внутренних войск НКВД СССР.

Только в начале 1944 года войсками НКВД Украинского округа во взаимодействии с органами внутренних дел и государственной безопасности Украинской ССР было ликвидировано 77 националистических формирований, но обстановка в освобожденных районах продолжала оставаться сложной, в связи с чем руководство НКВД СССР принимало срочные меры для борьбы с националистическими формированиями (ГАРФ¹. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 99. Л. 216–218).

1 мая 1944 года Управление внутренних войск НКВД Украинского округа доложило командующему войсками 1-го Украинского фронта Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову о результатах

чекистско-войсковой (специальной) операции по ликвидации националистических формирований ОУН – УПА в кременецких лесах Ровенской области. Операция продолжалась семь суток, в течение которых произошло 26 боевых столкновений и было уничтожено большое количество бандформирований украинских националистов.

В результате проведенной работы по ликвидации националистических формирований в первой половине 1944 года войсками и органами НКВД было уничтожено 16 338, взято в плен 15 991 и явились с повинной 2 549 членов ОУН–УПА; были выявлены и арестованы 285 немецких агентов, 2 922 бывших полицейских, 520 бывших старост [НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом ... 2008, с. 426].

Боевые столкновения с украинскими националистами не обходились без потерь со стороны военнослужащих, сотрудников НКВД СССР и других взаимодействующих силовых структур. В этот период при проведении чекистско-войсковых (специальных) операций было убито 700 и ранено 562 оперативных работника НКВД – НКГБ, офицеров и красноармейцев войск НКВД и Красной армии (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 66. Л. 131).

Националистические формирования украинских националистов нападали на сельские советы, колхозы, тыловые подразделения, склады, районные отделы НКВД. Только с 26 июля по 11 августа 1944 года оуновцами были убиты и ранены 143 человека. Пропали без вести 60 человек (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 66. Л. 23–237).

Основной формой применения внутренних войск НКВД являлись чекистско-войсковые (специальные) операции органов и войск НКВД по поиску и ликвидации националистических формирований оуновского подполья одновременно на большой территории. Например, в ходе чекистско-войсковых (специальных) операций в районах Львовской области, проведенных личным составом внутренних войск НКВД Украинского округа, в августе 1944 года было убито 1 252 бандита, из них 100 немцев, захвачено 316 бандитов, арестовано 720 участников ОУН–УПА (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 24).

В октябре 1944 года – мае 1945 года, понеся большие потери, украинские националисты изменили тактику вооруженной борьбы. 10 октября 1944 года командованием УПА была издана инструкция для бандгрупп, в которой предписывалось перейти к диверсионным формам борьбы.

Бандгруппы численностью 20–30 человек объединялись в более крупные отряды только для проведения крупных диверсионных акций. Изменилась и тактика их действий. Они старались избегать открытых столкновений с войсками, предпочитали внезапные нападения и действия из засад,

¹ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

уходя от преследования. Украинские националисты прятались в подземных укрытиях (схронах) и периодически нападали на партийных и советских работников, в том числе из местного населения (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 47).

Войска и органы НКВД принимали решительные меры к уничтожению бандформирований украинских националистов. Например, 12 февраля 1945 года подразделениями 203-го отдельного стрелкового батальона войск НКВД был разгромлен штаб командира бригады УПА Ярko [Внутренние войска в Великой Отечественной войне ... 1975].

Штаб внутренних войск НКВД Украинского округа 17 апреля 1945 года направил Приказ № 00823 всем командирам бригад и отдельных полков внутренних войск НКВД Украинского округа, в котором указал, что опыт оперативно-боевой деятельности наших войск по ликвидации банд УПА и оуновского подполья показал, что эта работа успешно идет там, где командиры частей повседневно изучают оперативную обстановку; добиваются получения всеми имеющимися в их распоряжении средствами данных о бандах УПА и оуновского подполья; ведут войсковую разведку; лично опрашивают и присутствуют при опросе задержанных бандитов и их пособников; анализируют захваченные документы, вероятные маршруты их движения и т. д. В тоже время в документе отмечалось, что многие командиры частей не проявляют активности по сбору и изучению данных о бандах, довольствуясь лишь сведениями, полученными от органов НКВД, в результате чего имеют низкие показатели оперативно-боевой деятельности. Командиры соединений и отдельных полков не всегда требуют от командиров частей и подразделений, чтобы они занимались чекистско-оперативной работой по сбору данных о бандах. Поэтому, начальник внутренних войск НКВД Украинского округа генерал-лейтенант М. П. Марченков приказал командирам соединений и отдельных полков:

1) немедленно дать исчерпывающие указания и потребовать от всего офицерского состава решительно включиться в оперативную работу по сбору сведений о бандах и немедленной реализации этих данных войсковыми подразделениями;

2) провести практические инструктаж и занятия с офицерским составом по вопросу освоения методов и способов получения данных. В качестве руководителей на эти занятия пригласить лучших оперативных работников органов НКВД;

3) постоянно следить за оперативной работой офицеров и всячески помогать им, поощряя лучших и воздействуя на нерадивых.

4) о принятых мерах и исполнении настоящего приказа доложить к 5 мая 1945 года (РГВА¹. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 134. Л. 121).

Пограничные войска Украинского округа в местах своей дислокации вдоль государственной границы Советского Союза принимали активное участие в борьбе с украинскими националистами. Например, в справке о боевой деятельности оперативной группы Управления пограничных войск Украинского округа указывалось, что 6 марта 1945 года личным составом оперативной группы была проведена операция по ликвидации банды в районе Выхлопки. В результате удалось задержать бандита, который показал, что в с. Блышиводи Куликовского района находится банда украинских националистов численностью 40–50 человек. 7 марта 1945 года на основе этих данных силами оперативной группы Управления пограничных войск Украинского округа и 1-го батальона 42-го мотострелкового полка под руководством подполковника Тер-Григорьяна была проведена операция в районе сел: Турынка, Жалдец, Блышиводы и др. Операция, проведенная в указанном районе, дала возможность обнаружить бандгруппу украинских националистов численностью около 190 человек. В ходе боя и энергичного преследования проравшихся из окружения мелких групп бандитов было убито – 137, ранено и взято в плен – 3, взято в плен – 10, задержано 42 бандита (РГВА. Ф. 41185. Оп. 1. Д. 284. Л. 38). Кроме того, личным составом войск НКВД проводилась разъяснительная работа среди мирного населения западных областей Украинской ССР, что способствовало разложению националистических формирований, явке многих бандитов с повинной [Некрасов, 1980].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Личный состав органов и войск НКВД СССР, ведя борьбу с украинскими националистами в западных областях Украинской ССР, постепенно приобретал боевой опыт и совершенствовал методы и способы ведения боевых действий с формированиями ОУН–УПА. Несмотря на уничтожение большого количества украинских националистов, ликвидацию руководства подпольных националистических групп и отрыв мирного населения от поддержки ОУН–УПА, деятельность органов и войск НКВД по борьбе с украинскими националистами на территории западных областей Украинской ССР продолжилась до середины 1950-х годов.

¹РГВА – Российский государственный военный архив

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов. М. : Объединенная редакция МВД России, 2008.
2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне (1941–1945): документы и материалы. М. : Юридическая литература, 1975.
3. Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917–1977. М. : Главное командование внутренних войск МВД России, 1980.

REFERENCES

1. NKVD – MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym nacionalisticheskim podpol'em na Zapadnoj Ukraine, v Zapadnoj Belorussii i Pribaltike (1939-1956) = NKVD – Ministry of Internal Affairs of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939–1956): collection of documents. (2008). Moscow: Ob'edinennaja redakcija. MVD Rossii.
2. Vnutrennie vojska v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941–1945) = The internal forces in the great Patriotic war (1941–1945) (1975). Documents and materials. Moscow: Juridicheskaja Literatura.
3. Nekrasov, V. F. (1980). Vnutrennie vojska Sovetskogo gosudarstva. 1917–1977 = The Internal troops of the Soviet state. 1917–1977. Moscow: Glavnoe komandovanie vnutrennih vojsk MVD Rossii.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климов Андрей Алексеевич

доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела Научного центра стратегических исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Klimov Andrej Alekseevich

Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor, Head of the Scientific Department of the Scientific Center for Strategic Studies of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 24.11.2021
одобрена после рецензирования 05.12.2021
принята к публикации 02.02.2022

The article was submitted 24.11.2021
approved after reviewing 05.12.2021
accepted for publication 02.02.2022

Научная статья

УДК 94(73)

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_95

Закон о гербовом сборе 1765 года в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании

Е. П. Макаров

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

egor.makarov.esq@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается политическая публицистика и ряд иных документов колониального происхождения, анализируемых для изучения процесса формирования американской политической нации. При исследовании исторического контекста принятия Закона о гербовом сборе и процесса борьбы за его отмену выявляются важные экономические и социальные факторы роста политического самосознания американского колониального сообщества.

Ключевые слова: восемнадцатый век, североамериканские колонии, Великобритания, Закон о гербовом сборе, колониальная политика

Для цитирования: Макаров Е. П. Закон о гербовом сборе 1765 года в восприятии политической нации североамериканских колоний Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 95–102. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_95

Original article

The Stamp Act of 1765 as Perceived by the Political Nation of the North American Colonies of Great Britain

E. P. Makarov

Samara State Technical University, Russia, Samara

egor.makarov.esq@gmail.com

Abstract. The article analyzes political journalism and other documents of colonial origin, which are used to study the formation of the American political nation. When examining the historical context of the adoption of the Stamp Act and the process of struggle for its abolition, important economic and socio-political factors in the growth of the political consciousness of the American colonial community are revealed.

Keywords: Eighteenth Century, North American Colonies, Great Britain, Stamp Act, colonial policy

For citation: Makarov, E. P. (2022). The stamp of 1765 as perceived by the political nation of the North American colonies of Great Britain. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 95–102. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_95

ВВЕДЕНИЕ

Победа Великобритании в Семилетней войне привлекла внимание общественности к огромным расходам, обусловленным содержанием армии на европейском и американском театрах боевых действий. Для колониального сообщества заключение Парижского мира 1763 года означало, что в британской политике в Северной Америке на первый план выходили вопросы обеспечения неприкосновенности границ [Макаров, 2021a].

По окончании войны губернаторы были проинформированы властями метрополии о планируемом распределении ветеранов в пограничных фортах. Правительство графа Бьюта предполагало, что подобные меры будут восприняты местным населением с благодарностью за защиту от потенциального врага в лице французов и представителей американского коренного населения. Доводы британской администрации основывались на колониальных отчетах и прогнозах относительно начавшейся в 1763 году войны Понтиака, согласно которым колониальная экономика могла частично покрывать обеспечение до 10 тыс. солдат, стоившее имперскому бюджету 230 тыс. фунтов в год [Hughes, 1941].

Американские провинции практически сразу поставили вопрос об источниках жалования и землеобеспечения офицерского корпуса ветеранов Франко-индейской войны, отмечая отсутствие схем финансирования правительственных войск за счет местных бюджетов. Парламентские дискуссии относительно характера и размеров военного присутствия в колониях совпали с колониальными спорами и пришлось на время отставки правительства графа Бьюта [Langford, 1976].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ НАЛОГОВОЙ РЕФОРМЫ

Новый кабинет министров под началом Д. Гренвиля постарался учесть заботившие американскую общественность вопросы и предложил оплачивать расходы на армию из государственного бюджета, в который привлекалась бы незначительная часть колониальных финансов. Логика предложений администрации Д. Гренвиля основывалась на принципах договоренностей времен Франко-индейской войны, согласно которым североамериканские провинции добровольно отдавали часть своих доходов на поддержание боеспособности британских войск на местах. Министры Д. Гренвиля имели четкое представление о том, что прежние договоренности с колониальным сообществом

существенно отличались от новой схемы перераспределения финансов. Разница заключалась в том, что в истории колониальной политики не было отмечено случаев получения прямой парламентской санкции на изъятие части колониальных финансов в государственный бюджет.

Колониальная общественность быстро осознала реальные угрозы, исходившие от плана реформ Д. Гренвиля. Анализ публицистики и прессы того периода ясно показывает, что уже при обсуждении грядущих реформ в среде американских элит установилось разграничение обязательств, которые колонии брали на себя в военное и послевоенное время. В период боевых действий местные законодательные собрания санкционировали выделение средств для обеспечения ополченческих вспомогательных подразделений, проведения инженерных работ, закупки продовольствия и фуража. В послевоенное время подобные расходы сразу же прекратились, а местные бюджеты перестали испытывать повышенную нагрузку. Логика провинциальных элит основывалась на практическом опыте, согласно которому за всё время ведения Франко-индейской войны, лишь в единичных случаях подразделения британской армии получали не помощь ресурсами, а реальные денежные суммы. Уже в 1763 году общественные деятели Массачусетса, Виргинии, Пенсильвании и Род-Айленда отмечали, что Д. Гренвиль неверно интерпретировал договоренности военного времени и не принимал во внимание факта прекращения финансирования и роспуска ополченческих формирований. С 1763 года в каждой провинции регулярно происходили собрания, на которых отвергалась схема перераспределения колониальных финансов, что в конечном счете привело к сомнениям в необходимости столь многочисленного имперского военного присутствия в Северной Америке [Bullion, 1982].

ПРОДВИЖЕНИЕ САХАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Не рассчитывая встретить серьезной оппозиции в колониальном обществе, правительство инициировало налоговую реформу, начавшуюся в 1764 году с принятия Закона о сахаре. Новый закон являлся продолжением принятого в 1733 году Закона о патоке. Он вписывался в план перераспределения финансов, а регулируя прибыли американских производителей алкоголя, заставлял их закупать сырье у поставщиков из британской Вест-Индии, плативших налоги в казну. Администрация Д. Гренвиля вновь не учла мнение

американской общественности, с 1733 года широко протестовавшей против государственных попыток регулирования торговли сахаром и патокой [Макаров, 2021б].

Рост внутриколониального недовольства отражался в критике правительственных мер в американской прессе и публицистике, а провинциальные элиты предпочитали использовать привычные методы борьбы, такие как контрабанда и подкуп таможенных чиновников. Анализ газетных статей и памфлетов того периода показывает, что поначалу, как и в 1733 году, провинциальная оппозиция Сахарному законодательству носила сугубо экономико-финансовый подтекст. Однако с конца 1764 года видные представители американской общественности всё чаще стали высказывать мнение о том, что Сахарное законодательство и связанные с ним косвенные налоги затрагивали вопросы конституционного характера.

Провинциальные законодательные собрания приходили к выводу о том, что общий план Д. Гренвиля по перераспределению колониальных финансов и программа реформы косвенного налогообложения колоний противоречат традиционной английской конституции. Общественные деятели и правоведы были едины во мнении, что по конституционной традиции британцы не могли облагаться налогами без собственного согласия через парламентское представительство. С начала 1765 года в американской прессе стали чаще обсуждаться политические сюжеты, по своей риторике похожие с полемикой периода 1733 года, в которой колониальные правозащитники доказывали, что взимание любых, в том числе косвенных, налогов в колониях без их парламентского представления незаконно. Некоторые политики отмечали, что борьба за законные права жителей колоний в 1733 году, а также апелляции к британской конституции отсрочили налоговые реформы на тридцать лет [Ritcheson, 1953].

ВНЕДРЕНИЕ НОРМ ГЕРБОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Неисполнение требований Сахарного законодательства к 1765 году широко обсуждалось в Великобритании, но не было признано поводом для пересмотра текущего курса колониальной политики. В подобных условиях администрация Д. Гренвиля инициировала начало следующего этапа реформы, выстроенного вокруг принятия Закона о гербовом сборе. Проект данного закона был разработан в начале 1750-х годов и планировался к принятию в 1761 году, но были отложен

до наступления мирного времени. Оценивая позитивный опыт применения Гербового законодательства внутри Великобритании, правительство Д. Гренвиля следовало схеме, которая при малой нагрузке на отдельно взятого британца, показывала высокую общую собирательную способность. Власти действовали в логике политического курса, в рамках которого Закон о сахаре 1764 года должен был показать колониям лишь первую из намеченных налоговых реформ. Д. Гренвиль не единожды подчеркивал, что право метрополии облагать колонии налогом никогда не подлежало сомнению. Учитывая этот факт, британское правительство выбирало Гербовое законодательство как наименее обременительное для простых граждан. Д. Гренвиль также знал об опыте конференции 1754 года в Олбани, продемонстрировавшей политическую разобщенность колоний и их неготовность объединяться в борьбе за свои конституционные права [Hopkins, 1765].

Пресса и публицистика данного периода показывала, что в 1764 году политически активная общественность колоний начала консолидацию. Признавая принцип парламентского превосходства, американские элиты ожидали, что установление контроля метрополии над производством и торговлей колоний будет сопутствовать включению американских депутатов в парламент. Оппозиция Гербовому законодательству стала заметной уже после парламентской резолюции 1764 года, допускавшей косвенное налогообложение колоний для покрытия государственного долга. Для американцев закон был продолжением политики внешнего налогового контроля, однако представлялся первым внутренним налогом, взимавшимся по парламентской санкции непосредственно в колониях. Закон о гербовом сборе затрагивал жизнь каждого американца, открывая британской налоговой системе совокупность финансов, задействованных в колониальной экономике [Lawson, 1980].

Постулат о невозможности налогообложения без парламентского представительства озвучивался еще в 1754 году на конференции в Олбани. В противовес данным аргументам Д. Гренвиль и секретарь казначейства Т. Уэйтли ссылались на принцип «условного представительства», согласно которому все члены парламента имели неотъемлемое право действовать в интересах всех подданных британского монарха. В логике идей Т. Уэйтли парламентарии всегда выступали от имени всех граждан, а не только от отдельных регионов и групп избирателей. По его мнению, в истории Великобритании не было фиксировано ни одного случая налогообложения без согласия граждан, но

более 75 % британских мужчин не имели избирательного права из-за цензовых ограничений¹.

РЕАКЦИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В мае 1764 года массачусетские политики и общественные деятели С. Адамс и Д. Отис отмечали, что американцы были официально представлены лишь в провинциальных законодательных собраниях, и только эти органы могли законно взимать налоги в колониях [Otis, 1764]. Мэрилендский политик и юрист Д. Делани-младший выпустил памфлет схожего содержания, где отмечал, что избранный в Англии парламентарий не будет ощущать долга перед колониями, поскольку нет политической связи между американцами и его избирателями².

В 1764 году в Массачусетсе и Род-Айленде были созданы первые корреспондентские комитеты, координировавшие колониальную борьбу за отмену Сахарного законодательства. Благодаря их работе удалось наладить связи между законодательными собраниями Виргинии, Массачусетса, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Коннектикута и Род-Айленда, а затем направить в Лондон серию петиций с просьбами пересмотреть основные положения Гербового законодательства. Правительство Д. Гренвиля не восприняло колониальную оппозицию всерьез даже после случаев повсеместной критики Сахарного законодательства в прессе и публицистике. Премьер-министр знал, что в колониях отсутствовал политико-правовой механизм сотрудничества между провинциями. В феврале 1765 года произошла встреча Д. Гренвиля и колониальных агентов Б. Франклина, Д. Ингерсолла, Р. Джексона и Ч. Гранта. Премьер-министр признал главной целью реформ сбор средств покрытия государственного долга, при этом показательно проигнорировав колониальные петиции с просьбой о придании налоговой реформе истинно конституционного характера [Lamb, 2003].

Развернувшиеся вскоре после этой встречи парламентские дебаты показали неуверенность депутатов в правомерности налогообложения колоний. Озвученное Ч. Тауншендом мнение правительства свелось к тому, что за защиту британской армии и флота североамериканские колонии были обязаны взять на себя часть бремени государственного

долга. Во время дебатов по данному вопросу обозначился лагерь противников реформы. К примеру, ветеран Семилетней войны и общественный деятель И. Барре отметил, что благосостояние колоний росло благодаря способности американских провинций выживать, обходя хищническое торговое законодательство Великобритании. Он одним из первых публично обратил внимание на проблему игнорирования просьб американских петиций и заметил, что наступление на права и свободы американских подданных британского монарха в определенный момент могло негативно сказаться на их лояльности [Weaver, 1904].

Парламентские прения не отразились на решимости правительства официально ввести нормы Гербового законодательства в Северной Америке. Д. Гренвиль не скрывал уверенности в том, что колониальные губернаторы и лояльно настроенные представители провинциальных элит при необходимости могли эффективно подавлять любые оппозиционные настроения местных законодательных собраний. Закон о гербовом сборе был принят 22 марта 1765 года большинством голосов в Палате общин и единогласно в Палате лордов³. С 1 ноября 1765 года он должен был вступить в силу на всей территории американских колоний. Основная налоговая нагрузка распределялась на сферу локальных юридических практик, а также на сделки с землей и иной недвижимостью. Гербовые знаки должны были приобретаться за британские деньги, и, чтобы не провоцировать массовый отток имперской валюты, сборы должны были перераспределяться для выплаты жалования британским военным на тех же территориях⁴.

Локальные элиты быстро и крайне негативно отреагировали на принятый закон. Американские правоведа в первую очередь отмечали, что в подлежащие налогообложению судебные документы были включены официальные бумаги судов церковной юрисдикции. В 1765 году подобных судов в американских колониях не существовало, но местные сообщества долгое время напряженно дискутировали о возможном создании подобных органов. Новый закон затронул болезненный вопрос, поскольку колонии не имели англиканских епископов, а прихожане Англиканской церкви составляли явное меньшинство. Большая часть колониального сообщества выступала против санкционированных государством религиозных институтов, а провинциальные дискуссии на эту тему заканчивались

¹A discourse addressed to the Sons of Liberty at a solemn assembly near Liberty Tree in Newport, February 14, 1766. Providence: Sarah and William Goddard, 1766.

²Dulany D. Considerations on the propriety of imposing taxes in the British Colonies, for the purpose of raising a revenue, by Act of Parliament. Annapolis: printed and sold by Jonas Green, 1765.

³Text of the Stamp act, reprinted from an edition published "By Authority", at London, in 1765. New York, A. Lovell & Company, 1895.

⁴Vox Populi, Vox Dei A Providence Gazette Extraordinary. August 24, 1765. Providence, printed by S. and W. Goddard, 1765.

признанием невозможности реконструкции в Северной Америке английских религиозных порядков. По мнению колониальной общественности, с принятием Закона о гербовом сборе метрополия косвенно подтверждала намерение постепенно внедрить в американских провинциях институт религиозных судов [Bullion, 1982].

Другим нововведением, беспокоившим колониальное сообщество, была практика судебного рассмотрения дел о нарушении Гербового законодательства. По новым правилам подобные дела рассматривались военно-морскими судебными комиссиями, напрямую подконтрольными Адмиралтейскому суду. С 1733 года американское торговое сообщество было обеспокоено тем, что военно-морские судебные комиссии уже занимались рассмотрением дел о контрабанде и нарушении требований Навигационных актов. В колониальной истории существовал ряд прецедентов, касавшихся нарушения Сахарного законодательства, но до 1765 года компетенции военно-морских судебных комиссий всегда ограничивались открытым морем [Spindel, 1977]. Правоведы заключили, что новый закон нес в себе изменения в судопроизводстве, выражавшиеся в притязаниях адмиралтейских судов на континентальное правовое пространство, где ранее господствовали местные судебные инстанции. Потенциальное введение в локальное правовое поле религиозных и адмиралтейских судов показывало, что реформа затрагивала жизнь каждого американца [Ritcheson, 1953].

После принятия Закона о гербовом сборе вплоть до мая 1765 года члены Дома Берджесов Виргинии обсуждали меры бойкота новых налогов. Итогом работы местных политиков стали так называемые виргинские постановления, официально объявлявшие о неотъемлемости прав и свобод, которые народ Виргинии наследовал от первых американских переселенцев. В июне 1765 года в Законодательном собрании Массачусетса обсуждалась необходимость организации встречи представителей всех колоний, координации сопротивления Гербовому законодательству и составления общеамериканской петиции к королю [Henderson, 1990].

Американская пресса также отреагировала на новости о скором начале правоприменения Гербового законодательства на территории колоний. Публикуя статьи, эссе и письма представителей колониальной элиты, пресса стала силой, доносившей до местной общественности постулат о приравнивании налогообложения без представительства к тирании. В процесс борьбы против Гербового законодательства включились

издатели «Пенсильванской хроники» и «Провиденсской газеты» У. Годдард, Д. Гэллоуэй и Т. Уортон [Schlesinger, 1935]. К критике закона присоединились «Пенсильванский журнал» У. Бредфорда и «Коннектикутская газета» Д. Паркера. В то же время некоторые издательства получили правительственные субсидии, оформив лоялистское ядро колониальных печатников, куда вошли «Массачусетская газета» Р. Драйпера, «Бостонская вечерняя почта» Д. Флита и «Виргинская газета» Д. Ройла [Dickerson, 1951].

ОФОРМЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

Развитие колониального протеста Гербовому законодательству в 1765 году показало, что местная оппозиция метрополии отражала настроения формировавшейся американской политической нации, а не являлась делом лишь местных элит. К тому времени и лояльно настроенные представители локальных элит, и лидеры протеста недооценили способность широких слоев общества к самоорганизации [Hopkins, 1765].

Наиболее заметными стали августовские уличные протесты в Бостоне, на которых разгневанные толпы вымещали свое негодование на чучелах графа Бьюта, Д. Гренвиля, распространителя гербовых знаков Э. Оливера, а также таможенных чиновников У. Стори и Б. Холлоуэлла. Кульминацией демонстраций стало разграбление домов имперских чиновников. В августе также начались массовые демонстрации в Род-Айленде. Изначально планировалось пронести по Ньюпорту изображения род-айлендских распространителей гербовых знаков А. Джонсона, Т. Моффата и известного публициста М. Ховарда. Организаторы акции не смогли сдержать ярость толпы, после чего события развивались по массачусетскому сценарию¹. Изучая документы инициаторов борьбы против Гербового законодательства, таких как Д. Отис, С. Адамс, У. Эллери, С. Вернон и Р. Кук, можно сделать вывод о том, что с августа по декабрь 1765 года они избегали риторики насилия, но позднее свыклись с агрессивным характером гражданского неповиновения².

Нью-Йоркская оппозиция Гербовому законодательству пыталась избежать повторения

¹Howard M. A letter from a gentleman at Halifax, to his friend in Rhode-Island containing remarks upon a pamphlet, entitled the rights of colonies examined. Newport, Printed and sold by S. Hall, 1765.

²Dickinson J. An address to the Committee of Correspondence in Barbados: Occasioned by a late letter from them to their agent in London / By a North-American. Philadelphia: Printed and sold by William Bradford, at his book-store in Market-Street, adjoining the London Coffee-House, 1766.

массачусетских и род-айлендских погромов. Ассоциации торговцев и производителей Нью-Йорка решили путем мирного бойкота английских товаров добиться отмены Закона о гербовом сборе, а имперские чиновники были предупреждены о том, что любому распространителю гербовых знаков не гарантируется неприкосновенность личного имущества. На территории Нью-Йорка не был запущен процесс гербового лицензирования, но жители города разграбили имущество имперских чиновников, включая имущество губернатора К. Колдена. В Виргинии толпы протестовавших жестоко обошлись со сторонником Гербового законодательства А. МакКоллом. Собрание Мэриленда в ноябре 1765 года признало недействительность Закона о гербовом сборе на территории колонии. В Пенсильвании, Нью-Хэмпшире, Северной и Южной Каролине массовые протестные акции были с самого начала разогнаны. В Джорджии протестов зафиксировано не было. В Квебеке, при полном безразличии преобладающего франкоговорящего сообщества, введение Гербового законодательства было принято без возражений. Сообщество Новой Шотландии одобрило Закон о гербовом сборе. В колониях Карибского региона оппозиционные настроения были зафиксированы на Ямайке, Антигуа и Барбадосе (*Pennsylvania Journal & Weekly Advertiser*. 31.10.1765).

В ноябре 1765 года в Нью-Йорке был создан корреспондентский комитет для координации работы с аналогичными организациями других колоний. В декабре был оформлен первый союз между оппозиционными группами Нью-Йорка и Коннектикута, в январе 1766 года – союз между Нью-Йорком и Массачусетсом, в марте к союзу присоединились Род-Айленд, Виргиния, Мэриленд и Нью-Хэмпшир [Gipson, 1931]. Произошло сближение оппозиционных течений Джорджии, Северной и Южной Каролины. В октябре 1765 года в Нью-Йорке состоялся межколониальный конгресс по обсуждению Гербового законодательства. Из 27 делегатов, представлявших свои законодательные собрания, 10 были юристами, 10 – членами торговых организаций, семь – плантаторами. Собравшиеся представляли интересы девяти колоний, а Нью-Хэмпшир, Виргиния, Северная Каролина и Джорджия не прислали делегатов [Necht, 1976].

Конгресс опубликовал Декларацию прав и жалоб, содержащую четырнадцать пунктов, описывавших детали колониального протеста. Шесть пунктов содержали положения, подтверждавшие колониальную лояльность британскому монарху и признававшие, что неотъемлемым правом британца являлся выбор своего парламентского представителя. Если законного представителя не было, право налогообложения отсутствовало. Седьмой

пункт оговаривал право колоний учредить традиционные для Великобритании суды присяжных. В остальных семи пунктах описывался ущерб, который гербовое законодательство наносило колониальной экономике [Newcomb, 1966].

10 июля 1765 года правительство Д. Гренвиля было заменено кабинетом маркиза Рокингема, но лишь в октябре британские власти получили свидетельства значительного роста социального напряжения в колониях. В декабре министерство Рокингема через британские торговые комитеты связалось с торгово-финансовыми группами американских колоний, которым неофициально сообщило о намерении правительства отменить гербовые сборы на территории колоний. Уже 14 января 1766 года маркиз Рокингом выступил в парламенте с предложением отмены Гербового законодательства в колониях. На заседании от 21 февраля резолюция об отмене Закона о Гербовом сборе была принята 276 голосами против 168, а 18 марта была получена королевская санкция [Dowell, 1873].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе исследования особенностей принятия Закона о гербовом сборе и процесса борьбы за его отмену, представляется возможным сделать ряд важных выводов относительно ряда признаков формирования американской политической нации.

Во-первых, массовые протестные акции 1765 г. показали, что политически активное население колоний безнаказанно оказывало противодействие имперским чиновникам. Примитивная организация массовых демонстраций не помешала американцам осознать, что угрозами или прямыми актами насилия можно отправить в отставку не имевших защиты колониальных чиновников.

Во-вторых, местные группы политически активных жителей контактируя друг с другом, создали межпровинциальную организацию, ранее нетипичную для Северной Америки. В 1765–1766 годах организация восприняла привычное для колониальных оппозиционных групп название «Сынов свободы». Социальная основа американской политической нации выходила за рамки оппозиционно настроенной элиты провинций и включала представителей быстро увеличивающийся срединной прослойки американского общества. Лидеры протеста учитывали, что присоединение к оппозиционной деятельности всей формировавшейся политической нации Северной Америки несет в себе опасность резкой эскалации насилия, которая была заметна практически в каждой колонии во время беспорядков 1765 года.

В-третьих, характеризуя американскую политическую нацию на этапе ее формирования, можно утверждать, что заявляя о своей лояльности и американскому обществу, и британскому правительству, а также полагаясь на массовые публичные демонстрации, она смогла стать важным инструментом политического информирования метрополии о реальном положении дел в колониях.

В-четвертых, важно понимать, что формировавшаяся в 1765–1766 годах американская политическая нация не ставила под сомнение собственную лояльность короне. Это важное обстоятельство подтверждалось двумя петициями королю и парламенту, составленными делегатами Нью-Йоркского конгресса. В первой петиции «достопочтеннейшему и августейшему органу британского правительства» выражалась надежда на сохранение гражданами колоний всех прав и свобод, которыми обладали британские подданные. Во второй петиции, подтверждавшей приверженность принципу верховенства парламента, содержались подробные описания конкретных экономических проблем, возникших с введением Гербового законодательства.

В-пятых, сила американской политической нации проявилась в парламентских дебатах с января 1766 года, когда купеческие сообщества и торгово-финансовая элита Сити сообщали о том, что экономические последствия сокращения торгово-финансового обмена с североамериканскими колониями стали стремительно сказываться на всей имперской экономике. Правительство признавало, что многие британские производители и торговцы напрямую зависели от американских рынков и не смогли бы найти себе альтернативных партнеров на столь же выгодных условиях. Американская политическая нация демонстрировала, что политико-экономическая консолидация срединной прослойки колоний позволяла регулярно созывать собрания, подобные нью-йоркской купеческой встрече, на которой более двухсот торговцев приняли обязательство не заключать сделок с англичанами до отмены Закона о гербовом сборе. Борьба американской политической нации за свои права привела британское правительство к признанию, что в случае дальнейшего насаждения непопулярных реформ не удастся избежать экономических убытков и протестных акций с непредсказуемыми социально-политическими последствиями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров Е. П. Война губернатора Данмора и продвижение экономических интересов виргинских элит накануне Американской войны за независимость // История государства и права. 2021а. № 9. С. 56–62.
2. Hughes E. The English Stamp Duties 1664–1764 // English historical Review. 1941. № 222. Vol. 56. P. 235–264.
3. Langford P. Review British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // English Historical Review. 1976. № 359. Vol. 91, P. 393–395.
4. Bullion J. L. This great and necessary measure: George Grenville and genesis of the Stamp Act 1763–1765. Columbia: University of Missouri Press, 1982.
5. Макаров Е. П. Историческое значение Закона о патоке 1733 г. в политико-экономической жизни Виргинии XVIII в. // История государства и права. 2021б. № 5. С. 61–67.
6. Ritcheson C. R. The Preparation of the Stamp Act // William and Mary Quarterly. 1953. № 4. Vol. 10. P. 543–559.
7. Hopkins S. The grievances of the American colonies candidly examined. Printed by Authority, at Providence, in Rhode-Island. London: Printed for J. Almon, opposite Burlington House, in Piccadilly, 1765.
8. Lawson P. George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770 // William and Mary Quarterly. 1980. № 4. Vol. 37. P. 561–576.
9. Otis J. The rights of the British colonies asserted and proved. Boston: Edes and Grill, 1764.
10. Lamb M. Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach // Accounting Historians Journal. 2003. № 2. Vol. 30. P. 175–196.
11. Weaver E. P. Nova Scotia and New England during the Revolution // American Historical Review. 1904. № 1. Vol. 10. P. 52–57.
12. Spindel D. J. The Stamp Act Crisis in the British West Indies // American studies. 1977. Vol. 11. № 2. P. 203–221.
13. Henderson H. J. Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760–1800 // William and Mary Quarterly. 1990. № 1. Vol. 47. P. 90–114.
14. Schlesinger A. M. The Colonial Newspapers and the Stamp Act // New England Quarterly. 1935. № 1. Vol. 8. P. 63–83.
15. Dickerson O. M. British control of American newspapers on the eve of the revolution // New England Quarterly. 1951. № 4. Vol. 24. P. 453–468.
16. Gipson L. H. Connecticut taxation and parliamentary aid preceding the revolutionary war // American historical review. 1931. № 4. Vol. 36. P. 721–739.
17. Hecht J. J. Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767 // New England Quarterly. 1976. № 1. Vol. 49. P. 172–174.

18. Newcomb B. H. Effects of the Stamp Act on Colonial Pennsylvania Politics // *William and Mary Quarterly*. 1966. № 2. Vol. 23. P. 257–272.
19. Dowell S. A history and explanation of the stamp duties. London: Longmans, Green & Co, 1873.

REFERENCES

1. Makarov, E. P. (2021a). The lord Dunmore's war and advancement of economic interests of Virginian elites on the eve of the American revolutionary war. *Istorija gosudarstva i prava*, 9, 56–62. (In Russ.)
2. Hughes, E. (1941). The English Stamp Duties 1664–1764. *English historical Review*, 222(56), 235–264.
3. Langford, P. (1976). Review British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767. *English Historical Review*, 359 (91), 393–395.
4. Bullion, J. L. (1982). *This great and necessary measure: George Grenville and genesis of the Stamp Act 1763–1765*. Columbia: University of Missouri Press.
5. Makarov, E. P. (2021b). The historical meaning of the Mosaless act 1733 in the political and economic life of Virginia in the XVIII century. *Istorija gosudarstva i prava*, 5, 61–67. (In Russ.)
6. Ritcheson, C. R. (1953). The Preparation of the Stamp Act. *William and Mary Quarterly*, 4(10), 543–559.
7. Hopkins, S. *The grievances of the American colonies candidly examined*. Printed by Authority, at Providence, in Rhode-Island. London: Printed for J. Almon, opposite Burlington House, in Piccadilly. 1765
8. Lawson, P. (1980). George Grenville and America: The Years of Opposition 1765–1770. *William and Mary Quarterly*, 4(37), 561–576.
9. Otis, J. (1764). *The rights of the British colonies asserted and proved*. Boston: Edes and Grill.
10. Lamb, M. (2003). Questions of Taxation Research Framed as Accounting Research: A Suggested Approach. *Accounting Historians Journal*, 2(30). 175–196.
11. Weaver, E. P. (1904). Nova Scotia and New England during the Revolution. *American Historical Review*, 1(10), 52–57.
12. Spindel, D. J. (1977). The Stamp Act Crisis in the British West Indies. *American studies*, 2(11). 203–221.
13. Henderson, H. J. (1990). Taxation and Political Culture: Massachusetts and Virginia, 1760-1800. *William and Mary Quarterly*, 1(47), 90–114.
14. Schlesinger, A. M. (1935). The Colonial Newspapers and the Stamp Act. *New England Quarterly*, 1(8), 63–83.
15. Dickerson, O. M. (1951). British control of American newspapers on the eve of the revolution. *New England Quarterly*, 4(24), 453–468.
16. Gipson, L. H. (1931). Connecticut taxation and parliamentary aid preceding the revolutionary war. *American historical review*, 4(36). 721–739.
17. Hecht, J. J. (1976). Review: British Politics and the Stamp Act Crisis: The First Phase of the American Revolution, 1763–1767. *New England Quarterly*, 1(49), 172–174.
18. Newcomb, B. H. (1966). Effects of the Stamp Act on Colonial Pennsylvania Politics. *William and Mary Quarterly*, 2(23). 257–272.
19. Dowell, S. A history and explanation of the stamp duties. London: Longmans, Green & Co, 1873.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаров Егор Павлович

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и социально гуманитарные науки» Самарского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makarov Egor Pavlovich

PhD (History), Associate Professor of the Department Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University

Статья поступила в редакцию 10.01.2022
одобрена после рецензирования 31.01.2022
принята к публикации 03.02.2022

The article was submitted 10.01.2022
approved after reviewing 31.01.2022
accepted for publication 03.02.2022

Научная статья

УДК 94(100).05

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_103

Почему права на Хоккайдо исторически принадлежат России, а не Японии

А. Ю. Плотников

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

al.yu.plotnikov@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается история освоения Россией в XVIII столетии Курильского архипелага, показывающая несостоятельность японских претензий на «историческую принадлежность» ей Южных Курил. Особое внимание уделено истории освоения острова Хоккайдо и историческим правам России на владение как минимум северо-восточной частью острова в XVIII – начале XX в.

Ключевые слова: освоение Курильских островов, территориальные претензии, русское исследование Хоккайдо, территория Японии в XVIII в., права на России Хоккайдо

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 20-09-00340).

Для цитирования: Плотников А. Ю. Почему права на Хоккайдо принадлежат России, а не Японии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 103–107. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_103

Original article

Why the Rights on Hokkaido Belong to Russia but not to Japan

A. Y. Plotnikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

al.yu.plotnikov@yandex.ru

Abstract. The facts of Russian's discoveries and explorations of the Kuril Islands during the XVIII-th century are opposed to the ungrounded Japan's claims for the "priority of possession of the South Kurils". The main impact is focused on the story of Russian's exploration of Hokkaido in the XVIII-th century and Her rights-of-possession of the north-east coast of Hokkaido as a result of such explorations

Keywords: development of the Kuril Islands, territorial claims, Russian exploration of Hokkaido, Japanese territory in the 18th century, Russia's rights on Hokkaido

Acknowledgements: The article is prepared with the financial support of the RFBR (grant 20-09-00340).

For citation: Plotnikov, A. Yu. (2022). Why the rights on Hokkaido belong to Russia but not to Japan. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 103–107. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_103

ВВЕДЕНИЕ

Территориальные претензии Японии на принадлежащие РФ Южные Курилы известны всем, кто интересуется российско-японскими отношениями.

В настоящий момент споры об этих островах представляются камнем преткновения в развитии русско-японских связей. На протяжении последних десятилетий меняются японские премьер-министры, а враждебный тон в обсуждении разногласий между странами сохраняется. В свою очередь, российские официальные лица предпринимают настойчивые попытки то «образумить» Токио, в «101-й раз строго предупредив» Японию о необходимости признавать итоги Второй мировой войны, то вновь предложить очередные формы «совместного сотрудничества» на южных островах архипелага. Подобная позиция выглядит в глазах японской стороны подчас «взаимоисключающей» и лишь «подстегивает» территориальные притязания нашего дальневосточного соседа.

Официальный Токио не только не отказывается от своих незаконных претензий на часть перешедшего к СССР по итогам Второй мировой войны Курильского архипелага, но и в 2009 году пошел на беспрецедентную в международных отношениях провокацию. Парламент принял закон, объявивший так называемые северные территории, как в Японии называют Южные Курилы, «находящимися под японским суверенитетом». Отметим, что этот парламентский акт, касающийся «территории российского государства» до сих пор не получил в нашей стране оценки со стороны официальной российской власти (исключая Заявление Государственной Думы) (URL: <https://ria.ru/20090624/175315922.html>).

Подобная провокация не является единичным случаем. Столь же провокационными, как и закон 2009 года, являются заявления японских официальных лиц, включая нового премьер-министра Фуэми Кисида. Действия Японии требуют ответа, который бы раз и навсегда «закрывал вопрос» территориальных претензий, лишив Токио желания и возможности продолжать эксплуатацию «курильского мифа» из-за опасения однажды превратиться из «нападающего» в «защищаемого» с перспективой окончательно загнать себя в «курильский тупик японской дипломатии» (что Японии уже почти удалось сделать).

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Один из вариантов такого ответа лежит в области истории и права, столь любимых в Японии для оправдания своих несуществующих прав на якобы «исконные» японские «северные территории».

Речь идет об острове Хоккайдо. Этот самый северный японский остров не входит в состав Курильского архипелага, однако история его освоения дает интересную информацию о том, что это было не всегда и не совсем так. События, связанные с заселением острова Хоккайдо, не получили должного рассмотрения в современной российской литературе, хотя в новейшей отечественной историографии и появились публикации, указывающие на необходимость изучения проблематики истории формирования пограничных рубежей-фронтира в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Косторниченко, Сирватко, 2021, с. 84].

КУРИЛЬСКИЙ РУБЕЖ

Как известно, исследование, описание и освоение Россией Курильского архипелага началось в XVIII веке и проходило по меркам того времени быстро, даже стремительно. К южным островам архипелага русские первопроходцы вышли в конце 1760-х годов, когда в 1768–1769 годах казачий сотник И. Чёрный впервые «объясачил», т. е. взял с местных жителей-аборигенов – айнов ясак (дань) на островах Итуруп и Кунашир [Полонский, 1871, с. 400, 404, 405]. Тогда же на Итурупе им было основано первое русское поселение на Южных Курилах.

Следующим важным этапом в освоении Южных Курил стало комплексное исследование этих островов в 1775–1782 годах, получившее название экспедиции Антипина и Шабалина, которая обследовала, изучила (включая опыты геологоразведки) и картографировала южную часть архипелага, создав все необходимые правовые основания для включения Курильского архипелага, включая южные острова, в состав России.

На основании результатов обследования примерно в 1778 году участник экспедиции штурман Михаил Петушков составил карту. Она является первым в мире подробным изображением четырех южных островов архипелага – Итурупа, Кунашира, Шикотана, а также северо-восточного побережья о. Хоккайдо, который обозначен как 22-й остров Курильской гряды, поскольку в России в XVIII – начале XIX века в состав архипелага включался также и этот остров (РГАДА. Ф. 7. Д. 2539. Л. 531а). Инкорпорация данных территорий в одну группу произошла во многом из-за того, что на о. Хоккайдо жили такие же айны, как на Камчатке, и в низовьях Амура, и других Курильских островах.

Отметим также, что никаких японских поселений на Итурупе, Кунашире и Шикотане на карте

¹РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Петушкова не обозначено, что лишний раз опровергает утверждения о якобы «японском приоритете» в освоении Южных Курил.

О «русской» принадлежности Южных Курил также наглядно свидетельствует карта из «Атласа Российской Империи» 1796 г. из 52 карт («Карта Иркутского наместничества, состоящая из четырех областей, разделенных на 17 уездов») – главного официального картографического издания того времени – где все Курильские острова, включая Итуруп (Эторпу), Кунашир и Чикоту (Шикотан), показаны (окрашены) как территория Российской империи, а именно – в тот же цвет, что и Камчатка. Таким образом, мы имеем ясное свидетельство того, что в конце XVIII столетия вся Курильская гряда, включая южные острова, являлась владением России, административно входя в Камчатский уезд Охотской области Иркутского наместничества [Атлас Российской Империи ... 1796].

Дополнительное подтверждение факта принадлежности России всего Курильского архипелага содержится в высших официальных государственных актах того времени – императорских указах 1779, 1786 и 1799 годов, которые ясно свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века айны Южных Курил были русскими подданными (в 1779 году они были освобождены от уплаты в казну дани – ясака), а сами южные острова гряды обозначались, как неотъемлемая часть территории России [Русские Курилы, 2015].

Это же подтверждают другие официальные документы этого периода: Инструкция Иркутского губернатора И. Бриля главному командиру Камчатки М. К. Бему (1772), а также «ясашная таблица», регулярно составлявшаяся по годам «ведомость» сбора, в XVIII веке на Курильских островах и, что следует особо подчеркнуть, на о. Хоккайдо (русское название Матмай) – упомянутой дани – ясака (об этом подробнее чуть ниже) [там же, с. 51].

ЭДЗО – МАТМАЙ – ХОККАЙДО: РУССКИЙ СЛЕД

Говоря об острове Хоккайдо, следует также отметить, что в Атласе 1796 года, а также на других официально изданных картах того времени, включая иностранные, остров показан отдельно от Японии, вне ее территории, что подтверждает сведения (в том числе японских источников) о том, что в XVIII – начале XIX столетия этот остров (за исключением его крайней южной части) Японии не принадлежал и в состав ее государственной территории не входил.

Остров Эдзо (японское название Хокайдо) обозначен как не японская территория, лежащая вне ее государственных границ в изданном в Германии атласе 1854 г., а также в «Атласе Японской империи» Ф. фон Зибольда 1851 г. (см.: Карта № 74 “CHINESISCHES REICH und JAPAN” (Китайская империя и Япония) [Sohr, 1854; Siebold, 1851]¹).

Тем более тогда Японии не могли принадлежать Южные Курильские острова, лежащие севернее (северо-восточнее) острова Хоккайдо [Атлас Российской империи, 1796]. Это также лишает каких-либо оснований утверждения Японии о якобы «исконной» принадлежности ей так называемых северных территорий (напомним, к ним в Японии относят группу Южных Курил в составе Итурупа, Кунашира и островов Малой Курильской гряды).

Следует также помнить, что современное японское название острова Хоккайдо появилось только в конце XIX века, до этого остров назывался по-русски Матмай или Матсмай (от названия самого северного японского княжества Мацумаэ, занимавшего территорию на крайнем юге острова).

Напомним также, что и в официальных русских документах того времени (XVIII – пер. пол. XIX в.) – переписке, инструкциях, распоряжениях, на картах – остров Матмай – Хоккайдо также включался в состав Курильского архипелага и обозначался как 22-й остров Курильской гряды (в известной книге В. М. Головнина «Замечания о Курильских островах», изданной в 1819 г., как 26-й Курильский остров) [Плотников, 2019, с. 186–187].

Теперь подробнее рассмотрим вопрос о сборе на Южных Курилах дани – ясака. Упомянутая ясашная таблица, составленная в ходе экспедиции Антипина – Шабалина (напомним, проходила в 1775–1782 гг.), содержит документальные свидетельства о сборе ясака не только на Южных Курилах, но и на северо-восточном побережье острова Хоккайдо (тогда: Матмай – по-русски и Эдзо – по-японски), также населенного айнами.

Всего в 1778–1779 гг. ясак был взят с 1,5 тыс. айнов, проживавших в районе современного Немуро в северо-восточной части острова (РГАДА, Лл. 141–142, 144–145 об., 151, 151 об., 285–286 об.). [Полонский, 1871, с. 399, 400, 404, 405, 416, 420, 440, 441, 454, 457, 459, 465]

На ясаке следует остановиться отдельно. В то время сбор дани являлся одним из наиболее важных условий и одновременно признаком

¹К. Сор. Полный малый Атлас с новейшим землеописанием всех стран мира. Атлас территории и морская карта Японской империи и приграничных территорий земли Эдзо, Южными Курилами, Карафуту (Сахалин), Кореей и островами Лиу-Киу (Рюкю) Ф. Ф. фон Зибольда. Перевод наш. – П. А.

подданства этого населения, а значит, и государственной принадлежности территории, на которой оно проживало – стране, которая эту дань собирала (традиция, хорошо известная с глубокой древности и в Европе, и в Азии). Иными словами, используя юридическую терминологию, давала основания на получение «правового титула» на эту территорию.

В русских официальных документах того времени на этот счет использовалась специальная формулировка: *Привести во владение, в подданство и в ясачный платеж* (выделено нами. – А. П.), или просто *в подданство и в ясачный платеж*, что лишний раз подтверждает формально-правовое значение факта сбора дани с местного населения [Русские экспедиции ... 1989].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в соответствии с нормами международного права того времени во второй половине XVIII века фактов русской деятельности на Курилах было накоплено более чем достаточно для того, чтобы считать весь архипелаг, включая его южные острова, принадлежащими России, что нашло закрепление в русских официальных документах, а также упоминавшихся географических картах того времени.

Всё это в полной мере относится и к острову Хоккайдо, точнее к его северо-восточной части в районе современного японского города Немуро. И хотя Россия, в отличие от алчных японцев, никогда не претендовала на Хоккайдо, в соответствии с международным правом того времени, она имела все законные основания считать своей территорией северо-восточное побережье острова Эдзо [Русские Курилы 2015].

Таким образом, с исторической точки зрения Россия имеет все права считать своей «исконной территорией», своим «историческим владением» территорию северо-восточной части современного японского острова Хоккайдо.

Этот вопрос – в виду крайне неконструктивной и откровенно провокационной политики Японии, традиционно ищущей лишь собственные односторонние выгоды и давно перешедшей все «красные линии» дозволенного в международных отношениях, о которых говорилось выше – можно и нужно поставить перед официальным Токио.

Возразить здесь Японии – в соответствии со столь любимым ей международным правом – будет нечего. Это и будет нашим *адекватным* и *справедливым* «симметричным» *ответом* потерявшей всяческое ощущение реальности современной японской власти. Только заявить это, подчеркнем, нужно твердо и в дальнейшем также твердо придерживаться этой линии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Косторниченко В. Н., Сирватко П. А. Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 2. Т. 51. С. 72–89.
2. Полонский А. С. Курилы // Записки императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб. : Б.и., 1871. Т. 3.
3. Атлас Российской империи : состоящий из 52 карт : изданный во граде св. Петра в лето 1796 е, а царствования Екатерины II XXXV е. СанктПетербург : Тип. Сытина, 1796.
4. Русские Курилы: история и современность: сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы / сост. В. К. Зиланов, А. А. Кошкин, А. Ю. Плотников, С. А. Пономарев. 3-е изд. М. : Алгоритм, 2015.
5. Sohr K. Vollständiger Hand – Atlas der neueren Erdbeschreibung uber alle... staaten. Leipzig, 1854.
6. Atlas von Land- und Seekarten von Japanischen Reiche und dessen Neben und Schutz ländern Jezo mit den südlichen Kurilen / Ph. F. von Siebold (Hrsgs.). Berlin: Schropp, 1851.
7. Плотников А. Ю. Русская дальневосточная граница в XVIII – первой половине XX века: Двести пятьдесят лет движения России на Восток: монография. М. : КомКнига, 2019.
8. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века. М. : Наука, 1989.

REFERENCES

1. Kostornichenko, V. N., Sirvatko, P. A. (2021). Frontier: theory genesis, main tenets, development (historiographical overview). USA & Canada: Economics, Politics, Culture, 51 (2), 72–89. (In Russ.)
2. Polonski, A. S. (1871). Kurily = Kuril Islands. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. (Vol. 3). St. Petersburg. (In Russ.)
3. Atlas of the Russian Empire: consisting of 52 maps: published in the city of St. Peter in the summer of 1796, and the reign of Catherine II XXXV e. St. Petersburg: Type. Sytin, 1796.

4. Russkie Kurily: istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya russko-yaponskoj i sovetko-yaponskoj granicy = Russian Kuriles: history and modernity. Collection of documents on the history of the formation of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border. (2015) / V.K.Zilanov, A.A.Koshkin, A.Yu.Plotnikov, S. A. Ponomarev. 3rd ed. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
5. Sohr K. Vollständiger Hand – Atlas der neueren Erdbeschreibung uber alle... staaten. Leipzig, 1854.
6. Atlas von Land- und Seekarten von Japanischen Reiche und dessen Neben und Schutz ländern Jezo mit den südlichen Kurilen / Ph. F. von Siebold (Hrgs.). Berlin: Schropp, 1851.
7. Plotnikov, A.Yu. (2019). Russkaya dal'nevostochnaya granica v XVIII – pervoj polovine XX veka: Dvesti pyat'desyat let dvizheniya Rossii na Vostok = The Russian Far Eastern Border in the XVIII - first half of the XX century: Two Hundred and fifty years of Russia's Movement to the East. Moscow: KomKniga (In Russ.)
8. Russkie ekspedicii po izucheniyu severnoj chasti Tihogo okeana vo vtoroj polovine XVIII veka = Russian expeditions to study the North Pacific Ocean in the second half of the XVIII century (1989). Moscow: Nauka (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плотников Алексей Юрьевич

доктор исторических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, член Научного совета Российского военно-исторического общества (РВИО)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Plotnikov Aleksej Jur'evich

Doctor of History, Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Member of the Scientific Council of the Russian Military Historical Society

Статья поступила в редакцию 08.12.2021
одобрена после рецензирования 28.12.2022
принята к публикации 10.01.2022

The article was submitted 08.12.2021
approved after reviewing 28.12.2022
accepted for publication 10.01.2022

Научная статья

УДК 327:341.24

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_108

Гуманитарная помощь сирийскому народу (2015–2018): некоторые итоги и выводы

А. Н. Рыбалкин

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

anrybalckin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс российской гуманитарной помощи сирийскому народу. По результатам обобщаемого материала определены основные направления и специфика деятельности по оказанию гуманитарной помощи в рамках сирийского направления в российской ближневосточной политике.

Ключевые слова: российская гуманитарная помощь, гуманитарная операция, эвакуация, медикаменты, продовольствие, медицинская помощь, разминирование, мирные жители, парашютные платформы

Для цитирования: Рыбалкин А. Н. Гуманитарная помощь сирийскому народу (2015–2018): некоторые итоги и выводы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 1(846). С. 108–114. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_108

Original article

Humanitarian Assistance to the Syrian People (2015–2018): Some Results and Conclusions

A. N. Rybalkin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

anrybalckin@yandex.ru

Abstract. The article studies the process of Russian humanitarian assistance to the Syrian people. Based on the results of the summarized material, the main directions, features of humanitarian assistance activities within the framework of the Syrian direction in the Russian Middle East policy during the study period, directions of the humanitarian operation were identified.

Keywords: Russian humanitarian aid, humanitarian operation, evacuation, medicines, food, medical assistance, demining, civilians, parachute platforms

For citation: Rybalkin, A. N. (2022). Humanitarian assistance to the Syrian people (2015–2018): some results and conclusions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 108–114. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_108

ВВЕДЕНИЕ

Согласно определению Международного суда ООН, все виды безвозмездной помощи в районы, охваченные катастрофой, природными катаклизмами, находящиеся в зоне вооруженного конфликта, связанные с поставкой продовольствия, одежды, медикаментов и других жизненно необходимых предметов, можно назвать гуманитарной помощью. При этом поставки оружия, боеприпасов, военной техники и других средств, которые способны нанести урон или лишить человека жизни, не относятся к гуманитарной помощи. Вследствие внутрисирийского конфликта, начавшегося в 2011 году, переросшего через год в гражданскую войну и приведшего к гуманитарному кризису¹, ООН и ее структуры оказывали гуманитарную помощь населению Сирийской Арабской Республике (САР), чем внесли значительный вклад в разрешение военного конфликта мирным путем [Аксенёнок, 2019; Шляхтунов, Матвеев, 2017; Матвеев, 2019; Матвеев, Нестерчук, 2018; Матвеев, Сумин, Вейсов, 2018]. Но гуманитарная помощь США и их союзников преследовала другие цели, как стратегические, так и политические.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ СИРИЙСКОМУ НАРОДУ

Гуманитарная помощь со стороны ООН оказывалась с 20 марта 2014 года до тех пор, пока 19 сентября 2016 года гуманитарный конвой ООН и общества «Красный месяц» не попал под обстрел в пригороде г. Урум аль-Кубра (на востоке от Алеппо)², в результате чего погибло порядка 20 человек (*Новости ООН, 20.03.2014; News2.ru, 05.10.2016*). После случившегося ООН отказалась участвовать

¹По состоянию на январь 2021 года, по данным ООН, в САР 13,4 млн чел. нуждались в той или иной форме в гуманитарной помощи, в том числе 6 млн чел. нуждались остро. Более 12 млн чел. изо дня в день пытались найти достаточное количество пищи, а полмиллиона детей страдали от хронического недоедания. Более половины довоенного сирийского населения, насчитывавшего 22 млн чел., покинули свои дома. Около 6,7 млн чел. являются внутренне перемещенными лицами, многие из них живут в лагерях, в то время как еще 5,6 млн зарегистрированы в качестве беженцев за рубежом (*BBC, 12.03.2021*).

²Российские военные, изучив съемку с места, не нашли признаков попадания снарядов в колонну, а только следы пожара, который по времени совпал с началом наступления террористов группировки «Джебхат ан-Нусра» (запрещена в РФ) на Алеппо. Минобороны РФ опубликовало кадры видеонаблюдения за конвоем с беспилотника, заявив, что на них видно, как вместе с колонной боевики перебрасывают пикап с минометом большого калибра. В Пентагоне уверяют, что авиация коалиции не летала над районом, где конвой подвергся удару. Однако по данным Минобороны РФ, американский беспилотник покинул зону атаки примерно через полчаса после инцидента (*News2.ru, 16.10.2016*).

в наземных операциях по доставке гуманитарных грузов в Сирии (*Новая газета, 04.11.2016*).

Гуманитарная помощь США и их союзников Сирии оказывалась, но преследовала другие цели, как стратегические, так и политические. Финансируя с сентября 2014 года подготовку солдат оппозиции на территории Саудовской Аравии и Турции, американская администрация израсходовала около 500 млн долл. США. Многие из обученных таким образом сирийцев продавали свое оружие террористам, а сами бежали из страны в Европу, спровоцировав тем самым миграционный кризис. К воздушной переброске медикаментов и военной амуниции в осажденный г. Кобани американские ВВС приступили 20 октября 2014 года (*CNN, 21.10.2014*).

США оказывали помощь, но иного характера. По данным авторитетного издания «Jane's Defence Weekly», США в качестве основной части своей «кампании по борьбе с терроризмом» поставляли сирийским повстанцам (известным как «умеренная» Аль-Каида) значительный объем вооружений и боеприпасов. США и их союзники, включая Турцию и Саудовскую Аравию, направляли вооружение через частных посредников³ (*Свободная пресса, 06.10.2016*).

В октябре 2015 года Пентагон принял решение об отправке 30 американских инструкторов непосредственно в лагеря сирийской оппозиции, чтобы укрепить их моральный дух и усилить давление на позиции ИГ (запрещено в РФ). На основе объединения сирийских и курдских союзников формировались «Демократические силы Сирии» (*Lenta.ru, 12.10.2015*).

Позже гуманитарные грузы стали сбрасывать и над позициями группировок, воюющих против сил Б. Асада. Эту помощь получали боевики ИГ (запрещено в России), что были вынуждены признать и сами представители Министерства обороны США.

В оказании реальной помощи вооруженным силам и гражданам САР при поддержке России⁴, принимали участие поставками гуманитарной помощи Иран, Китай, Венесуэла – поставками топлива, а также Армения, Белоруссия, Казахстан и др. (пр. 28.08.2013) (*Reuters, 16.02.2012*). Министерство обороны Сербии, например, предоставило гуманитарную помощь Сирии весом более 10 т. Помощь доставлена двумя российскими самолетами с аэродрома «Константин Великий» (*ФАН, 18.10.2016*).

³Причем осуществлялись поставки оружия, произведенного в странах Восточной Европы, на Балканах и в Китае.

⁴Начало гуманитарному российско-сирийскому сотрудничеству следует считать 1995 год в связи с введением в действие Межправительственного соглашения о культурном и научном сотрудничестве.

Существенную помощь САР оказывали международные организации. Среди основных волонтеров следует выделить Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца (IFRC), Управление по координации гуманитарных вопросов при ООН (UNOCHA), «Россия с Вами!» при Росрезерве и др. Красный Крест в Сирии оказывал гуманитарную помощь всем нуждающимся. Сотрудники Красного Креста при поддержке Сил специальных операций (ССО) РФ, помогали эвакуировать раненных боевиков (ФАН, 15.12.2016). Доставку гуманитарных грузов, в частности от Международного Комитета Красного Креста и ООН, обеспечивали военнослужащие армии САР, которые несмотря на обвинения со стороны западных СМИ, делали всё, чтобы мирные жители легче переносили трудности, связанные с войной (Инфореактор, 05.02.2022; New Inform, 10.09.2016). В оказании реальной гуманитарной помощи гражданам САР, при поддержке России, принимали участие Иран, Китай, Венесуэла (поставки топлива), а также Армения, Белоруссия, Казахстан, Сербия и др.

Официально российская гуманитарная миссия в Сирии создавалась Распоряжением Д. А. Медведева от 18.12.2015 года. РФ поставляла в Сирию гуманитарную помощь и проводила операцию, которая обходилась МО РФ, по мнению специалистов, как минимум в 2,5 млн долл. США ежедневно (РБК, 15.01.2016). При этом Россия не стала страной, принимающей беженцев¹. Однако, не только по мнению сирийцев, российская помощь была исключительной. В марте 2016 года Международный Комитет Красного Креста высоко оценил роль РФ по содействию международным усилиям по доставке гуманитарной помощи в осажденные населенные пункты на территории Сирии в соответствии с положениями Резолюций № 2254, 2268 Совета Безопасности ООН. Вместе с тем Красный Крест заявлял о беспристрастности в помощи и оказывал необходимую гуманитарную помощь всем нуждающимся. Например, сотрудники Красного Креста при поддержке ССО РФ, помогли эвакуировать раненных боевиков (ФАН, 15.12.2016).

Россия взаимодействовала с международными и иностранными организациями по гуманитарному аспекту кризиса в Сирии, внося взносы в бюджет уполномоченных международных агентств, в частности, в Международный комитет

¹Находящиеся на территории России сирийцы, приехавшие, как правило, до начала войны, в редких случаях получают статус беженца или временное убежище. Согласно докладу Комитета Гражданского содействия «Сирийские беженцы в России», за весь период конфликта (2011–2016 г. данных еще нет) о статусе беженца в России ходатайствовало 2 011 граждан Сирии, но предоставлен он был только одному из них. С заявлением о предоставлении временного убежища обратилось 4 462 сирийца, а получили его 3 306 человек.

Красного Креста (МККК), Управление ООН по делам беженцев (УВКБ), Управление по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) ООН, Всемирную продовольственную программу (ВПП) ООН и т. д.

ГУМАНИТАРНАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РАМКАХ СИРИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

Российская гуманитарная операция началась 15 января 2016 года в *особо сложных районах*². Как показало исследование, **первым направлением** гуманитарной помощи стала доставка продовольствия и медикаментов, теплой одежды и одеял. *Особенность гуманитарной помощи* состояла в ее отправке в осажденные города разных провинций. Доставка гуманитарной помощи населению Сирии осуществлялась силами авиации МЧС при координации МИД во взаимодействии с заинтересованными органами исполнительной власти и общественными организациями (Инфореактор, 10.09.2016). Это стало *второй особенностью* оказания гуманитарной помощи. С мая 2012 года поставки гуманитарной помощи (продовольствия и предметы первой необходимости) мирному населению в осажденные районы стали проводится на регулярной основе, что позволило несколько ослабить гуманитарную катастрофу (РБК, 30.09.2015). Регулярность поставок стала *третьей особенностью* оказания гуманитарной помощи. Российская гуманитарная помощь оказывалась ежедневно, причем не только в районы, подконтрольные правительственной армии, но и «умеренной оппозиции» (New Inform, 10.09.2016), что стало *четвертой особенностью* оказания гуманитарной помощи.

Вторым важным направлением российской гуманитарной помощи стала эвакуация гражданских лиц как из России, так и других государств.

Третьим направлением российской гуманитарной помощи стало развертывание палаточных лагерей для сирийских беженцев.

Поставки гуманитарной помощи постоянно наращивались. После принятия решения о развертывании в САР Вооруженными силами РФ «гуманитарной операции», основная помощь направлялась в город Дейр-эз-Зор, долгое время находившийся в осаде ИГ (запрещено в РФ).

Российская помощь оказывалась не только жителям, которые решили покинуть город, но и тем,

²Российская гуманитарная операция России проводилась в русле гуманитарной помощи сирийскому государству в рамках сирийского направления в российской ближневосточной политике.

кто в нем остался, что стало *пятой особенностью* оказания гуманитарной помощи. Одновременно Россия заявила, что готова сотрудничать с ООН в рамках масштабной гуманитарной операции. Поставка гуманитарной помощи сирийскому населению способствовала примирению враждующих сторон во многих поселениях, охваченных военным конфликтом. Это вело к присоединению к режиму прекращения огня всё большего числа населенных пунктов. Продолжались переговоры о прекращении боевых действий с полевыми командирами вооруженных формирований.

Исследование показало, что *шестой особенностью* оказания гуманитарной помощи стало создание Координационного центра по примирению враждующих сторон на территории САР, взявшего на себя миссию куратора гуманитарной операции. О создании на авиабазе Хмеймим Координационного центра по примирению враждующих сторон на территории Сирии Минобороны РФ объявило 23 февраля 2016 года. Его развернули в соответствии с Российско-американскими договоренностями о прекращении боевых действий в Сирии с 27 февраля 2016 года (*Вестни.Ру, 30.05.2016*). Процесс оказания гуманитарной помощи находился под непосредственным контролем и охраной российского Центра по примирению враждующих сторон, действовавшего в тесном взаимодействии с международными, государственными и общественными гуманитарными организациями.

Большое значение имели прием эвакуированных граждан на подконтрольных сирийскому правительству территориях, оказание первой помощи, размещение в госпиталях и палаточных лагерях, снабжение продовольствием и предметами первой необходимости, что стало *седьмой особенностью* оказания гуманитарной помощи. Это нередко способствовало прекращению боевых действий и переходу войск оппозиции на правительственную сторону. Здесь большую роль сыграла объявленная сирийским правительством амнистия.

Ежедневно проводились гуманитарные акции, в ходе которых мирным жителям передавалась гуманитарная помощь. Наборы гуманитарной помощи включали в себя индивидуальные рационы питания, продуктовые наборы, муку, сахар, крупы, рыбные и мясные консервы. Передача гуманитарной помощи мирному населению осуществлялась двумя способами:

- гуманитарными конvoями;
- с помощью использования парашютных платформ Р-7.

Сирийские военнослужащие не препятствовали любым гуманитарным конvoям (от ООН,

Красного Креста или России). Контроль за доставкой гуманитарных грузов осуществлялся систематически. Факты свидетельствуют о выявлении случаев, когда под видом гуманитарной помощи имели место попытки доставить припасы и медикаменты боевикам (запрещенных в России группировок) (*EurAsia Daily, 04.08.2016*). Контроль за доставкой гуманитарных грузов с целью недопущения доставки припасов и медикаментов боевикам стал *восьмой особенностью* оказания гуманитарной помощи.

Результаты обобщаемого материала показали, что имели место отдельные проблемы, связанные с прохождением гуманитарной помощи. Препятствием к доставке грузов стали турецкие военные, а вовсе не сирийские правительственные войска. В качестве оснований для задержания гуманитарной помощи турецкая сторона использовала формулировку «товары и технологии двойного применения», то есть груз можно, якобы, использовать в военных целях. Для западных СМИ это уже явилось поводом для раздутых статей о «темной стороне» российских гуманитарных конвоев (*EurAsia Daily, 04.08.2016*). Это стало *девятой особенностью* оказания гуманитарной помощи.

Большая часть мирных жителей г. Алеппо (точных данных об их количестве нет) находилась в осаде у террористов¹. В таких случаях гуманитарную помощь доставляли по воздуху. Поставки осуществлялись с использованием парашютных платформ в труднодоступные районы Сирии, путем сбрасывания контейнеров с грузом на парашютах (*Инфореактор, 10.09.2016*). В ходе операции мирным жителям доставлялись продовольствие, медикаменты и предметы первой необходимости. Осуществление поставок по воздуху стало *десятой особенностью* оказания гуманитарной помощи.

Масштабная гуманитарная операция почти сразу столкнулась с негативной реакцией внешних сил и активизацией военных действий со стороны боевиков-исламистов в Алеппо – во втором по величине сирийском городе (*zakon.kz. 28.07.2016*). Для всего населения Алеппо существовала реальная угроза физического выживания, поэтому для его спасения сирийские и российские войска установили гуманитарные коридоры выхода из зоны боевых действий:

¹Крупнейший сирийский г. Алеппо (в 2011 г. его население составляло более 2,5 млн чел.) вскоре после начала гражданской войны стал центром противостояния правительственных войск и различных групп вооруженной оппозиции. За годы гражданской войны окраины города стали непригодны для жизни, от домов остались руины и стены. Однако в самом населенном пункте, а также пригородах оставались мирные жители, которые не поддерживали политику террора.

– три гуманитарных прохода-выхода для мирных граждан (информирование людей о местонахождении гумкоридоров осуществлялось при помощи листовок, сбрасываемых с самолетов и вертолетов);

– один – для боевиков, готовых сложить оружие.

Четвертым направлением российской гуманитарной помощи стало разминирование. Российские саперы успешно выполняли гуманитарную миссию по разминированию районов, освобожденных сирийской армией от боевиков.

Пятое направление российской гуманитарной помощи сложилось в ходе взаимодействия с международными структурами в этой области, для выработки совместных мер по стабилизации обстановки.

Значимый вклад в обеспечение нуждающихся продовольствием, в оказание образовательных услуг, удовлетворение медицинских потребностей был внесен автономной некоммерческой организацией «Русская гуманитарная миссия» («Russian Humanitarian Mission»), созданной Е. М. Примаковым в 2010 году. Процесс оказания гуманитарной помощи находился под непосредственным контролем и охраной Российского центра по примирению враждующих сторон и действовавшего в тесном взаимодействии с международными, государственными и общественными гуманитарными организациями, что стало *одинадцатой особенностью* оказания гуманитарной помощи. Результаты обобщаемого материала показали, что имела место ощутимая поддержка, оказываемая российскими общественными организациями и рядовыми гражданами страны.

Исторический опыт свидетельствует, что РФ оказывала финансовую помощь:

- по линии международных организаций;
- на двусторонней основе сирийскому правительству.

По информации Управления по координации вопросов гуманитарного сотрудничества ООН, Россия с начала внутрисирийского конфликта выделяла на гуманитарную помощь 52 млрд долл. С 2012 года регулярно оказывалась гуманитарная помощь силами и средствами МЧС. В 2015 году Правительство подписало Указ, по которому выделялось на гуманитарную помощь по 2 млрд долл. Финансовая помощь стала *двенадцатой особенностью* российской гуманитарной помощи.

В марте 2018 года исполнилось семь лет гражданской войны в Сирии. В исследуемый период не удалось разрешить сирийский кризис, гуманитарная ситуация продолжала ухудшаться. По мнению

специалистов, возможно достижение такого предела, когда накатывающую гуманитарную катастрофу не сможет предотвратить никакая финансовая поддержка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования основных направлений гуманитарной помощи сирийскому народу в рамках сирийского направления в российской ближневосточной политике в исследуемый период, позволяет сделать ряд выводов.

1. В оказании реальной гуманитарной помощи гражданам САР приняли участие Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца (IFRC), Управление по координации гуманитарных вопросов при ООН (UNOCHA), негосударственные общественные организации, ряд стран мирового сообщества. При этом особая роль – принадлежала Российской Федерации.

2. Российская гуманитарная помощь силами МЧС населению САР началась с весны 2012 года.

3. Российская гуманитарная операция началась 15.01.2016 года в особо сложных районах и проводилась по следующим направлениям:

- доставка продовольствия и медикаментов, теплой одежды и одеял;
- эвакуация российских гражданских лиц и других государств;
- развертывание палаточных лагерей для сирийских беженцев;
- разминирование объектов и районов, освобожденных сирийской армией от боевиков.

4. Российская гуманитарная операция имела ряд особенностей:

- отправка гуманитарной помощи производилась в осажденные города разных провинций;
- доставка гуманитарной помощи населению Сирии проводилась силами авиации МЧС при координации МИД во взаимодействии с заинтересованными органами исполнительной власти и общественными организациями;
- поставки осуществлялись регулярно, ежедневно;
- гуманитарная помощь направлялась не только в районы, подконтрольные правительственной армии, но и «умеренной оппозиции»;
- помощь оказывалась не только жителям, которые решили покинуть город, но и тем, кто в нем остался;
- был создан Координационный центр по примирению враждующих сторон на территории САР, взявший на себя миссию куратора гуманитарной операции;

- процесс оказания гуманитарной помощи находился под непосредственным контролем и охраной российского Центра по примирению враждующих сторон и действовавшего в тесном взаимодействии с международными, государственными и общественными гуманитарными организациями;
- гуманитарная помощь включала в себя прием эвакуированных граждан на подконтрольных сирийскому правительству территориях, оказание первой помощи, размещение в госпиталях и палаточных лагерях, снабжение продовольствием;
- передача гуманитарной помощи мирному населению осуществлялась двумя способами: гуманитарными конvoями и с помощью использования парашютных платформ P-7;
- имели место отдельные проблемы, связанные с прохождением гуманитарной помощи, например, препятствием к доставке грузов стали турецкие военные, а вовсе не сирийские правительственные войска. В качестве оснований для задержания гуманитарной помощи, турецкая сторона использовала формулировку «товары и технологии двойного применения», т. е. груз можно якобы использовать в военных целях;
- значительное количество мирных жителей находилось в осаде у террористов, поэтому в таких

случаях гуманитарную помощь доставлялась по воздуху;

- помощь нуждающимся (продовольствием, в оказании образовательных услуг, в удовлетворении медицинских потребностей) осуществлялась автономной некоммерческой организацией «Русская гуманитарная миссия» (Russian Humanitarian Mission), созданной Е. М. Примаковым в 2010 году, и другими организациями;
- финансовая помощь выделялась Правительством РФ;
- поддержка оказывалась российскими общественными организациями и рядовыми гражданами страны.

5. Операция по оказанию гуманитарной помощи сирийцам приобрела масштабный и устойчивый характер после создания в феврале 2016 года Центра по примирению враждующих сторон на территории САР.

6. Внутрисирийский конфликт (гражданская война) продолжается более 9 лет. Пока не удалось разрешить кризис, вследствие чего гуманитарная ситуация продолжит ухудшаться и, не исключено, достигнет того предела, когда даже большие финансовые пожертвования не смогут сдержать приближающуюся гуманитарную катастрофу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксёнов А. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру: Россия в глобальной политике // Валдайские записки. 27.08.2019 URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojny-k-miru/>
2. Шляхтунов А. Г., Матвеев О. В. Некоторые итоги российской военно-политической помощи Сирийской Арабской Республике: история и политика // Вестник Екатеринбургского института 2017. № 1(37). С. 42–47.
3. Матвеев О. В. Фактор радикального ислама во внутрисирийском конфликте // Вестник молодых ученых-международников. 2019. № 2(8). С. 10–21.
4. Матвеев О. В., Нестерчук О. П. Особенности политического урегулирования внутрисирийского конфликта в 2016–2018 годах // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 4(40) С. 70–76.
5. Матвеев О. В., Сумин Д. А., Вейсов А. Р. Особенности российской военно-политической помощи (2016–2018): исторический опыт, уроки // Вестник Екатеринбургского института. 2018. № 3(43) С. 81–88.

REFERENCES

1. Aksenenok, A. Sirijskij krizis: ternistoe dvizhenie oe vojny k miru = The Syrian crisis: the thorny movement from war to peace: Russia in global politics. Valdajskie zapiski. 2019, 27 August. <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojny-k-miru/> (In Russ.)
2. Shlyakhtunov, A. G., Matveev, O. V. (2017). Some results of Russian military-political assistance to the Syrian Arab Republic: history and politics. Bulletin of the Catherine Institute, 1(37), 42–47. (In Russ.)
3. Matveev, O. V. (2019). Factor of radical Islam in the intra-Syrian conflict. Bulletin of young international scientists, 2(8), 10–21. (In Russ.)
4. Matveev, O. V., Nesterchuk, O. P. (2018). Features of a political settlement of the intra-Syrian conflict in 2016–2018. Bulletin of Catherine The Great National Institute, 4(40), 70–76. (In Russ.)
5. Matveev, O. V., Sumin, D. A., Veisov, A. R. (2018). Peculiarities of the Russian military and political aid (2016–2018): historical experience, lessons. Bulletin of Catherine The Great National Institute, 3(43), 81–88. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбалкин Андрей Николаевич

соискатель кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybalkin Andrej Nikolaevich

Postgraduate Student, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию 13.01.2022
одобрена после рецензирования 02.02.2022
принята к публикации 04.02.2022

The article was submitted 13.01.2022
approved after reviewing 02.02.2022
accepted for publication 04.02.2022

Научная статья

УДК 316.774

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_115

Социологический анализ особенностей доверия к СМИ в современном обществе

М. О. Бессонова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

margobes@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется доверие населения к средствам массовой информации. По данным социологических исследований ВЦИОМ, ФОМ, ЦИРКОН, Ipsos фиксируется снижение уровня доверия населения к СМИ. Анализируются основные факторы и причины сложившейся ситуации, на основе чего делается вывод о необходимости социологического мониторинга доверия граждан к СМИ и распространяемой ими информации.

Ключевые слова: коммуникация, доверие, одобрение, средства массовой информации, современное общество, фейковые новости

Для цитирования: Бессонова М. О. Социологический анализ особенностей доверия к СМИ в современном обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 115–122. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_115

Original article

Sociological Analysis of the Features of Trust in the Media in Modern Society

M. O. Bessonova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

margobes@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of public trust in the mass media. According to the analysis of data from sociological studies of VTSIOM, FOM, ZIRCON, Ipsos, a decrease in the level of public confidence in the media is recorded. The main factors and causes of the current situation are analyzed, on the basis of which it is concluded that there is a need for sociological monitoring of citizens' trust in both the media and the information they distribute.

Keywords: communication, trust, approval, media, modern society, fake news

For citation: Besonova, M. O. (2022). Sociological analysis of the features of trust in the media in modern society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 115–122. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_115

ВВЕДЕНИЕ

Средства массовой информации (СМИ) продолжают оставаться основным каналом взаимодействия власти с населением, различными социальными группами, общностями. Ключевыми медиа выступают телевидение, радио, пресса и Интернет. Человек может выбирать, где или с помощью какого средства СМИ он хочет узнать новости, получить информацию. Одним из ключевых факторов, влияющих на выбор населением тех или иных информационных каналов является уровень доверия граждан к ним.

Важно понимать, что СМИ играют ключевую роль в формировании общественного мнения, отношения к какой-либо публичной личности. Проблема здесь заключается в том, что, с одной стороны, этика журналистики обязывает СМИ беспристрастно и честно освещать события и информировать население о происходящем в мире, с другой – сегодня СМИ, особенно такие, как телевидение и пресса, всё меньше пользуются доверием среди населения.

Для анализа данной проблемы прежде всего рассмотрим сущностные признаки ключевых понятий «доверие» и «средства массовой информации» в социологии. А затем обратимся к анализу результатов социологических исследований доверия к СМИ в России, а также в других странах – по данным международных исследований.

ДОВЕРИЕ К СМИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Классической моделью коммуникационного процесса считается концепция Г. Лассуэлла. Она содержит вопросы *кто? что? кому?* и затрагивает канал, по которому передается информация, а также эффект, который производит сообщение. Модель М. де Флера включает еще приемник и передатчик. М. де Флер предположил, что процесс коммуникации цикличен, и добавил новый элемент – обратную связь: источник может также выступать в качестве получателя и, наоборот, получатель – в качестве источника.

Получателем может быть не один индивид, а целая группа или даже аудитория. В этом случае следует упомянуть понятие массовой коммуникации. Особенности, которые отличают ее от других видов коммуникации, являются технологический канал передачи (телевизор, радиоприемник, компьютер) и не прямое взаимодействие с анонимной аудиторией [Иванов, 2013].

М. Вебер одним из первых начал изучать медиа и журналистику с точки зрения социологического

знания. В 1910 году он сформулировал понятие «социология прессы» и способы ее изучения с помощью статистических методов. С появлением новых средств массовой коммуникации наметились и другие направления исследований. Например, труд П. Бурдьё «О телевидении и журналистике», в котором он рассматривал способность журналистики влиять на культуру, экономику, политику, науку и т. д. [Bourdieu, 1998].

Следующий этап развития исследований СМИ начался с появлением Интернета. Одной из работ, посвященных анализу и изучению Интернета, его влияния на социальные институты и коммуникацию в обществе, является «Галактика Интернет» М. Кастельса [Кастельс, 2004].

С развитием СМИ меняется и специфика их взаимодействия с пользователями. Следует описать особенность телевидения, которую выделял П. Бурдьё и которая в современном мире свойственна остальным СМИ, – способность «скрывать, показывая» [Bourdieu, 1998]. Телевидение показывает и заставляет поверить в то, что оно показывает. Манипулируя сознанием индивидов, оно может навязывать определенные идеи обществу. Тем самым транслируемая информация о событиях создает нужный эффект, который воздействует на настроение и поведение людей. СМИ способны формировать социальную реальность с конкретным видением мира, которая может объединять либо разобщать население. Таким образом, связь между медиа и аудиторией можно определить как взаимодействие. Отличительной чертой социального взаимодействия выступает тот факт, что это долгосрочный процесс, поддерживаемый взаимными ожиданиями. СМИ стремятся расширить свою целевую аудиторию и стать лидером общественного мнения. Население, в свою очередь, надеется, что та информация, которую оно получает из различных источников, достоверна и правдива. Другими словами, ожидания населения от СМИ можно определить как степень доверия.

Данная концепция достаточно широко рассматривалась социологами в их исследованиях. Одним из наиболее значимых трудов по социологии доверия является книга П. Штомпки «Доверие – основа общества». В ней он рассмотрел различные подходы к определению данного понятия и его особенностей. Он писал, что доверие – это залог, принимаемый на будущие действия других людей [Штомпка, 2012]. Следовательно, данное понятие может существовать лишь в обществе, в процессе взаимодействия индивидов или даже групп. Это позволяет охарактеризовать доверие, как социальное явление (феномен).

Социологические науки

Таким образом, опираясь на различные подходы к основным понятиям данной работы, можно вывести авторское определение *доверия* к СМИ – это социальный феномен, характеризующийся верой индивида в надежность и объективность социального института, целью которого является информирование населения, т. е. медиа.

ВОЗМОЖНЫЕ ФАКТОРЫ НИЗКОГО ДОВЕРИЯ СМИ

В отношениях между СМИ и населением, как и в любом взаимодействии, существуют взаимные ожидания. Несоответствие этим ожиданиям может привести к недоверию и прекращению взаимодействия.

С развитием и распространением СМИ всё больше растёт их влияние на мнение аудитории. В 1930-х годах политолог Г. Лассуэлл описал одну из теорий медиаэффектов – теорию магической пули. Её суть заключается в том, что информация от источника СМИ рассматривается как стимул, который вызывает моментальную реакцию аудитории. Как иллюстрацию этой теории можно рассмотреть радиотрансляцию книги «Война миров» Г. Уэллса в 1938 году и последующую реакцию на неё американского населения [Lowery, 1995]. Слушатели приняли радиопостановку за реальные новостные репортажи, что привело к всеобщей панике. Это – яркий пример на отношение людей к СМИ.

Однако теория магической пули критиковалась за восприятие людей как пассивных и беспомощных объектов под воздействием коммуникационного стимула. Сегодня данная концепция устарела, так как потребители стали более придирчивыми к выбору источников новостей, и многие из них стремятся перепроверить полученную информацию.

Ключевая функция любых медиа – это предоставление достоверной и объективной информации о событиях в стране и мире. Работа с новостными статьями и репортажами требует определенной

профессиональной подготовки. Однако сегодня встречаются заголовки, которые сложно трактовать однозначно. Например рассмотрим заголовок: «Шойгу сказал, что приведет человечество к гибели»: 18 августа 2021 года министр обороны РФ С. Шойгу дал интервью журналу «Вокруг света», в котором высказал, что стремление человечества к потреблению может привести к гибели. На основе его сказывания издание «Взгляд» опубликовало новость с вышеупомянутым названием. После того, как началась широкая дискуссия по поводу неудачного заголовка, новостное издание заменило его на «Шойгу предупредил, что может привести человечество к его гибели». Несмотря на замену некоторых слов, двойной смысл заголовка остался прежним. Третий вариант заголовка стал более однозначным: «Шойгу рассказал, как человечество может прийти к гибели»¹.

Русский язык считается достаточно сложным языком, поэтому очень важно правильно выражать основную идею, чтобы передать достоверную информацию. Это пример того, как непрофессионализм журналистов и редакторов исказил смысл слов министра. Кроме того, в статьях достаточно известных изданий встречаются и грамматические, и орфографические ошибки, например, неправильное использование сравнительной степени². Важно обратить внимание на данную проблему, так как, согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), более трети респондентов указали, что представители власти не всегда четко и понятно объясняют в СМИ³ свои цели и задачи (*Спутник, 2021*) (см. рис. 1).

¹URL: <https://daily.afisha.ru/news/53661-shoygu-skazal-chto-privedet-chelovechestvo-k-gibeli-portal-vzglyad-sluchayno-sozdal-memnyy-zagolovok/>

²URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518806>

³URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=334&q_id=36357&date=06.06.2021

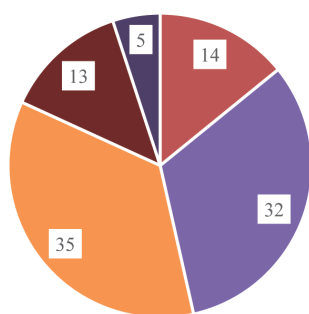

Рис. 1. Опрос ВЦИОМ о выступлениях политиков в СМИ (2021), в %

- Выступая в СМИ, сотрудники органов власти понятно объясняют свои цели и информируют о деятельности ведомства
- Скорее понятно
- Скорее не понятно
- Абсолютно не понятно
- Затрудняюсь ответить

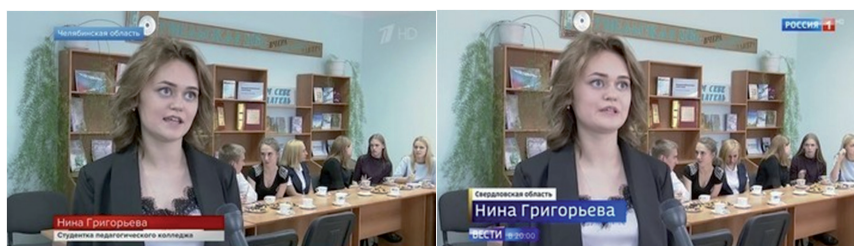

Рис. 2. Федеральные каналы «клонировали» студентку, похвалившую пенсионную реформу, 2018

Помимо этого, существуют прецеденты намеренной дезинформации населения. Цели могут быть различны, но наиболее часто это связано с политикой, как внутренней, так и внешней. Например, крупные федеральные каналы России показали интервью студентки в поддержку пенсионной реформы. Однако на одном канале студентка училась в Челябинской области, на другом – в Свердловской¹ (см. рис. 2). Более того, студентка не высказывалась в защиту пенсионной реформы, а только одобрила ее смягчение. Возможно, несоответствие регионов, где обучается студентка, не было преднамеренным. В таком случае следует еще раз упомянуть о важной роли профессионализма работников телевидения.

Затрагивая тему дезинформации, необходимо отметить такое социальное явление, как фальшивые (фейковые) новости: описание ситуации, когда информация намеренно искажается. Такие новости могут отражаться на поведении и настроении людей. Одни фейки могут быть опубликованы в официальных изданиях. Например, в 2018 году один из ведущих журналистов немецкого журнала «Шпигель» К. Релоциус признался, что по крайней мере в 14 репортажах сфальсифицировал данные, ссылался на выдуманные факты и упоминал вымышленные имена². Журналист, чьи заслуги были признаны не только Германией, но и европейскими странами, сам выступал создателем поддельной информации.

В другом случае источником фейков могут выступать сами пользователи Интернета, например, через рассылки в социальных сетях. Таким примером могут быть ложные новости о пожаре в торговом центре «Зимняя вишня» в 2018 году. После освещения трагедии в новостях в Интернете разошлись сведения о сотнях погибших, информацию о которых якобы скрывали власти региона³. Сами

пользователи распространяли эту дезинформацию по всей стране.

Одной из наиболее актуальных и обсуждаемых проблем современности выступает коронавирус и методы борьбы с ним. Так, в социальных сетях было популярно утверждение, что устройство мобильной связи 5G якобы распространяет коронавирус, но официальные издания публикуют материалы, опровергающие эту информацию⁴. Фейки могут существенно сказаться на благополучии людей, так как ложные факты могут привести к разобщению населения и возникновению конфликтных ситуаций.

Для предотвращения появления поддельных сведений работает специальная группа Общественной палаты РФ по противодействию распространению недостоверной информации, общественному контролю и безопасности Сети. На начало января 2022 года уже было выявлено до 800 фейков, касающихся коронавируса⁵. Кроме того, в 2019 году были приняты законы о запрете фейковых новостей, предполагающие блокировку ресурсов с ложными новостями, а также устанавливающие административную ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации.

Население нуждается в информации, и медиа начинают этим пользоваться с целью создания имиджа, распространения мнения или формирования конкретной точки зрения на происходящие события. Однако важно понимать, что население – это не пассивные объекты воздействия. Люди размышляют над получаемыми новостями и перепроверяют информацию, поэтому здесь существенную роль играет степень доверия, а именно – к какому источнику обратится индивид в поиске правды? Следовательно, важно понимать, какие медиа пользуются доверием населения.

¹URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/393855>

²URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/19/top-der-spiegel-journalist-resigns-over-fake-interviews>

³URL: <https://www.kp.ru/daily/26810/3847117/>

⁴URL: <https://style.rbc.ru/life/5f20210a9a7947c8f1045a98>

⁵URL: <https://ria.ru/20220117/feyki-1768147588.html>

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ К СМИ

Затрагивая тему доверия населения к СМИ, можно обратиться к результатам исследования ЦИР-КОН в июне – августе 2018 года, представленных в аналитическом отчете фонда «Медиастандарт»¹. Респондентам были заданы вопросы касательно доверия информации, передаваемой СМИ. Только около трети опрошенных ответили, что верят сообщениям СМИ. 50 % респондентов не верят большинству сообщений СМИ, 58 % – не верят информации, публикуемой в газетах или транслируемой по телевидению или радио (см. рис. 3).

Значительная часть населения скептически относится к СМИ и передаваемым ими новостям. Стоит отметить, что одним из компонентов доверия к СМИ является одобрение их деятельности. Оно означает определенную степень удовлетворенности работой и ее эффективностью. Следовательно, с целью изучить доверие необходимо проанализировать индекс одобрения данного социального института².

На рисунке 4 представлена динамика индекса по месяцам за последние 10 лет (до декабря 2021 года). Наибольший прирост одобрения можно отметить в начале 2014 года, что может

быть связано с освещением событий на Украине и в Крыму. Затем в течение почти пяти лет индекс одобрения был достаточно высоким и находился в интервале от 30 до 45. Однако за последние несколько лет наблюдается его снижение. Кроме того, в 2020 и 2021 годах индекс становился ниже нуля, что свидетельствует о том, что среди населения преобладало неодобрение деятельности СМИ.

Учитывая описанные ранее выводы, можно утверждать, что, с одной стороны, около половины населения с недоверием относится к информации, публикуемой в СМИ. С другой стороны, также около половины выражает одобрение. Следовательно, уровень доверия можно охарактеризовать, как средний (близкий к низкому), так как наблюдается тенденция к снижению индекса одобрения деятельности СМИ.

Основными СМИ, которыми пользуется население, являются пресса, радио, телевидение и Интернет. Тенденции пользования и доверия этим источникам информации можно рассмотреть на основе результатов исследования ВЦИОМ «Медиапотребление в России сегодня»³. В 2020 году существенно снизился процент доверия к телевидению (с 75 % до 55 %). Радио и пресса также не пользуются широким спросом среди населения. Интернет-платформы находятся на втором месте по уровню доверия. Кроме того, в отличие от доверия классическим СМИ, тенденция доверия Интернету

¹URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/b0d/Obraz_zhurnalistov-2018_otchet.pdf

²URL: https://old.wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshestvennyx_institutov/

³URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete>

Рис. 3. Доверие СМИ (2018), в %

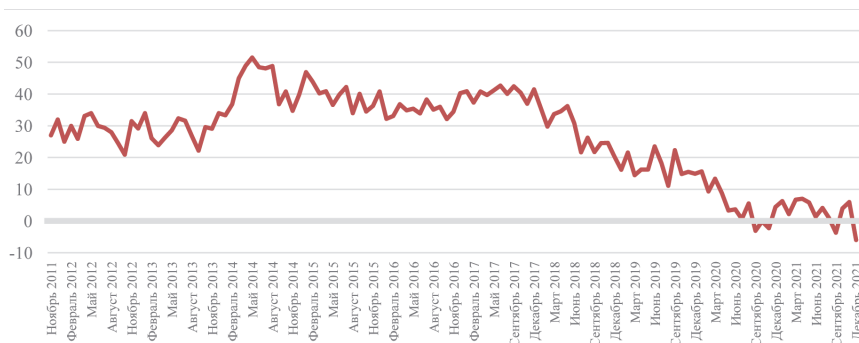

Рис. 4. Индекс одобрения деятельности СМИ

постоянно растет. Можно предположить, что скоро он станет лидером по показателю доверия.

При анализе доверия различным СМИ важно учитывать возраст респондентов. Согласно результатам исследования ВЦИОМ, существует определенная связь между возрастной группой и видом СМИ, который является основным для опрошенных¹. С возрастом увеличивается процент тех, кто смотрит телевизор для получения информации о событиях в мире и стране, и наоборот, снижается доля тех, кто пользуется интернет-ресурсами. Так, молодежь от 18 до 24 и от 25 до 34 лет (45 % и 35 %) в основном узнает новости через социальные сети (см. рис. 5). Телевидение, хотя и занимает первое место среди населения в целом, постепенно перестает быть ключевым источником информации, уступая место интернет-сайтам и социальным сетям.

Всемирная паутина в отличие от традиционных СМИ является открытым пространством для дискуссии. Под новостями в интернет-изданиях и постами в социальных сетях можно сразу читать и оставлять комментарии. Сегодня общение – важная составляющая досуга, и электронный канал коммуникации позволяет немедленно реагировать и обсуждать какую-либо информацию.

В настоящее время индивид предпочитает быть не пассивным читателем медиа, а активным новостным пользователем. Помимо упомянутого преимущества Интернет также предоставляет возможность сразу ознакомиться с тем, как преподносится одна и та же ситуация в разных СМИ, и затем уже сформировать собственное мнение.

Кроме того, изменение в отношении к классическим СМИ может быть связано со снижением уровня доверия к передаваемой информации. В качестве подтверждения данной гипотезы можно обратиться к результатам исследования Фонда общественного мнения (ФОМ)². Более половины опрошенных убеждены, что российские классические СМИ (телевидение, радио и пресса) необъективно и неполно освещают политическую ситуацию в стране (см. рис. 6).

Анализируя исследования, которые затрагивали проблему доверия к СМИ, можно сделать вывод, что значительное число людей сомневаются в достоверности той информации, которая транслируется в медиа. Уровень доверия, в особенности к классическим СМИ, существенно снизился за последнее время. Кроме того, у каждой возрастной группы популярны свои СМИ. Возможно, именно предубеждение к традиционным СМИ

¹URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete>

²URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14254>

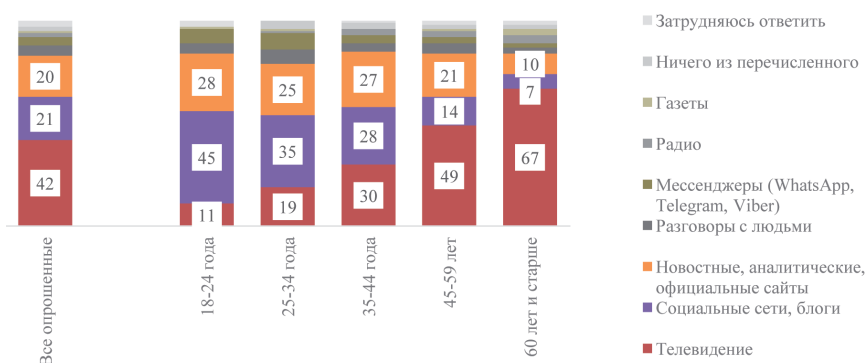

Рис. 5. Главный источник новостей (ВЦИОМ – 2021), в %

Рис. 6. «Как российские СМИ сегодня освещают политическую ситуацию в России?» (ФОМ – 2019), в %

(телевидение, пресса, радио) среди молодежи ведет к распространению Интернета как основного источника информации.

ДОВЕРИЕ К СМИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Затрагивая тему доверия к СМИ в разных странах, можно упомянуть исследование «Ipsos»¹, в котором рассматривалось изменения уровня доверия к СМИ за последние 5 лет по мнению респондентов. На рисунке 7 видно, что у большинства представленных стран процент ответов «стали доверять меньше» доминирует над ответом «стали доверять больше». Это свидетельствует о том, что проблема невысокого уровня доверия к СМИ актуальна не только для России, но и для других стран (см. рис 7).

Как упоминалось ранее, одним из негативных факторов, отражающихся на доверии, могут выступать фейковые новости. Более трети респондентов в государствах, принимавших участие в исследовании, отмечают большое количество ложной информации во всех СМИ. В более чем половине стран-участниц исследования данный процент был выше 50, т. е. опрошенное население считает, что в настоящее время в любых СМИ встречаются поддельные факты и вымышленные ситуации.

Международные исследования подтвердили, что уровень доверия к СМИ в России можно охарактеризовать как средний, близкий к низкому.

¹URL: <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2019-06/global-advisor-trust-in-media-2019.pdf>

Проблема доверия к СМИ сегодня является актуальной для многих стран. Явление фейковых новостей подрывает доверие людей к новостям по всему миру. Необходимо контролировать информацию, освещаемую в различных СМИ, и подтверждать ее реальными и достоверными фактами, чтобы оправдывать ожидания граждан и выполнять непосредственную и наиболее важную функцию СМИ – информирование населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня уровень доверия к медиа в России можно охарактеризовать как средний, более того, имеется тенденция к его постепенному снижению. Одним из ключевых факторов этого положения является несоответствие деятельности СМИ ожиданиям потребителей (целевых аудиторий). Выступая в качестве посредника между властью и населением, СМИ всё чаще игнорируют информационные запросы последних, не в полной мере учитывают и необъективно освещают проблемы, волнующие граждан. Эта тенденция характерна в той или иной мере и для ряда зарубежных стран.

Мониторинг уровня доверия к СМИ позволяет определять новые тенденции, оперативно фиксировать происходящие изменения, а также выявлять факторы, послужившие их причиной, так как скептическое отношение к деятельности официальных медиа ведет к тому, что люди получают информацию из социальных сетей, где число фейков постоянно растет. Кроме того, остро стоит проблема повышения профессиональной квалификации и гражданской

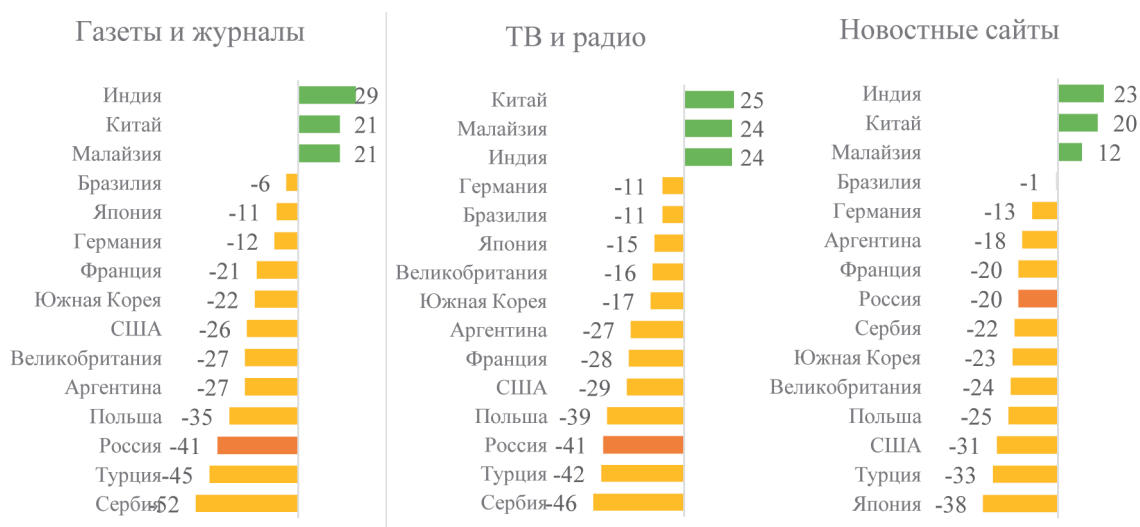

Рис. 7. Воспринимаемое изменение доверия к СМИ в течение 5 лет («Я стал доверять больше», минус «Я стал доверять меньше») (2019), в %

ответственности журналистов и других работников индустрии СМИ по доведению до граждан объективной и исчерпывающей информации.

Ведь утратить доверие значительно легче, чем его заслужить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В. Ф. Массовая коммуникация: Монография. Киев: Академия украинской прессы, Центр свободной прессы, 2013.
2. Bourdieu P. On television and journalism. London: Pluto Press, 1998.
3. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии издательства Гуманитарного университета), 2004.
4. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
5. Lowery Sh. Milestones in mass communication research: media effects. White Plains, N.Y.: Longman Publishers USA, 1995.

REFERENCES

1. Ivanov, V. F. (2013). Massovaya kommunikaciya: Monografiya = Mass communication. Monography. Kiev: The Academy of Ukrainian Press. (In Russ.)
2. Bourdieu, P. (1998). On television and journalism. London: Pluto Press
3. Castells, M. (2004). Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve = The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Ekaterinburg: U-Faktoriya (In Russ.)
4. Sztompka, P. (2012). Doverie – osnova obshchestva = Trust. Foundation of society. Moscow: Logos (In Russ.)
5. Lowery, Sh. (1995). Milestones in mass communication research: media effects. White Plains, N.Y.: Longman Publishers USA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессонова Маргарита Олеговна

студентка I курса магистратуры кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bessonova Margarita Olegovna

1st year (Master's program) of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022
одобрена после рецензирования 01.02.2022
принята к публикации 02.02.2022

The article was submitted 13.01.2022
approved after reviewing 01.02.2022
accepted for publication 02.02.2022

Научная статья

УДК 304.2

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_123

Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий

Д. Г. Передня

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия

2975829@mail.ru

Аннотация. В статье приводится анализ научных исследований управления, рассматриваемого в контексте культуры. Делается акцент на проблеме смешения понятий «управленческая культура» и «культура управления». Предлагается вариант разграничения указанных понятий на основе использования аксиологического либо дезаксиологического подхода к исследуемым явлениям. Сформулированы определения понятий на основе существенных признаков каждого феномена.

Ключевые слова: управленческая культура, культура управления, организация, ценность, деятельность

Для цитирования: Передня Д. Г. Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 123–129. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_123

Original article

Management Culture and Culture of Management: to the Question of Distinction of Concepts

D. G. Perednya

Academy of Management the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

2975829@mail.ru

Abstract. The article summarizes the analysis of scientific research of management considered in the context of culture. The emphasis is made on the problem of mixing the concepts of management culture and culture of management. A variant of delimiting these concepts based on the use of an axiological or disaxiological approach to the phenomena under study is proposed. Definitions of concepts are formulated based on essential features of both phenomena.

Keywords: management culture, culture of management, organization, value, activity

For citation: Perednya, D. G. (2022). Management culture and culture of management: to the question of distinction of concepts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 123–129. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_123

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всей истории человечества к управленческим качествам лидера предъявлялись высокие требования. В последние десятилетия также стали рассматриваться организационные причины, связанные с особенностями и качеством управления. Формой существования реальных управленческих практик является управленческая культура. Она представляет собой комплексный феномен, который интересен как в прикладном аспекте, так и в научно-исследовательском плане.

Познакомившись с научными исследованиями, нетрудно заметить, что в фокусе исследовательских интересов оказываются самые различные предметные области: управленческая культура крупных коммерческих организаций Юга России [Васьков, 2011], управленческая культура театральных учреждений [Шаврукова, 2019], управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил РФ [Ерохин, 2019], управленческая культура в системе органов внутренних дел [Коневская, 2014]. Есть отдельные работы посвященные изучению культуры управления [Белолипецкий, Павлова, 2004; Королева, 2010; Бикметов, 2014]. Среди понятий, характеризующих управленческие процессы в вооруженных силах, выделяется политическое руководство [Белозёров, 2011]. Авторы как правило исходят из того, что управление обусловлено совокупностью факторов, а управленческая культура и культура управления детерминируют результативность функционирования организации. Вектор направленности этих влияний может быть как в сторону улучшения характеристик управления, так и в обратную сторону.

Внимательный анализ содержания трудов по обозначенным проблемам позволяет заметить, что многие ученые в ходе своих исследований обнаруживают непонимание сути управленческой культуры и в той или иной степени проявляют тенденцию к смешению понятий, на наш взгляд принципиально разных. Недооценка роли существенных различий при определении управленческой культуры и культуры управления, приводят к минимизации, а порой и к отсутствию возможности описания и объяснения этих феноменов на эмпирическом уровне. Те же причины инициируют методологические изъяны и снижают применение методик изучения выбранных предметных областей. Без этого невозможно обогащать современную науку об управлении и управленческую практику комплексным релевантным знанием о состоянии управления в организации, причинах текущего положения дел и возможностях его регулирования.

Цель исследования – разграничить понятия «управленческая культура» и «культура управления». Решить вопрос разделения знания об управленческой культуре, полученного в результате деятельностного подхода, с одной стороны, и иных форм познания, касающихся преимущественно декларативного и ценностно нагруженного знания – с другой.

Задачами исследования являются, во-первых, проанализировать современные подходы к определению управленческой культуры; во-вторых, показать ее принципиальные, сущностные отличия от культуры управления; в-третьих, предложить определения подчеркивающие инаковость феноменов и исключаящих их смешение в процессе научной и образовательной деятельности.

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Предметные области управленческой культуры в онтологическом смысле связаны с культурой и вытекают из ее специфики. О культуре, ее эволюции высказано множество различных суждений на протяжении всех этапов познавательной деятельности человечества: религиозно-мифологическом, философско-этическом, научном.

Появление замысла исследования управленческой культуры обусловлено стремлением ученых ответить на вопросы, которые не вписываются в рамки существующих объяснительных теорий. В данном случае вся совокупность наук об управлении оказалась в затруднительном положении. Так как не находила ответов на вопросы о том, почему схожие организации и институты в обществах разных регионов и стран функционируют по-разному. Почему разработанные в теории управления модели управленческих действий в одинаковых институциональных средах приводят к существенно различным результатам. Исследователи управленческой культуры стали совместно рассматривать формальные и неформальные элементы процесса управления с учетом доминирующей и организационной культуры. Это и привело к более полному пониманию реального, а не идеального бытования управленческих практик. В фокусе внимания ученых оказался синтез управления и культуры. Спустя какое-то время в научных работах стало встречаться смешение двух, по сути, противоположных, хотя и взаимосвязанных, феноменов – управленческой культуры и культуры управления.

Различные авторы, работая с культурой, которая находит воплощение в управлении, закладывают, с той или иной степенью выраженности, два

теоретических подхода: аксиологический и дезаксиологический. Первый подход предполагает рассмотрение культуры как степени развития самого человека. В нашем случае это будет степень развития управленческих качеств субъекта деятельности.

Управленческая культура как атрибут отношений – духовных, экономических, социальных, связана с уровнем развития человека, представленностью его творческих сил, с возможностями его самовыражения. В целом всё это маркируются как важные и значимые ценности субъектов управленческого взаимодействия, и жизненные ситуации, в условиях которых они осуществляются [Бикметов 2014].

Управленческая культура в этом случае становится своеобразной мерой гуманизации любой организации. При такой интерпретации управленческой культуры акцент делается на воспитании сотрудников организации, их ценностных ориентациях, мировоззренческих ориентирах. Важно понимать, что организация создавалась ради стратегических целей и ценностей, но в этом случае не они имеются в виду. Прежде всего подразумеваются жизненные смыслы членов организации, разброс их ценностей, целей. Спектр варьирования всего этого обусловлен тем, что индивиды являются представителями разных поколений, этносов, носителями разных статусов и др.

Второй подход дезаксиологический, в ряде случаев его еще называют деятельностью. Здесь культура понимается вне контекста ее положительных свойств. Она может проявляться условно положительным образом, но наряду с этим может быть средством поддержания невежества, архаических форм социальных практик; может создавать предубеждения, дезинформировать людей, культивировать фанатизм [Веселова 2002]. Управленческая культура при таком ракурсе ее рассмотрения выступает сложным противоречивым явлением, при изучении которого важны свойства конкретных действий, а не ценностные ориентации и установки участников управленческого процесса. Такой взгляд на изучение проявлений культуры не уникален и в целом довольно распространен. Им пользуются как социологи, так и представители других наук.

СУЩНОСТНЫЕ ОТЛИЧИЯ

При определении управленческой культуры мы склонны придерживаться деятельностного подхода. В то время как аксиологический подход выводит нас на культуру управления. Большую работу по обобщению определений управленческой культуры проделал Е. Г. Ерохин и представил

все определения в табличном виде [Ерохин 2020]. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим разномыслие смысловых содержаний определяемого понятия. Ряд авторов при рассмотрении управленческой культуры истолковывают ее как синтез профессионально значимых качеств начальника. При этом включают в содержание этого феномена профессиональные компетенции, знания, навыки, умения, ценности, некоторые личностные характеристики, которые в виде образцов и норм конкретной профессиональной среды регулируют и определяют управленческую деятельность в организации.

Содержание управленческой культуры, в виде совокупности базовых профессионально значимых качеств и требований, определяется нормами и правилами, предъявляемыми к участникам управленческого процесса. Нормы управленческого труда, находят отражение как в нормативных актах, так и в моральных канонах, регулирующих организационные отношения и поведение в конкретных профессиональных сообществах. Организационные нормы, представляющие собой структурно-функциональный элемент организации, порядок ее функционирования, самовоспроизводства и др. [Коневская, 2014]. Подобным образом определять управленческую культуру означает, по сути, раскрывать содержание культуры управления. И что показательно, порой авторы в своих же работах чередуют употребление терминов или постепенно начинают употреблять понятие «культура управления» [Коневская, 2014].

Управленческая культура представляет собой надиндивидуальное социальное явление. Ее понимание на индивидуально-личностном уровне существенным образом искажает восприятие феномена и обедняет эвристический эффект предлагаемой методологии.

Для того, чтобы лучше осознать соотношение управленческой культуры и культуры управления применим метод аналогии. Знакомство с содержанием учебников по педагогике высшей школы, а также с планами занятий и рабочими программами учебных дисциплин позволит нам сформировать представления об учебном процессе в вузах. Однако если мы эту же задачу станем решать посредством наблюдения за тем, что происходит в учебных аудиториях во время занятий ежемесячно и из семестра в семестр, то обнаружим картину несколько иную, порой существенно иную, при том что в теории разница должна быть минимальной. Из этого вовсе не следует, что расхождения нами будут маркироваться как деструктивные, заведомо плохие. Часто, наоборот – в учебных классах и аудиториях преподавательский состав компенсирует недостатки рабочих программ, нивелируют неточности

и дублирования, задействуют более актуальные дидактические единицы, используют более современные литературные источники. Всё это в конечном итоге улучшит образовательный процесс.

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в процессе управления. В реальности этот повседневный, во многом рутинизированный процесс осуществляется с помощью актуальных для текущего момента, порой традиционных способов взаимодействия в организациях, принадлежащих различным отраслям народного хозяйства. Это и есть управленческая культура. Обратим внимание, что вся совокупность управленческих знаний, изложенная в литературе или находящаяся в головах у членов организации, весь диапазон ценностей и норм, связанных с управлением и регулированием социальных отношений, актуальных в текущий момент, вся этика менеджмента будут составлять суть культуры управления.

Не стало руководителей какой-то организации, вместе с ними исчезает и управленческая культура. Но культура управления останется. Да, она прекратит обогащаться, но сохраниться, не исчезнет. Это так же, как с исчезновением, например, людей использующих в повседневности русскую речь – речь исчезнет, а русский язык останется. На данный момент сохранился латинский язык, в то время как латинская речь фактически не встречается, отсутствует.

Обратим внимание на эксперимент социолога А.Н.Алексеева, проведенный на заводе «Полиграфмаш». Будучи сотрудником научного подразделения, он стал работать на заводе слесарем-расточником. Ученый преследовал цель изучить реальные нормы, которые регулируют производственные отношения в коллективе рабочих. Выполняя обязанности рядового рабочего, А. Н. Алексеев активно погрузился в производственную среду. При этом он столкнулся с не вполне понятным фактом. Весь персонал цеха нарушает правила и инструкции. Причем в равной степени и рабочие, и мастера, и инженеры, и администраторы. Но мастер, выполняя роль руководителя, собирает материал на рабочих и предъявляет его лишь тогда, когда желает избавиться от нарушителя. Высказанные в официальной обстановке, например на общем собрании, эти аргументы не вызывают сомнений и возражений. Почему так происходит? Какие установки и ценности трудового коллектива мы при этом наблюдаем?

Оказывается целесообразно различать установки и ценности, и демонстрируемые, и те, что официально поддерживаются в действующей системе отношений. Это, с одной стороны, а с другой – видеть ценности, нормы и установки, те которые управляют поведением членов трудового

сообщества. Алексеев проверил именно эту гипотезу. Когда он обращался, например, с рационализаторскими предложениями к руководству, то ему говорили: «Тебе что, больше всех надо?» А если он камуфлировал предложение под вынужденное действие, оно принималось. Надо было сказать: «Если мы этого не сделаем, нам попадет» [Алексеев, 1997]. По нашему мнению, официально поддерживаемая в организациях этика лишь частично пересекается с действительностью, т. е. с культурой управления. Повседневная жизнь, как отдельных сотрудников, так и всех подразделений, и всей организации определяется преимущественно управленческой культурой.

Проиллюстрируем сказанное еще одним примером. Сотрудник полиции прошел обучение в Академии управления МВД России. Будучи слушателем, приобрел относительно полный набор знаний об органах внутренних дел как об организации, ее целях, задачах, функциях; усвоил методы, принципы, стили управления; узнал многое другое, что связано с взаимодействиями начальников, подчиненных, сослуживцев. Но реальное воплощение всего этого произойдет только лишь тогда, когда он займет конкретную должность в конкретном коллективе, и на практике все полученные знания будут реализованы далеко не в полном объеме и не всегда таким образом, как изучалось в теории. Под воздействием множества объективных и субъективных факторов культура управления перевоплотится в управленческую культуру.

Как видно из представленных выше рассуждений культура управления это иной феномен нежели управленческая культура. Четкое разграничение обоих понятий позволяет безошибочно отличать содержание любой работы по управленческой тематике, касающейся социокультурного контекста. Когда авторы рассматривают профессиональные знания в области управленческой деятельности, организаторские способности и навыки управленческой деятельности руководителей, их ораторское мастерство, стиль делового общения, этикет управления, управленческие компетенции, моральные основы власти, подчинения, нравственный облик участников управленческого процесса, при этом делают попытки определения уровней развития этих параметров – целесообразно говорить о культуре управления. При этом рассматривая культуру управления следует избегать крена в сторону идеологии, ухода в морализаторство, так как это снижает научную ценность полученных выводов, мешает объективно исследовать предметную область.

Если же в фокусе внимания оказываются практики управления, которые используются в той или иной организации, способы и приемы

взаимодействий руководителей и подчиненных – тогда корректно вести речь об управленческой культуре. Однако допускается обращать внимание на то, как нормы и ценности подразделений организации в целом определяют процессы управления.

Некоторые авторы, видя преимущества дезаксиологического подхода при изучении управленческой культуры, но не желая отказываться от ценностных аспектов рассмотрения проблемы, сознательно занимают как бы срединное положение между двумя условными полюсами «управленческой культурой» и «культурой управления». Наиболее ярко выраженным сторонником такого подхода является М. А. Васьков. В его понимании управленческая культура – это соединение действий и ценностных основ управления. При этом он излишне персонифицирует управленческую культуру. Такой подход существенным образом упрощает восприятие ее сущностных основ. В его научном труде управленческая культура определяется как социальное явление, которое устанавливается и во многом определяется руководителем, «задающим новую или трансформирующую уже существующую определенную систему ценностей и деятельностных подходов, которые через механизмы адаптации воспринимаются его подчиненными, институализируются в виде организационных норм и принципов управленческой деятельности и реализуются через устойчивую систему функций» [Васьков, 2011, с. 24]. По нашему мнению, суть управленческой культуры не в создании ценностей, которых потом следует придерживаться, а в самой деятельности, которая организуется под воздействием множества факторов, и в этом множестве, как правило, также представлены и ценности.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ

С учетом изложенного, в том числе исходя из понимания различных концептуальных основ определения анализируемых понятий, предлагаем следующий вариант разграничения и определения двух схожих по звучанию понятий.

Управленческая культура отражает преобладающие способы управленческой деятельности внутри той или иной социальной системы. Эти способы определяют социальные отношения всех участников управленческого процесса. При этом они детерминированы надындивидуальными факторами, например общекультурными, профессиональными, организационными.

Культура управления существует на индивидуальном когнитивном уровне. По сути, это вариант

существования этики, основанной на управленческих знаниях, навыках, умениях субъектов и объектов управления. Все эти знания, навыки и умения лишь потенциально могут осуществиться в ходе управленческой деятельности конкретной организации. В некоторых работах речь идет об уровне совершенства или мастерства управления, возможностях проявления творчества в управлении – такие взгляды составляют отдельный феномен – «искусство управления».

Управленческая культура – это не дихотомия, когда имеется в виду либо ее существование, либо ее отсутствие. При этом если она есть, то начинают вести речь о ее уровне – высоком или низком. В онтологическом смысле управленческая культура представляет собой целостную, бытийную, надындивидуальную совокупность управленческих взаимодействий в организации, включающую всех субъектов и объектов управления. Это с точки зрения внутреннего содержания управленческой культуры. На ряду с этим существует внешнее обрамление управленческой культуры, состоящее из факторов, функций, результатов функционирования организации, а также контекстуальности управления, которая выражается в ситуативном характере взаимодействий субъектов и объектов управления как носителей свойств характерных для представителей различных поколений в пространстве, времени и специфике коммуникации между ними.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все подходы к изучению управления в контексте культуры, следует структурировать по двум основным направлениям: аксиологическому и дезаксиологическому. При использовании аксиологического подхода корректно вести речь об исследовании культуры управления. Если задействован дезаксиологический ракурс рассмотрения, то в фокусе внимания оказывается управленческая культура. Любая подмена понятия недопустима так как, по сути, речь начинает вестись о другом феномене. Культура управления лишь косвенно связана с управленческой культурой.

Онтологическая и гносеологическая преемственность в организации осмысления и дальнейшего познания обоих воплощений культур, позволяет и обеспечивает концептуальную определенность будущих исследовательских моделей. При этом повышается уровень понимания управления, представленного в реальном социокультурном контексте, открывается новое поле для теоретических и экспериментальных исследований как в одном, так и во втором направлениях, а также в смежных предметных областях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васьков М. А. Трансформация управленческой культуры крупных коммерческих организаций юга России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
2. Шаврукова М. Р. Управленческая культура театральных учреждений: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2019.
3. Ерохин Е. Г. Социологическая модель управленческой культуры офицера Вооруженных Сил Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 8. С. 356–365.
4. Коневская О. Ю. Современное состояние управленческой культуры в органах внутренних дел // Труды Академии управления МВД России, 2014. № 1. С. 77–81.
5. Белолипецкий В. К., Павлова Л. Г. Этика и культура управления. М. ; Ростов н/Д : МарТ, 2004.
6. Королева Н. А. Культура управления и принцип комплексности в разработке ее функционирования // Аналитика культурологии. 2010. № 3. С. 167–171.
7. Бикметов Е. Ю. Культура управления как объект социологического познания // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 69–72.
8. Белозёров В. К. Политическое руководство Вооруженными Силами Российской Федерации: институциональное измерение: монография. М. : АТИСО, 2011.
9. Веселова Н. Г. Социальное управление и элементы его культуры. М. : Дашков и Ко, 2002.
10. Ерохин Е. Г. Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных сил Российской Федерации: дис. ... канд. соц. наук. М. : Военный университет, 2020.
11. Алексеев А. Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). Кн. 2. М. : Институт социологии РАН, 1997.

REFERENCES

1. Vas'kov, M. A. (2011). Transformatsiya upravlencheskoy kul'tury krupnykh kommercheskikh organizatsiy yuga Rossii = Transformation of the management culture of large commercial organizations in the south of Russia): abstract of PhD thesis in sociological sciences. Rostov-on-Don. (In Russ.)
2. Shavrukova, M. R. (2019). Upravlencheskaya kul'tura teatral'nykh uchrezhdeniy: sotsiologicheskii aspekt = Management culture of theatrical institutions: sociological aspect): abstract of PhD thesis in sociological sciences. Moscow. (In Russ.)
3. Yerokhin, Ye. G. (2019). Sotsiologicheskaya model' upravlencheskoy kul'tury ofitsera Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii = Sociological model of managerial culture of an officer of the Armed Forces of the Russian Federation. Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, 8, 356–365. (In Russ.)
4. Konevskaya, O. Yu. (2014). Sovremennoye sostoyaniye upravlencheskoy kul'tury v organakh vnutrennikh del = The current state of management culture in the internal affairs bodies). Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii, 1, 77–81. (In Russ.)
5. Belolipeckij V. K., Pavlova L. G. (2004). Jetika i kul'tura upravlenija = Ethics and culture of management. Moscow ; Rostov n/D : MarT. (In Russ.)
6. Koroleva, N. A. (2010). Kul'tura upravleniya i printsip kompleksnosti v razrabotke yeye funktsionirovaniya = Culture of management and the principle of complexity in the development of its functioning). Analitika kul'turologii, 3, 167–171. (In Russ.)
7. Bikmetov, Ye. Yu. (2014). Kul'tura upravleniya kak o"yekt sotsiologicheskogo poznaniya = Management culture as an object of sociological knowledge. Sotsiologicheskiye issledovaniya, 9, 69–72. (In Russ.)
8. Belozerov, V. K. (2011). Politicheskoe rukovodstvo Vooruzhennymi Silami Rossijskoj Federacii: institucional'noe izmerenie: Monografiya = Political Leadership of the Armed Forces of the Russian Federation: Institutional Dimension: Monograph. Moscow: ATISO. (In Russ.)
9. Veselova, N. G. (2002). Sotsial'noye upravleniye i elementy yego kul'tury = Social management and elements of its culture. Moscow: Dashkov i Ko. (In Russ.)
10. Yerokhin, Ye. G. (2020a). Upravlencheskaya kul'tura ofitsera v voinskom podrazdelenii Vooruzhennykh sil Rossiyskoy Federatsii = Administrative culture of an officer in a military unit of the Armed Forces of the Russian Federation): PhD thesis in sociological sciences. Moscow: Voyenny universitet. (In Russ.)
11. Alekseyev, A. N. (1997). Dramaticheskaya sotsiologiya. (Eksperiment sotsiologa-rabochego) = Dramatic sociology (Worker sociologist's experiment). Book 2. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Передня Дмитрий Григорьевич

кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Perednya Dmitrij Grigor'evich

PhD (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Public Administration of the Academy of Management of the Ministry of the Interior of Russia

Статья поступила в редакцию 16.11.2021
одобрена после рецензирования 02.02.2022
принята к публикации 04.02.2022

The article was submitted 16.11.2021
approved after reviewing 02.02.2022
accepted for publication 04.02.2022

Научная статья

УДК 316.354

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_130

Управленческая культура в информационном обществе

А. В. Саблуков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

asablukov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается содержание знаний, умений и навыков как элементов управленческой культуры на современном этапе информационно-технологической революции. Подчеркивается, что в современных условиях важнейшей составной частью управленческой культуры становится коммуникативная культура и работа с большими данными. Даются рекомендации по совершенствованию управленческих знаний, умений и навыков в контексте коммуникативной культуры.

Ключевые слова: управленческая культура, коммуникативная культура, управленческие знания, навыки и умения, информационно-технологическая революция

Для цитирования: Саблуков А. В. Управленческая культура в информационном обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 130–135. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_130

Original article

Managerial Culture in the Information Society

A. V. Sablukov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

asablukov@mail.ru

Abstract. The article considers the content of knowledge, skills and abilities as elements of managerial culture at the present stage of the information and technological revolution. It is emphasized that in modern conditions, the most important component of the management culture is the communicative culture. Recommendations are given for improving managerial knowledge, skills and abilities in the context of a communicative culture.

Keywords: managerial culture, communicative culture, managerial knowledge, skills and abilities, information and technological revolution

For citation: Sablukov, A. V. (2022). Managerial culture in the information society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 130–135. 10.52070/2500-347X_2022_1_846_130

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Трансформационные изменения, происходящие на всех уровнях общественных отношений в результате современного этапа информационно-технологической революции, не только предъявляют целый ряд новых требований к участникам этих отношений, но и ставят вопрос об их качественном изменении. Это особенно актуально для отношений такого типа, основное содержание которых традиционно составлял процесс обмена информацией. В частности, это касается управленческих отношений. И сегодня, на наш взгляд, стоит вопрос не просто учета в системе управленческих отношений новых информационно-технологических реалий, а по существу качественных изменений всей управленческой культуры.

Напомним, что смена классических управленческих парадигм в значительной степени исходила из необходимости обновления как организационной стороны, так и содержания системы коммуникаций, связывающих управленцев и управляемых. Так, если в рамках концепции научного управления, значимость коммуникации была относительно невелика и основное внимание уделялось вертикальным нисходящим потокам информации от руководителя к подчиненным, то школа человеческих отношений ставила во главу угла совершенствование коммуникации на одном организационном уровне. При этом целью коммуникации становится не передача распоряжений и контроль за их исполнением, а удовлетворение потребностей работников в самореализации, вовлечение их в процесс управления. Причем впервые ставится вопрос о необходимости как формальной, так и неформальной составляющей коммуникации. Принципиально новый взгляд на роль коммуникации в управлении представлен в концепции социальных систем. Здесь коммуникация уже рассматривается как связующий элемент всех частей организации. Значительно расширено и представление о целях коммуникации. Ставится вопрос и о контроле и координации действий участников коммуникации, и об их участии в принятии решений и о взаимодействии с внешней средой.

Дальнейшее развитие теории менеджмента только подтверждало возрастающую роль коммуникации в этом процессе. Это подтверждается и современной управленческой практикой. До 90 % своего рабочего времени менеджеры вынуждены тратить на различные коммуникации. При этом остро стоит вопрос эффективности управленческих коммуникаций. По данным исследований

абсолютное большинство руководителей зарубежных компаний считают решение коммуникативных проблем главным условием повышения эффективности их организаций [Мескон, Альберт, Хедоури, 2019].

В чем же причина низкой эффективности управленческой коммуникации? По мнению многих исследователей, в значительной степени это связано с несоответствием уровня управленческой культуры требованиям и возможностям современного этапа информационно-технологической революции. Многие из них значительную часть своего рабочего времени тратят на рутинные процедуры в ущерб решению актуальных задач.

Так, например, по данным исследований Harvard Business School до 30 % не менее трети своего рабочего времени (или примерно 18 часов) топ-менеджеры зарубежных компаний проводят на встречах, около трех часов посвящают деловым звонкам, пять часов – деловым завтракам, обедам и ужинам. Менеджменту российских компаний на встречи и переговоры приходится тратить гораздо больше времени. В среднем конфиденциальные встречи занимают не менее 50 % их рабочего времени, при том что многие руководители ссылаются на нехватку времени для решения ряда организационных вопросов¹.

Другой, не менее актуальной проблемой, по мнению как зарубежных, так и отечественных экспертов, является избыточность, а точнее неконтролируемость количества совещаний. По данным газеты «Wall Street Journal», исполнительные директора тратят на совещания 23 часа в неделю, менеджеры среднего звена – 11 часов².

Это подтверждает и отечественная статистика: до 30 % времени российские руководители и менеджеры тратят на совещания. И это при том, что в настоящее время есть много удобных программ, позволяющих унифицировать многие коммуникации³.

Перечень проблем, негативно влияющих на эффективность управленческой коммуникации, можно было бы еще продолжать и продолжать, но основной вопрос в данной ситуации связан с тем, что делать. И наиболее очевидный ответ на этот вопрос, это повышать управленческую культуру.

¹Исследователи выяснили, на что тратят время руководители компаний. URL: <https://rb.ru/opinion/time-killingvedomosti.ru/management/articles/2012/02/15/265501-issledovateli-viyasnili-nachto-tratyat-vremya-rukovoditeli-kompanii>

²Хватит болтать: почему компании запрещают совещания. URL: https://www.rbc.ru/own_business/17/01/2018/5a5c76e19a79472b3d4128b0

³Любопытная статистика: на что менеджеры тратят свое рабочее время. URL: <https://rb.ru/opinion/time-killing>

Прежде чем пояснить, о чем идет речь, обратимся к самому понятию «управленческая культура».

В настоящее время нет общепринятого подхода к пониманию термина «управленческая культура». В значительной мере это обусловлено тем, что проблема управленческой культуры исследуется представителями широкого спектра наук, в той или иной степени занимающихся проблемами управления. Кроме того, содержание управленческой культуры многообразно и многогранно, так как она содержит в своей структуре элементы культуры общества, профессиональной социальной группы, личности управленца.

Если обратиться непосредственно к литературе, то, например, в словаре по организации социального управления управленческая культура рассматривается как «совокупность знаний, необходимых для реализации функций управления служебной деятельностью, умений грамотного использования положения науки управления при осуществлении организационных мероприятий и навыков выполнения необходимых управленческих операций» [Булыгин, 1999, с. 73].

В учебном пособии «Основы социального управления» под редакцией В. Н. Иванова на первое место в трактовке сущности управленческой культуры ставит ее взаимосвязь с общей культурой. При этом он выделяет в ней такие компоненты, как управленческие знания, навыки и управленческую деятельность [Иванов, 2001].

Перечисление имеющихся подходов к трактовке понятия «управленческая культура» можно было бы продолжать, но так или иначе большинство авторов сходятся во мнении, что при анализе управленческой культуры ее следует рассматривать как единство знаний, навыков и умений в сфере управления.

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

О каких же знаниях, навыках и умениях в контексте управленческой культуры в информационном обществе может и должна идти речь? Это прежде всего знание и практическое использование в своей деятельности современных информационно-коммуникативных технологий и средств коммуникации. В связи с этим вполне обоснованно говорить о таком компоненте управленческой культуры, как коммуникативная культура.

Остановимся на конкретном примере. Так, с учетом отмеченных выше проблем справедливо поставить вопрос: нужны ли совещания (в традиционном их понимании) в эпоху современных

коммуникативных технологий? Всё большее и большее распространение получает точка зрения, что совещания в традиционной форме – это атавизм эпохи доцифровых коммуникаций. С появлением Интернета и современных коммуникативных технологий совещания стали неоправданной тратой такого важнейшего ресурса современного бизнеса, как время.

Новые специальные онлайн-сервисы и программы предлагают разнообразные возможности с точки зрения замены традиционных совещаний современными формами коммуникации. Так, например, в сети магазинов цифровой техники «Фотосклад.ру» полностью запретили офлайн-совещания и перешли на голосовые и видеосовещания, а также обсуждения в форме онлайн-конференций и чатов на корпоративном портале, сделанном на онлайн-платформе «Битрикс»¹.

По мнению многих вполне успешных управленцев, существенно облегчает процесс управления и позволяет более эффективно распределять рабочее время использование проектировщиков задач. Проектировщики задач – это специальные программы, которые помогают спланировать и организовать исполнение необходимых дел.

Сегодня таких программ достаточно. Приведем в качестве примера некоторые из них. Так, одним из наиболее известных является планировщик «TickTick». Это современный инструмент для планирования текущих дел, который позволяет составлять график работ не только для себя, но и для всего коллектива.

Еще одним популярным и получившим высокие оценки пользователей является планировщик «Todoist». Возможности программы действительно широки: с помощью «Todoist» можно создавать списки дел и напоминания, сортировать их по категориям и срокам, отправлять задачи участникам приложения. «Todoist» также может показывать статистику исполненных дел.

Помощь управленцу в решении текущих и планируемых дел может оказать и приложение «Remember The Milk». Это касается и напоминания о необходимости заняться теми или иными задачами и расшифровать их содержание и подсказать время и место решения. В программе также можно составлять списки, отправлять уведомления, используя различные каналы коммуникации. «Remember The Milk» умеет тематически распределять дела, включая давно отложенные

¹Хватит болтать: почему компании запрещают совещания. URL: https://www.rbc.ru/own_business/17/01/2018/5a5c76e19a79472b3d4128b0

и невыполненные, причем проигнорировать эти дела не позволит система смарт-списков.

Пользователи называют планировщик «My Life Organized» (MLO) самым гибким из существующих. И во многом это оправдано: MLO можно использовать как ежедневник, но он может быть использован для решения сложных задач. Планировщик позволяет сложную задачу разделить на подзадачи. На основе составленного перечня и иерархий MLO формирует смарт-лист действий, которые необходимо выполнить сейчас. Очень интересная функция MLO – напоминание по месту. С помощью этой функции происходит отслеживание мест вашего пребывания с последующей отсылкой уведомлений, имеющих к ним отношение.

Свой планировщик задач есть и у компании «Microsoft». «Microsoft To-Do», который не обладает многообразием возможностей, как предыдущие планировщики. Но его несомненное преимущество в простоте использования. Вместе с тем, как и многие, «Microsoft To-Do» позволяет формировать списки дел, задачи и напоминания, смартрекомендации по спискам и датам выполнения. Всё это может быть отправлено исполнителям и партнерам и синхронизируется с другими программами компании Microsoft.

В общей сложности зарубежными и отечественными разработчиками сегодня пользователям предлагается несколько десятков различных вариантов планировщиков задач. Вместе с тем универсального варианта планировщика, подходящего в равной степени любому пользователю безусловно нет. Каждый управленец должен сделать этот выбор сам исходя из особенностей своей организации, решаемых ею задач, специфики персонала, условий в которых организация функционирует, ну и, конечно, личных предпочтений и технической готовности работать с теми или иными программами.

Одним из показателей управленческой культуры в современных условиях является внедрение в организации системы электронного документооборота. Система электронного документооборота (СЭД) – это программное обеспечение для работы в рамках организации с документами в электронном виде на всех стадиях их жизненного цикла: создание, изменение, согласование, подписание, регистрация, хранение, поиск, классификация и т. д.

Кроме того, в СЭД также возможно автоматизировать и такие процессы, как различные формы деловой коммуникации (заседания, собрания, конференции и пр.), а также архивное хранение документов, финансовые процессы, работу с договорами и т. д.

Использование различных программ как инструмента современного менеджмента, безусловно,

не единственный показатель управленческой культуры в условиях цифровизации деловой сферы. При реализации процесса цифровой трансформации жизни и деятельности организации в зависимости от стоящих задач может быть реализован целый комплекс современных информационно-коммуникативных технологий. В качестве примера в этом плане можно было бы привести IoT-технологии, применение которых позволит оптимизировать коммуникационные процессы в организации и значительно повысить организационную эффективность за счет более рационального использования различных ресурсов, включая человеческие. Internet of things (IoT, интернет вещей) концепция Сети передачи данных между устройствами для взаимодействия друг с другом или с внешней средой. По данным исследования «IoT Analytics», в 2020 году самый высокий уровень проникновения технологии IoT наблюдался на транспорте, в энергетике, ретейле, управлении жизнью города, здравоохранении и промышленности¹.

Применение блокчейн-технологий позволит существенно ускорить доступ к актуальной для ведения бизнеса информации, расширить возможности для осуществления платежей и получения финансовых услуг, усовершенствовать работу организации в сфере логистики и операций с материальными и нематериальными активами. Кроме того, блокчейн-технологии могут быть задействованы для привлечения клиентов и заключения с ними договоров, а также разрешения споров. При этом все эти операции становятся абсолютно надежными, безопасными и прозрачными на всех этапах.

Современное управление невозможно без умения работать с большими объемами информации. Значительным потенциалом в этом плане обладают технологии обработки больших данных (BigData). Внедрение в управление технологии «больших данных» позволит не только усовершенствовать сам процесс управления, но и повысит эффективность производственных процессов, так как технологии обработки больших данных дают возможность обеспечить управленческий персонал детальной информацией об эффективности производственных и технологических процессов и аналитикой в режиме реального времени. Отдельно стоит отметить возможности данных технологий по совершенствованию процесса взаимодействия с поставщиками и потребителями. С помощью больших данных бизнес может проводить исследования и разработки, чтобы знать, какие услуги востребованы.

¹Основные прогнозы по развитию IoT на 2021 год. URL: <https://iot.ru/promyshlennost/osnovnye-prognozy-interneta-veshchey-na-2021-god>

Безусловно, работа с технологиями «Big Data» – это отдельная область знаний и умений, требующая специальной подготовки. Освоение этих знаний, навыков и умений позволит менеджеру не только выйти на новый профессиональный уровень, но и повысит спрос на его услуги на рынке труда.

В рамках исследования, проведенного компанией «MPI Group», респондентами которого являлись руководители 350 крупных предприятий, 76 % опрошенных выразили намерение уже в ближайшее время расширить использование технологии «больших данных»¹.

В последнее время широкое распространение в системе коммуникаций в организации получили облачные технологии. Использование облачных технологий значительно облегчает процесс управления и делает его более эффективным. Организация и управление производством с помощью облачного сервиса дает возможность контролировать все этапы и процессы производства, ставить задачи перед сотрудниками и контролировать их выполнение, обеспечить оперативную связь между подразделениями организации, наладить сотрудничество с партнерами, контролировать каждую поставку продукции [Регер, 2018]. К тому же облачные технологии позволяют решить проблему ограниченных возможностей ИТ-отделов и расхождения растущих потребностей бизнеса. Согласно данным опроса журнала «Развитие бизнеса», более 63 % директоров сегодня уже активно используют облачные технологии².

Цифровизация активно внедряется и в сферу управления человеческими ресурсами. Это еще один важный аспект коммуникативной культуры в контексте управленческой культуры в современных условиях. При этом речь идет не только о знании и владении сервисами HR Digital, а о понимании необходимости новой идеологии организации коммуникационного пространства с использованием возможностей современных информационных технологий. Это, в свою очередь, позволит обеспечить решение целого ряда проблем в сфере управленческой коммуникации. Так, например, 74 % сотрудников считают, что им не хватает информации или они упускают что-то важное в работе. Внедрение новых информационных технологий позволит гарантированно обеспечивать сотрудников всей необходимой для них информацией, следовательно повысит эффективность их работы. В значительной степени это вопрос выбора каждой конкретной организации технологий

и каналов коммуникации. В частности, как показывают исследования, перестал быть эффективным способом связи и взаимодействия с персоналом такой традиционный канал коммуникации, как электронные письма. 60,8 % опрошенных сотрудников признались, что время от времени они игнорируют электронные письма.

Сегодня является статистически подтвержденным фактом, что пользование смартфонами занимает значительную часть не только личного, но и рабочего времени. Объем этого времени по мере замены в трудовом процессе поколения X поколениями Y и Z будет возрастать, так как для этих поколений характерен постоянный рост привычки пользоваться различными гаджетами. Поколения Y и Z могут много принести в организацию много полезных новшеств. Но для этого руководителю нужно адаптировать управленческую культуру к потребностям этих групп. Следует подумать о том, как настроить каналы коммуникации под их привычки, об использовании современных информационно-коммуникативных систем.

Относительно новым, но получившим широкое распространение в последнее время стал формат удаленной работы сотрудников. Это вызвало целый ряд проблем с точки зрения выстраивания коммуникации с ними и для донесения необходимой информации и для контроля за их работой. В связи с этим многим руководителям потребовалось в срочном порядке осваивать и внедрять в систему управления организацией целый ряд новых информационно-коммуникативных технологий. Как свидетельствует опыт чаще всего в этой ситуации руководители с подчиненными и сотрудники между собой общаются в мессенджерах типа Telegram, в Skype, Zoom по почте, в соцсетях. Руководитель может вести с сотрудниками личную переписку или создавать рабочие чаты. Безусловно это создает целый ряд проблем в сфере управления. В то же время такая модель имеет и положительные моменты. Так, например, появляется возможность экономить на обслуживании и аренде офиса. Для определенной категории сотрудников такой формат является весьма комфортным, что повышает их трудовую мотивацию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

- 1) в условиях информационного общества коммуникативная культура является важнейшей составной частью управленческой культуры;
- 2) овладение современными коммуникативными знаниями, навыками и умениями становится

¹Big Data и блокчейн – прорыв в области анализа данных. URL: <https://forklog.com/big-data-i-blokchejn-proryv-v-oblasti-analiza-dannyh>

²Развитие бизнеса. URL: <http://www.devbusiness.ru/mkozloff/2014/04/02/resellers-against-clouds>

Социологические науки

необходимым условием повышения эффективности управления;

3) новые коммуникативные технологии, повышают эффективность управленческих решений во всех сферах жизни и деятельности организаций и могут стать их конкурентным преимуществом;

4) отмечая несомненные преимущества внедрения цифровых технологий в процесс управления,

следует отметить, что их применение требует значительных финансовых затрат организации, а также формирование необходимых знаний, навыков и умений не только у менеджмента организаций, но и у всего персонала;

5) наличие широкого выбора программных продуктов в сфере управления организацией ставит проблему их рационального подбора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мескон М. Х., Альберт М, Хедоури Ф. Основы менеджмента. М. : Диалектика, 2019.
2. Булыгин Ю. Е. Организация социального управления (основные понятия и категории). Словарь-справочник. М. : Контур, 1999.
3. Иванов В. Н. Основы социального управления: учебное пособие. М. : Высшая школа, 2001.
4. Регер Т. В. Автоматизация управлением предприятием на основе современных облачных технологий // Общество. Экономика. Культура: актуальные проблемы, практика решения: сборник научных статей по материалам VIII Международная научно-практическая конференция, Барнаул, 11 апреля 2018 года. Барнаул : Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2018. С. 179–183.

REFERENCES

1. Mescon, M. Kh., Albert, M, Hedouri, F. (2019). Fundamentals of management. Moscow: Dialectics.
2. Bulygin, Yu. E. (1999). Organization of social management (basic concepts and categories). Reference dictionary. Moscow: Kontur.
3. Ivanov, V. N. (2001). Fundamentals of Social Management: Textbook. Moscow: Vyshaya shkola.
4. Reger, T. V. (2018). Enterprise management automation based on modern cloud technologies (pp. 179–183). Society. Economy. Culture: topical problems, practice of solution: Collection of scientific articles Materials of the VIII International scientific-practical conference, Barnaul, April 11, 2018. Barnaul: St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саблуков Александр Валентинович

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sablukov Aleksandr Valentinovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), associate professor, professor, Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 02.12.2021
одобрена после рецензирования 03.02.2022
принята к публикации 04.02.2022

The article was submitted 02.12.2021
approved after reviewing 03.02.2022
accepted for publication 04.02.2022

Научная статья

УДК 316.74

DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_136

Школьные учителя-полупрекарии: типология на примере педагогов-лингвистов

Ю. А. Смирнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

novyuliaalex@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы прекаризации труда учителей иностранных языков. На основе данных, полученных в ходе исследования, разработана типология педагогов по степени их включенности в различные формы вторичной занятости, в том числе прекарной и представлен их социальный портрет. Рассмотрены факторы удовлетворенности учителей-полупрекариев работой в школе и другими формами занятости.

Ключевые слова: прекарная занятость, вторичная занятость, учителя иностранных языков, типология, лингвистические образовательные услуги

Благодарности: Исследование выполнено в рамках реализации проекта № 075-03-220-013 «Полиmodalный анализ коммуникативного поведения» государственного задания Минобрнауки России, рег. номер AAA-A20-120071690041-3.

Для цитирования: Смирнова Ю. А. Школьные учителя-полупрекарии: типология на примере педагогов-лингвистов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1(846). С. 136–143. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_136

Original article

School Teachers-Semiprecariat: Typology on the Example of Linguist Teachers

Y. A. Smirnova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

novyuliaalex@yandex.ru

Abstract. The article concerns the reasons of precarisation of the labor among foreign languages teachers. Based on the conducted research, the author has been developed a typology of teachers according to the degree of their involvement in various forms of secondary employment, including precarious, and described a social portrait of each type of teacher. The emphasis is made on the degree of satisfaction of teachers-semiprecariat with work at school and other forms of employment.

Keywords: precarious employment, secondary employment, foreign language teachers, typology, linguistic educational services.

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the project № 075-03-220-013 «Polymodal analysis of communicative behavior» of the state assignment of the Ministry of Education and Science of Russia, reg. number AAA-A20-120071690041-3.

For citation: Smirnova, Y. A. (2022). School teachers-semiprecariat: typology on the example of linguist teachers. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 136–143. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_136

ВВЕДЕНИЕ

Динамика изменений форм трудовой занятости, в том числе precarious, в последнее десятилетие стала предметом многих социологических и экономических исследований, в которых, в частности, было отмечено, что precarious как форма скрытой, неофициальной занятости пронизывает все новые сферы трудовых отношений и виды профессиональной деятельности, уже не ограничиваясь только сферой низкоквалифицированного труда. Не стала исключением и сфера образования [Precarious занятость: истоки, критерии ... 2021]. Особый исследовательский интерес здесь представляет проблема растущего спроса на дополнительные лингвистические образовательные услуги (*исследования онлайн-школы Skyeng*¹), с одной стороны, обусловленного отменой обязательного ЕГЭ по иностранному языку, исключением из программы средней школы обязательного второго иностранного языка, ростом интереса школьников и их родителей к приобретению дополнительных лингвистических компетенций, в частности, в негосударственном секторе школьного образования [Готлиб, 2009; Примаков, 2021]. Последний же характеризуется значительной региональной дифференциацией: «в настоящее время распределение негосударственных школ по территории России имеет ярко выраженную концентрацию в столичной зоне, [где] расположены 30 % всех частных школ» [Колосова 2021, с. 193]. С другой стороны, вовлеченности школьных педагогов-лингвистов в различные, в том числе в precarious, формы вторичной занятости способствуют как материально-прагматические (обусловленные получением дополнительного источника доходов), так альтруистические мотивы, связанные с самореализацией в профессии, личностным интеллектуальным и профессиональным развитием, любовью к педагогической деятельности, возможностями самостоятельного выбора контингента обучаемых и др.

Эти и другие тенденции были зафиксированы в ходе авторского исследования², позволившего не только выявить типологию педагогов, исходя из степени их вовлеченности в различные виды вторичной занятости, но и дать

¹Базовая кафедра Skyeng. URL: <https://ioe.hse.ru/skyeng/>

²Исследование проведено методом онлайн-анкетирования на платформе Oproso путем адресной e-mail рассылки среди учителей иностранных языков средней школы по России, Нучителей= 840. Выборка многоступенчатая, ошибка выборки 3,5 % (при доверительной вероятности $\gamma = 0,95$). Обработка и статистический анализ собранных данных осуществлялся с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics

характеристику социального портрета каждого из типов учителей.

МОТИВЫ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ФОРМЫ ВТОРИЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Согласно данным проведенного исследования, педагоги средней школы в целом удовлетворены работой в школе и соответствием своей работы имеющемуся уровню квалификации (см. рис. 1). При этом неудовлетворенность оплатой труда и продолжительностью рабочего дня в соотношении с другими сферами жизни, являются мотивами, которые способствуют поиску альтернативных, дополнительных источников дохода и форм занятости. Около 90 % учителей иностранного языка (ИЯ) имеют еженедельную нагрузку по основному месту работы более 19 часов, зачастую доходящую до 28 часов и более (при норме еженедельной учебной нагрузки 18 часов на ставку). Более того, большая часть педагогов, имеющих помимо *первичной занятости* по основному месту работы, имеют еще и *вторичную занятость* в виде работы по совместительству, временной работы по срочному контракту, трудовому соглашению, договору гражданско-правового характера (ГПХ) или precarious работы без юридического оформления и работают более 8 часов ежедневно.

Однако не только перегруженность дополнительными «часами» и обязанностями, не связанными с преподаванием иностранных языков, дестабилизируют работу педагогов и побуждают их обращаться к различным формам вторичной занятости. Есть ряд проблем обучения иностранным языкам, которые, по мнению учителей требуют оперативного решения органами управления образованием (см. табл. 1). К ним, в частности, относятся кадровые (связанные с недостаточным уровнем квалификации педагогов и недоукомплектованностью штата учителей ИЯ) и методические проблемы (обусловленные устаревшими учебными программами и учебно-методическими материалами). Также учителя отмечают низкую / недостаточную мотивацию школьников к изучению иностранных языков, что, скорее всего, стимулирует родителей обращаться к дополнительному обучению детей в рамках платных занятий в школе, в частной языковой школе (в очном или онлайн-формате), в виде индивидуальных занятий с репетитором.

В преимуществах самостоятельного репетиторства отражаются проблемы, с которыми сталкивается педагог в рамках своей повседневной работы по месту основной занятости в школе.

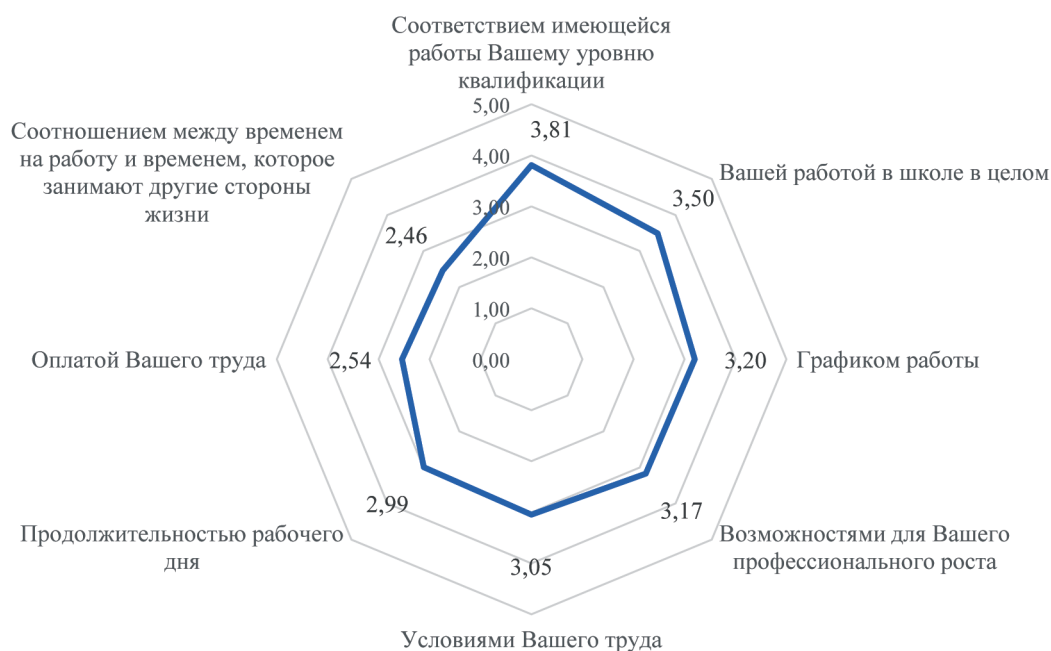

Рис. 1. Удовлетворенность учителей ИЯ различными сторонами трудовой деятельности в школе

Таблица 1

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ШКОЛЕ, В %

	Очень актуальная	Скорее актуальная	Скорее не актуальная	Совсем не актуальная
Недостаточный уровень квалификации педагогов, преподающих иностранные языки в школе	58	23	13	4
Неукомплектованность штата учителей иностранного языка в школе	49	33	11	3
Учебные программы по ИЯ не отвечают современным требованиям (в том числе недостаточно учитывают изменения в контингенте обучающихся)	48	39	10	3
Низкое качество учебных и учебно-методических материалов для преподавания иностранных языков	42	36	17	3
Отсутствие / дефицит необходимой современной учебной и учебно-методической литературы для преподавания	34	32	24	8
Низкая / недостаточная мотивация школьников к изучению иностранных языков	32	44	17	4
Отсутствие централизованной платформы для сбора домашних заданий	30	28	24	14
Низкий / недостаточный уровень оплаты труда педагогов, преподающих ИЯ в школе	30	39	23	7
Отмена / приостановка введения обязательного характера ОГЭ и ЕГЭ по ИЯ	23	34	30	11

	Очень актуальная	Скорее актуальная	Скорее не актуальная	Совсем не актуальная
Отмена обязательного изучения в школе второго ИЯ	23	19	29	23
Высокий уровень загруженности педагогов дополнительной работой, не связанной с преподаванием ИЯ	22	21	24	23
Небольшой спектр / сокращение числа ИЯ, изучаемых в школе	17	34	32	10
Низкий / недостаточный статус учителя ИЯ в школе	15	27	36	14
Отсутствие / недостаточная оснащенность специализированных аудиторий для изучения ИЯ в школе	12	23	38	18

Занимаясь частным дополнительным обучением, учитель имеет возможность самостоятельного выбирать программу и методику обучения, работать один-на-один с учеником, реализуя индивидуальный образовательный подход и иметь гибкий график. При этом учителя, совмещающие работу в школе с репетиторством, не готовы оставить основное место занятости, поскольку частная практика имеет все черты прекарности: не дает стабильности, подвержена факторам сезонности, не обеспечивает работника социальными гарантиями.

Различный опыт сочетания основной занятости в средней общеобразовательной школе или гимназии с вторичной занятостью, в том числе прекарной, позволяет нам типологизировать учителей ИЯ в зависимости от сочетаемых ими форм занятости.

ТИПОЛОГИЯ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТЕПЕНИ ИХ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ПРЕКАРНУЮ ЗАНЯТОСТЬ

В основу построения типологии учителей ИЯ в зависимости от степени их вовлеченности в прекарную занятость положены следующие критерии:

- работа по совместительству (по основному месту работы или в другом образовательном учреждении);
- прежний опыт оказания лингвистических услуг в рамках вторичной занятости;
- вовлеченность в прекарную занятость на текущий момент (неофициальная работа без юридического оформления или в статусе самозанятого, в том числе фиктивного) (см. рис. 2).

Таким образом, можно выделить пять основных типов учителей иностранных языков в зависимости от характера и степени их вовлеченности в прекарную занятость: 1) «официалы», 2) «совместители», 3) «полупрекарии», 4) «комбинаторы», 5) «полупрекарии в прошлом» (см. табл. 2).

Далее попробуем обрисовать социальный портрет, как совокупность определенных характеристик каждого из выявленных типов.

Совместители. Педагоги, в настоящее время вовлеченные в официальную занятость, помимо основного места работы в школе: работа по совместительству в другом образовательном государственном учреждении по преподаванию ИЯ, в частной языковой школе, на языковых курсах или самостоятельное репетиторство по ИЯ. В рамках основной занятости чаще выполняют методические функции, преподают другие предметы в школе или заведуют научной / учебно-воспитательной работой. Для них важна возможность личностного развития и самореализации. В целом совместители ниже других типов учителей оценивают значимость всех факторов работы в школе. В большей степени они не удовлетворены возможностями профессионального роста, оплатой труда и продолжительностью рабочего дня.

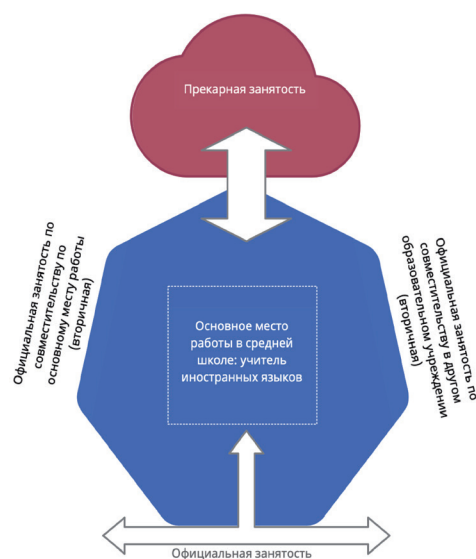

Рис. 2. Концептуальная модель занятости учителей иностранных языков

Таблица 2

	Официалы	Совместители	Полупрекарии	Комбинаторы	Полупрекарии в прошлом
Общая характеристика	Имеют ТОЛЬКО одно место работы в школе и не имеют опыта подработки	Официально совмещают основную работу в школе с трудоустройством своей или в другой организации	Основную работу в школе совмещают с прекарной занятостью	Основную работу в школе совмещают как с официальным дополнительным трудоустройством, так и с прекарной занятостью	Имеют только основное место работы в школе, ранее был опыт прекарной занятости
Доля в общей численности педагогов ИЯ	33 %	8 %	20 %	12 %	28 %
Профессиональные характеристики					
Формат вторичной занятости	Не имеют	Официальная занятость по совместительству по основному месту работы – 53 %; официальная занятость по совместительству в другом образовательном учреждении – 47 %	Неофициальная занятость: в формате самостоятельного репетиторства по ИЯ – 90%; переводческие услуги – 31%; преподавание ИЯ – 15%	Официальная занятость по совместительству по основному месту работы и неофициальная занятость – 27%; официальная занятость по совместительству в другом образовательном учреждении и неофициальная занятость – 73%; большинство ведет классное руководство, а также внеклассную работу и платные занятия по ИЯ в школе	Не имеют
Наличие обязанностей в школе помимо проведения уроков	большинство ведет классное руководство, а также внеклассную работу	помимо классного руководства, ведут другие предметы и имеют административные обязанности	менее других вовлечены в дополнительную деятельность в школе	большинство ведет классное руководство, а также внеклассную работу и платные занятия по ИЯ в школе	большинство ведет классное руководство, а также внеклассную работу и платные занятия по ИЯ в школе
Ценностно-мотивационные характеристики					
Значимость факторов работы в школе – ТОП-3	1) хороший коллектив коллег-единомышленников, благоприятная морально-психологическая атмосфера 2) уровень оплаты труда; 3) техническая (в том числе цифровая) оснащенность рабочего места	2) желание работать по полученной в вузе специальности; 3) возможности для личного развития, самореализации	2) уровень оплаты труда; 3) возможность заниматься педагогической деятельностью, работать с детьми	2) уровень оплаты труда; 3) возможности для личного развития, самореализации	2) уровень оплаты труда; 3) возможности для личного развития, самореализации

Продолжение таблицы 2

Значимость факторы работы в школе – показатели выше средних	1) техническая (в т.ч. цифровая) оснащенность рабочего места; 2) контингент учеников школы	1) желание работать по полученной в вузе специальности; 2) контингент учеников школы	1) уровень оплаты труда; 2) возможность заниматься педагогической деятельностью; работа с детьми; 3) удобство расположения школы, близость к месту жительства; 4) возможность заниматься подработками (репетиторством), используя статус учителя ИЯ	1) уровень оплаты труда; 2) возможность для личного развития, самореализации; 3) техническая (в т.ч. цифровая) оснащенность рабочего места; 4) возможность заниматься подработками (репетиторством), используя статус учителя ИЯ; 5) приобретение необходимого опыта и квалификации для последующей деятельности или вторичной занятости	1) возможности для личного развития, самореализации; 2) желание работать по полученной в вузе специальности; 3) социальные льготы и гарантии, предоставляемые образовательным учреждением
Характер удовлетворенности различными сторонами педагогической деятельности	более удовлетворены работой в школе в целом и возможностями профес- сionalного роста учеников школы	более удовлетворены работой в школе в целом. Менее удовлетворены возможностями профессионального роста, оплатой труда, продолжительностью рабочего дня	менее удовлетворены условиями и оплатой труда, возможностями профессионального роста, продолжительностью рабочего дня	менее удовлетворены работой в школе, оплатой труда, продолжительностью рабочего дня	менее удовлетворены оплатой труда
Качества идеального учителя	1) хорошее знание предмета 2) педагогический такт и мастерство 3) умение доступно излагать материал 4) стрессоустойчивость 5) ответственность	2) умение доступно излагать материал 3) знание методик ведения деятельности такт и мастерство 4) педагогический такт и мастерство 5) чувство юмора	2) умение доступно излагать материал 3) педагогический такт и мастерство 4) стрессоустойчивость 5) уравновешенность, терпеливость	2) умение доступно излагать материал 3) педагогический такт и мастерство 4) знание методик ведения деятельности 5) стрессоустойчивость	2) умение доступно излагать материал 3) педагогический такт и мастерство 4) знание методик ведения деятельности 5) стрессоустойчивость
Самооценка материального положения (шкала от 1 до 6)	ниже среднего (3,24)	ниже среднего (3,36)	ниже среднего (3,36)	среднее (3,59)	ниже среднего (3,29)
Наличие кредитных обязательств	41 %	25 %	57 %	57 %	51 %
Социально-демографические характеристики					
Средний возраст, лет	46	50	42	41	45
До 25 лет	1 %	3 %	3 %	1 %	2 %
25 – 35 лет	16 %	5 %	28 %	27 %	20 %
36 – 45 лет	31 %	22 %	34 %	44 %	35 %
Старше 60 лет	8 %	17 %	9 %	0 %	10 %
Среднее число детей	1,2	1,1	1,0	1,1	1,2

Полупрекарии. Вовлечены в прекарную занятость, чаще всего в формате самостоятельного репетиторства по иностранным языкам без юридического оформления данного типа занятости. Доход от вторичной занятости не приносит им основного заработка, составляя менее 30 % совокупного дохода. По этой причине полупрекарии не намерены оставлять основное место работы. В школе, помимо преподавания ИЯ, они чаще выполняют административные обязанности, а также функции тьюторства / наставничества / кураторства. Наиболее значимыми факторами работы в школе для них выступают: хороший коллектив коллег-единомышленников, благоприятная морально-психологическая атмосфера, уровень оплаты труда, а также возможность заниматься педагогической деятельностью, работать с детьми. Кроме того, значимыми факторами также являются: желание работать по полученной в вузе специальности и удобство расположения школы, близость к месту жительства. К качествам идеального учителя полупрекарии относят в числе прочих стрессоустойчивость, уравновешенность и терпеливость. Около 60 % данного типа учителей находятся в возрасте от 25 до 45 лет. Среди коллег они чаще имеют кредитные обязательства, что скорее всего является одной из причин активной вовлеченности педагогов в прекарную занятость, где стоимость одного часа работы обычно выше, чем в школе.

Комбинаторы. Данный тип учителей ИЯ выделен отдельно, так как такие педагоги совмещают основную занятость в школе с официальным трудоустройством по совместительству, при этом занимаясь еще и самостоятельным репетиторством по иностранным языкам. Это наиболее молодая группа учителей – в основном в возрасте 25–45 лет. Их совокупный доход от вторичной занятости составляет более 30 %. В отличие от других групп педагогов, оценивающих свое материальное положение ниже среднего, данный тип учителей имеет самооценку на уровне «среднего». При этом большинство комбинаторов, как и полупрекарии, имеют кредитные обязательства. Помимо уровня оплаты труда, возможностей для личностного развития, самореализации, для них также важна техническая оснащенность рабочего места.

Полупрекарии в прошлом. Тип учителей ИЯ, которые имеют опыт оказания лингвистических услуг в рамках вторичной занятости, но в настоящее время трудоустроены и ведут профессиональную деятельность только в школе. Чаще ведут платные занятия по ИЯ в школе, а также состоят в методических объединениях. Для них важна возможность личностного развития и самореализации. Кроме этого,

важными факторами выступают: желание работать по полученной в вузе специальности, социальные льготы и гарантии, предоставляемые образовательным учреждением. Данный тип педагогов не удовлетворен своим материальным положением и, соответственно, менее удовлетворен условиями труда в школе. К качествам образцового учителя, помимо хорошего знания предмета, умения доступно излагать материал и педагогического мастерства, полупрекарии в прошлом относят знание методик ведения педагогической деятельности.

Таким образом, в настоящее время около 40 % учителей иностранных языков, работающих в школе, вовлечены во вторичную занятость, в том числе 80 % из них – в прекарной форме. Подобные тенденции на рынке образовательных услуг, являющиеся следствием изъятий в государственной политике, осуществляемой в сфере образования и труда, размывают социально-профессиональный статус учительства, прекаризируют труд педагогов, а также являются факторами социальной дифференциации не только обучающихся, но и обучаемых – формирования образовательного лингвистического неравенства, носящего преимущественно региональный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно констатировать наличие в современной российской школе учителей-полупрекариев: *действующих* (полупрекалиев и комбинаторов), *бывших* (полупрекариев в прошлом) и *потенциальных* (официалов и совместителей – при определенных обстоятельствах способных пополнить их ряды). С одной стороны, это отражает тенденцию к коммерциализации образовательных лингвистических услуг, когда учителя, используя свой профессиональный статус и уровень профессиональной подготовки, могут удовлетворить существующий спрос на частные дополнительные занятия по иностранным языкам и повысить совокупный доход своих семей. С другой – вовлеченность учителей ИЯ во вторичную занятость отражает неудовлетворенность данной социально-профессиональной группы, как уровнем оплаты их труда, так и возможностями для полной профессиональной и личностной самореализации в стенах школы.

При этом подавляющее большинство учителей, в настоящий момент не готовы стать полными прекариями, оставив основное место работы в школе, дающее им стабильность и социальные гарантии, а также относительно привилегированный социальный статус. Данная профессиональная группа по-прежнему продолжает ценить

и верить в возможности для самореализации и развития в процессе педагогической деятельности в государственных образовательных учреждениях. В дальнейшем рост или снижение в их среде числа полупрекариев напрямую будет связано с тем, станет или не станет учитель центральной фигурой в школе по итогам

завершения в нашей стране процесса реформирования системы общего среднего образования. А степень обоснованности предложенной нами типологии учителей-лингвистов можно проверить и на других школьных педагогах-предметниках, прежде всего тех, чьи услуги также востребованы на рынке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь Мир, 2021.
2. Воробьева И. В. Российские ученые в условиях прекарной занятости // Вопросы управления. 2021. № 1. С. 131–142.
3. Тощенко Ж. Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13.
4. Готлиб Р. А. Социальная востребованность знания иностранного языка // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 122–127.
5. Примаков В. Л. Лингвистическое образовательное неравенство: постановка проблемы и анализ последствий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 2(843). С. 326–345.
6. Колосова Е. А. Проблемы занятости в сфере общего (школьного) образования // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь Мир, 2021. С. 182–198.

REFERENCES

1. Toshchenko, Zh. T. (Ed.). (2021). *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
2. Vorob'eva, I. V. (2021). *Rossijskie uchenye v usloviyah prekarnoj zanyatosti = Precarious employment or Russian scientists. Management issues*, 1, 131–142. (In Russ.)
3. Toshchenko, Zh. T. (2020). *Prekarnaya zanyatost' – fenomen sovremennoj ekonomiki = Precarious employment as a phenomenon of modern economy. Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 8, 3–13. (In Russ.)
4. Gotlib, R. A. (2009). *Social'naya vostrebovannost' znaniya inostrannogo yazyka = Social demand for foreign language knowledge. Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 2, 122–127. (In Russ.)
5. Primakov, V. L. (2021). *Linguistic educational inequality: problem statement and analysis of consequences. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences*, 2(843), 326–345. (In Russ.)
6. Kolosova, E. A. (2021). *Problemy zanyatosti v sfere obshchego (shkol'nogo) obrazovaniya (pp. 182–198) = Problems of employment in the field of general (school) education. In Zh.T. Toshchenko (ed.), Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Юлия Александровна

преподаватель кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Julija Aleksandrovna

Lecturer of the Department of Sociology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 11.01.2022
одобрена после рецензирования 27.01.2022
принята к публикации 04.02.2022

The article was submitted 11.01.2022
approved after reviewing 27.01.2022
accepted for publication 04.02.2022

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета Общественные науки Выпуск 1(846)	VESTNIK of Moscow State Linguistic University Social Sciences Issue 1(846)
---	--

Над выпуском работали:

доктор экономических наук доцент В. Н. Косторниченко
доктор социологических наук профессор В. А. Лапшов
М. В. Пупышева
А. А. Азаренкова

Редактор Н. Г Павлова

Компьютерная верстка: Г. П. Лопатина
Дизайн макета: А. В. Алымов

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 06.06.22
Усл. печ. л. 18,0. Формат 60x90/8
Заказ № 28/22

Адрес редакции:

119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политология
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.